

И. А. БУНИНЪ

ОКАЯННЫЕ

ДНИ

ПЕТРОПОЛИСЪ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

*Пѣснь о Гайаватѣ Лонгфелло. Изданіе девятое —
Парижъ — 1921 г.*

*Мистеріи Байрона. Изданіе третье — Берлинъ —
1921 г.*

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

И. А. БУНИНА

Х

ОКАЯННЫЕ ДНИ

ПЕТРОПОЛИСЬ / 1935 г.

**Tous droits de reproduction, de traduction et d'adaptation
réservés pour tous pays**

Copyright 1935 by Ivan Bunin.

ОКАЯННЫЕ ДНИ

ПОСЛѢДНЯЯ ВЕСНА

Шестая недѣля, а еще совсѣмъ зима.

Всталъ въ пять часовъ, одѣлся и вышелъ изъ дому. Какая радость, молодость, этотъ предразсвѣтный часъ! Валенки, полушубокъ — все счастье. Еще ночь, глухо и снѣжно. Въ темномъ небѣ чудится мерцаніе разсвѣта. Первый сладкій вздохъ свѣжестью, когда вышелъ на крыльцо. Пахнетъ новымъ снѣгомъ. Какъ неживые поютъ по всей деревнѣ пѣтухи.

Послѣ обѣда ѣздили къ Знаменскому. Сани съ круглымъ задкомъ, набитыя мерзлой старновкой, екаетъ селезенкой крѣпкій пѣгій меринъ. Поля очень бѣлы, ихъ бѣлизна, сливаясь съ блѣдно-сѣрымъ небомъ, погружаетъ въ глубокій покой, въ оцѣпенѣніе. Вдали все смутно, зыбко. Черно сѣрѣютъ инеемъ лѣса.

Въ Знаменское заѣхали съ задовъ. Глушь, пустота, все занесено снѣгомъ. Огромные горбы, сугробы между избами и пуньками. Въѣхавъ въ село, сбились, не знали, по какой дорогѣ ѣхать назадъ. А дѣло уже къ сумеркамъ, стало холодать, лѣса вдали еще больше засѣрѣли изморозью, меринъ весь обросъ инеемъ... Наконецъ, изъ-за сугроба, изъ маленькой черной двери потонувшей въ снѣгу избы, вылѣзъ мужикъ и, не

проваливаясь, въ разбитыхъ валенкахъ, перешель по сугробу къ намъ. Узкая рыжая борода, тонкій восковой носъ, легкій армякъ и орѣховая (изъ лошадиной шкуры) шапка. Подойдя, сперва внимательно оглядѣль пестрыми глазами лошадь, сани, насъ, потомъ не спѣша сказалъ мнѣ:

— А ты, государь милый, не тутъ ѣдешь. Тутъ дороги нѣту. Табельная дорога тамъ. Поѣзжай за мной...

И повель лошадь, переваливая насъ съ сугроба на сугробъ...

Вечеромъ пошли на Прилѣпы, въ господское помѣстье, арендуемое нѣсколькими семьями мужиковъ. Огней въ деревнѣ уже нѣтъ — только въ двухъ, трехъ избахъ сонныя, притушенныя лампочки. Морозно, душисто.

Въ помѣстьи огонь только у Сергѣя Климова. Надъ избой хмуро свѣрѣютъ въ темномъ небѣ высокія деревья. Обступили, грубо забрежали собаки. Хлопнула дверь, вышелъ Федька.

— Не спять еще?

— Никакъ нѣтъ.

— А мы къ Тихону Ильичу.

— Милости просимъ.

Въ избѣ теплая густая вонь, паръ отъ мокрыхъ ветошекъ изъ лоханки, подъ ногами чавкаетъ мокрая, съ грязью солома. Лубочныя картинки на бревнахъ стѣнъ, потныя. Съ печки торчатъ, глядятъ головы мальчишекъ. Сынъ Тихона Ильича спить. Невѣстка стираетъ въ корытѣ бѣлье, внучка собирается спать, перекрываетъ платокъ, стоитъ въ одной суровой рубахѣ. Самъ Тихонъ Ильичъ, согнувшись, сидитъ на печи, упершись въ нее ладонями, спустивъ надъ хорами,

на которыхъ спятъ другіе мальчишки, ужасныя ноги-палки въ старыхъ порткахъ. Лицо блѣдное и опухшее, борода виситъ, глаза текутъ слезливымъ блескомъ. Сталь говорить о смерти, утверждать, что вотъ-вотъ умретъ и что ничуть не боится.

Заговорили о войнѣ, Федька и баба стали хвалить заграничное житье, о которомъ рассказываютъ плѣнные. Вотъ, наприимѣръ, ученье въ школахъ — у насъ и у нѣмцевъ. . . У насъ все учительницы, а ихъ никто не слушается — «и что онѣ могутъ знать?»

Тихонъ Ильичъ слушалъ, склонивъ голову, потомъ сказалъ:

— Все пустое. Нехай воюють. Споконъ вѣку воевали и опять будутъ воевать. И ученье это ни къ чему. А вотъ помереть великимъ постомъ, особливо на Страстной, либо всего лучше въ Свѣтлый день — вотъ это, господа, не всякому Богъ даетъ такую радость. . .

II

Сѣро, холодно.

Шель по дорогѣ за деревней, по задворкамъ. Подъ лозинками стоитъ Мотька, скучный, недовольный. Въ рукахъ одностволка — стрѣлялъ на лозинкахъ галокъ. Двухъ убилъ наповаль — неподвижно лежатъ на сѣромъ снѣгу у его ногъ, третья сидитъ поодаль, прижалась къ землѣ, распластавъ перебитое крыло, глядитъ блестящими переливающимися глазами.

— На что жъ ты ихъ бьешь?

Мутно усмѣхнулся:

- Учусь. На войну хочу проситься.
— Почему?
— А что-жъ тутъ сидѣть?
— А не боишься, что убьютъ на войнѣ?
— Ну что-жъ, пускай убиваютъ. Авось насъ, молодыхъ, и такъ немного осталось. Да я и самъ не мало перебыю, покуда убьютъ. . .

III

Нѣтъ, уже весна.

Нынче опять ѣздили. И всю дорогу молчали — туманъ и весенняя дремота. Солнца нѣтъ, но за туманомъ уже очень много весенняго свѣта, и поля такъ бѣлы, что трудно смотрѣть. Вдали едва рисуются кудрявые сиреневые лѣса.

Около деревни перешель дорогу малый въ желтой телячьей курткѣ, съ ружьемъ. Совсѣмъ дикій звѣроловъ. Глянулъ на насъ, не кланяясь, и пошелъ напрямикъ по снѣгамъ, къ темнѣющему въ лощинѣ лѣску. Ружье короткое, съ обрѣзанными стволами и самодѣльной ложей, выкрашенной сурикомъ. Сзади равнодушно бѣжитъ большой дворовый кобель.

Даже полынь, торчащая вдоль дороги, изъ снѣгу, въ ииѣ; но весна, весна. Блаженно сидятъ на снѣжныхъ навозныхъ кучахъ, раскиданныхъ по полю, ястреба, нѣжно сливаются со снѣгами и туманомъ, со всѣмъ этимъ густымъ, мягкимъ и свѣтло-бѣлымъ, чѣмъ полонъ счастливый предвесенній мѣръ.

IV

Легкій морозъ и пригрѣваетъ солнце.

На рѣкѣ, возлѣ обмерзлыхъ прорубей, бабы. Среди нихъ Катька. Лапти, подѣ ватной курткой круглится грудь. Мила, улыбнулась намъ. И она и бабы: «Ишь, шатаются, ходятъ! Ихъ и на войну не берутъ!»

На горѣ, подѣ барскимъ гумномъ, грѣется на солнцѣ бѣлый въ розовыхъ пятнахъ быкъ. Онъ стоялъ на фонѣ неба, и я засмотрѣлся, какой приобрѣтало оно отъ быка густой сине-лиловый цвѣтъ. Очень хороши были и старыя темно-зеленыя ели подѣ скатомъ сада.

Вечеромъ въ Полевое. Отъ Выселокъ шли пѣшкомъ, ведя мерина на поводу: рѣшили цѣликомъ выбратъся къ усадьбѣ. Было далеко видно. На западѣ только что сѣло въ огненныхъ тучкахъ солнце, и тучки быстро гасли, туманились; на востокѣ небо мертвѣло, становилось гуще, сизѣе, а снѣга стали плоски, блѣдно позеленѣли. . .

Когда подѣвзжали къ усадьбѣ, совсѣмъ вечерѣло, снѣга и бѣлыя шапки крышъ рѣзко выдѣлились въ послѣднемъ свѣтѣ отъ заката.

Въ домѣ было темно, въ прихожей краснѣла, топи-лась печь. Грусть зимняго вечера, снѣговъ, пустынно-сти, одиночества. . . Пили чай, хозяинъ говорилъ: къ Пасхѣ народъ «обязательно» ждетъ мира.

Когда вышли — лунная ночь. Половина блестящей луны, прямыя тѣни голыхъ деревьевъ, среди нихъ, на снѣгу, сверканье драгоценныхъ камней; тѣнь отъ дыма изъ трубы дома. За садомъ, въ свѣтломъ пустомъ полѣ, одинокій обмерзлый стогъ сѣна.

Страстной понедѣльникъ.

: Все мокрое, вездѣ таетъ, вездѣ бѣгутъ ручьи. Бугры въ деревнѣ оголились, на рѣкѣ свинцовые наливны, поля вдали траурныя, пѣгя: чернѣющія прогалины — какъ черныя острова въ бѣломъ снѣжномъ морѣ.

Съ большимъ трудомъ шли по улицѣ — грязь непролазная. Весенній сырой вѣтеръ крѣпко дуетъ въ голыхъ лозинахъ, а на нихъ немолчно орутъ только что прилетѣвшіе грачи, — орутъ важно, побѣдно и вмѣстѣ съ тѣмъ радостно, безтолково, нестройно. Ни съ чѣмъ несравнимое чувство — слышать ихъ въ первый разъ послѣ шестимѣсячной зимней смерти!

Зашли къ Пальчиковымъ. Старикъ сидитъ на лавкѣ и вяжетъ веровочныя лапти. Мирное, смиренное, ласковое лицо.

— Добраго здоровьица, господа хорошіе.

Синеглазая Анютка, съ полнѣющей грудью подъ замашной рубахой, работаетъ съ матерью за ткацкимъ станомъ. Машка сидитъ у окна на лавкѣ, прядетъ. На полу, на мокрой и грязной соломѣ, нѣсколько овецъ съ только что окотившимися, кудрявыми и точно облизанными ягнятами. Возлѣ печки, за дежой съ тѣстомъ, прикрытой старымъ армякомъ, лежатъ, распустивъ розовое брюшко, два поросенка.

Машка покосилась на старика:

— А ты бы вотъ лучше спросилъ своихъ хорошихъ господъ, когда война кончится?

— А вотъ когда весь народъ перебьютъ, тогда и

кончится, — холодно и зло отвѣтила ей мать изъ-за стана. — Когда мы всѣ съ голоду помремъ.

— Эхъ, бабы, — сказалъ я, — какъ не грѣхъ и не стыдно! Кто же это изъ васъ умираетъ? Съ роду никогда не жили такъ сыто. Сколько теперь денегъ въ каждомъ дворѣ? Курицы на всей деревнѣ не купишь ни за какія деньги, — все сами ѣдите. А ужъ про вашъ дворъ и говорить нечего. Ну-ка, скажите, сколько у васъ скотины?

Бабы не отвѣтили.

Вошла старуха, тоже вся мокрая, въ разбитыхъ лаптяхъ, въ армячной курткѣ. И тоже посмотрѣла на насъ исподлобья.

— Что жъ это ты, бабка, такъ вымокла? — сказалъ я. — А говоришь, больна.

— А что жъ, не больна? Конечно, больна. Того гляди околѣю.

— А ходишь вся мокрая. Ишь, лапти-то какіе. Чего-жъ башмаковъ не купишь?

— Купишь! Купилъ бы вола, да энта гола. Я ихъ съ роду не носила, башмаковъ-то твоихъ. Вѣнчалась и то въ лаптяхъ. Это тебѣ хорошо, у тебя все есть.

— Да у меня ровно ничего нѣту. Одна голова на плечахъ.

— Голова! А на головѣ что? Ишь шапка-то какая! Какъ тебѣ простудиться! Ходишь, гуляешь... Напился чаю и гуляй. Ай у тебя работа какая? Не мотай головой-то, не мотай. Ай неправду говорю?

— Конечно, неправду.

— Ну, ну, молчи ужъ. А я вотъ какъ встала, такъ и пошла. Цѣлый день шатаюсь, мокну...

И сѣро-голубые глаза налились слезами, покраснѣли. Я шутя обнялъ ее, поцѣловалъ въ лобъ. Она черезъ силу, строго улыbnулась, потомъ взглянула на меня уже совсѣмъ ласково и, отвернувшись, пошла къ печкѣ.

Пока дошли домой, распогодилось. Вечеръ розовый, сіяющій. Въ домѣ тишина, вся прислуга ушла въ церковь. Долго сидѣлъ въ залѣ, глядя на закатъ, который за черными вѣтвями сосенъ въ палисадникѣ казался особенно яркимъ, розовымъ. Потомъ это розовое стало переходить въ золотое. . .

VI

Бздили на розвальняхъ, — съ подрѣзами уже не проѣдешь.

День мрачный, пасмурный. Но таетъ, — дорога рыхлая, только посрединѣ твердая, горбатая, бурая отъ прѣлага лошадиного навоза, подъ которымъ ледъ.

Возлѣ Крестовъ меринъ провалился по брюхо. Съ великимъ трудомъ подняли, вытащили его, постояли, посмотрѣли кругомъ. Огромная, величаво-дикая картина уже совсѣмъ траурныхъ полей подъ угрюмымъ, медленно идущимъ тучами небомъ. Сильный, по весеннему свѣжій вѣтеръ съ запада. Шумъ лѣса, чернѣющаго въ полуверстѣ отъ Крестовъ, слышенъ даже тутъ. Между лѣсомъ и нами — блѣдный снѣгъ, темно-синія лысины обнажившейся земли. Меринъ, пѣгій, старый, косматый, стоитъ, опустивъ голову, на высокомъ горбѣ дороги, смотритъ на бутылочно-зеленую

лужу ледяной воды, налившейся среди снѣга возлѣ нея. . . Древняя Русь!

Возвращались по другой дорогѣ, черезъ Казаковку. При въѣздѣ въ деревню помогали мужику, съ которымъ случилась та же исторія, что съ нами: утопилъ лошадь и розвальни въ большой колдобинѣ, полной воды и снѣга. Сѣрая лошадь покато сидитъ въ этомъ мѣсивѣ, выкинула переднія ноги, карабкается, цѣпляется ими и все обрывается, а мужикъ, видимо, еще болѣе озлобленный нашей непрошенной помощью, не глядя на насъ, все бьетъ ее кнутовищемъ по головѣ, изъ которой смотрятъ совсѣмъ человѣческіе глаза.

— Вы бы лучше на войну шли, чѣмъ тутъ безъ дѣла околачиваться! — негромко и злобно сказалъ онъ намъ сквозь зубы, дергая вожжи и работая кнутовищемъ.

Вечеръ очень темный. Отъ темноты, грязи и воды со двора не выйдешь. Ходилъ по двору, отъ крыльца до каретнаго сарая. Гдѣ-то жалобно кричалъ филинъ.

VII

Чистый четвергъ.

Вѣтеръ, солнце, блескъ. Ночью шель снѣгъ — теперь по грязи и по старому, сѣрому блещетъ новый, пушистый. Въ поляхъ, къ горизонту, все серебристо.

Съ трехъ пошелъ дождь.

Вышли вечеромъ — непроглядная темь, густой туманъ, сырость. На деревнѣ, за рѣкой, ни одного огня. Тамъ, гдѣ людская, мглисто-красное пятно свѣта. Въ

оврагъ къ рѣкѣ черный мракъ, глухой, словно очень дальній шумъ воды, потрескиванье, движенье льда. Совсѣмъ, какъ въ «Воскресеньи». И вдобавокъ стали кричать пѣтухи. . .

Потомъ пѣтухи стали кричать рѣже, музыкальнѣе. А въ саду, невдалекѣ, но не поймешь отъ тумана, гдѣ именно, сталъ кричать филинъ. Сперва лай, потомъ дѣтскій плачь, хлопанье крыльевъ и клекотанье — съ наслажденіемъ, съ мучительнымъ удовольствіемъ. Мы вошли въ аллею и стали слушать. Деревья надъ нами казались страшными, огромными, хотя мы скорѣе чувствовали, чѣмъ различали ихъ. Необыкновенно сладкій запахъ — мокрыми стволами и вѣтвями, корой, почками, туманомъ. Пошли къ шалашу, пустому, одинокому, мрачному. Какой онъ былъ совсѣмъ другой лѣтомъ, когда въ немъ жили караульщики! Всякое опустѣвшее жильѣ навсегда остается живымъ, думающимъ, чувствующимъ. Филинъ кричалъ совсѣмъ близко, рѣзко, отвратительно, потомъ вдругъ опять залаялъ, захлебнулся и быстро, гулко забилъ крыльями. Я хлопнулъ въ ладоши и крикнулъ. Филинъ зашуршалъ, сорвался и стихъ. Немного погодя отозвался гдѣ-то въ сосѣднемъ саду — какъ будто бесконечно далеко. . .

VIII

Весь день дождь.

Иногда перестаетъ, и тогда мокрый садъ оживаетъ, поютъ дрозды. Въ этихъ милыхъ, какъ бы шутливыхъ переливахъ такая весенняя прелесть, такая сладость

жизни, надеждъ, счастья, что никакими словами не скажешь.

Вышелъ на крыльцо: стоитъ нищій старикъ безъ шапки, держитъ за ручку дѣвочку въ лохмотьяхъ, въ сопрѣвшихъ лапоткахъ и въ слинявшемъ синемъ чепчикѣ.

— Подайте, Христа ради, батюшка... Мы военные, бѣглые, дальніе.

Я далъ старику, потомъ наклонился къ дѣвочкѣ:

— Какъ тебя звать?

Молчитъ.

— Что же ты молчишь?

Молчитъ и смотритъ ясными глазками.

Сунулъ и ей въ кулачекъ рубль, — крѣпко, но все такъ же безучастно зажала.

Распрямляясь, сказалъ:

— Эхъ, нехорошо мы живемъ!

Нищій удивился:

— Чѣмъ, батюшка, нехорошо? Какая же у васъ нужда? Ваша бѣдность, батюшка, по нашему, великое богатство.

— Да, нѣтъ, я не про то. Неправедно люди живутъ.

— Ну, родной, не нами это началось, не нами и кончится...

Падаютъ уже только крупныя капли, — облака расходятся. Деревья благоухаютъ мокрой корой, дрозды выводятъ свои переливы еще слаще и милѣе. Медленный, рѣдкій звонъ. Мимо усадьбы идутъ на этотъ звонъ дѣвки и бабы.

Великая Суббота.

Въ домѣ уборка. Вымытые полы, отъ которыхъ пахнетъ теплой сыростью, застланы попонами. Моютъ, протираютъ окна. Аниска съ Наташей, подоткнутыя, потныя, красныя, уморились и потому ссорятся. Студентъ, теперь человѣкъ уже московскій, прїѣзжій, ходитъ, какъ посторонній, не знаетъ что дѣлать, стоитъ на крыльцѣ, смотритъ черезъ пэнснэ въ поле. Дуетъ вѣтеръ и сушитъ дворъ, садъ. . . Предпраздничная печаль и пустота. . .

Къ вечеру все убрано, все чисто, въ полномъ порядкѣ. Вѣтеръ стихаетъ. Расчистился, раскрылся золотисто-свѣтлый западъ. Воздухъ прохладнѣй, рѣзко пахнетъ землей съ весеннихъ полей. Проглянуло солнце — и въ упоръ озаряетъ голый садъ: блестятъ лиловатыя сучья, четко видны корявые стволы липъ.

Когда солнце сѣло, долго краснѣлъ закатъ, а надъ нимъ, выше, горѣла золотая Венера. вмѣстѣ съ сумерками потянулись изъ подъ горы къ церкви наряженныя бабы, мужики въ сапогахъ и пиджакахъ, всѣ съ бѣлыми узелками въ рукахъ.

Въ десять пошелъ въ церковную караулку. Накурено, тѣсно, вся караулка полна. Подъ образами сидитъ мужичекъ съ маленькой женской головой въ черныхъ крупныхъ волосахъ. Одѣтъ въ черный армякъ, подпоясанъ черной подпояской. Все моргаетъ, жмурится, приглаживаетъ волосы. Рядомъ — мужикъ съ масленой и какъ будто завитой бородой, съ маслеными лазоревыми глазами, наладившій всего себя подъ кра-

соту и благолѣпіе. Потомъ старикъ — весь мшистый и могучій, осанистый, совсѣмъ изъ древности. Возлѣ него баба, высокая худая, съ глазами гремучей змѣи, въ цвѣтистомъ платѣ.

Разговоръ о раненыхъ и бѣженцахъ:

— А на раненыхъ подай да подай! Яицъ имъ неси, холста дай, а намъ изъ чего давать?

— На раненыхъ? — спросилъ, жмурясь, мужичекъ.

— На какихъ такихъ раненыхъ?

— А намъ изъ чего на нихъ давать? У меня вотъ всей земли осьминникъ, а я самъ семь!

— А имъ, этимъ самымъ бѣглецамъ, откуда жъ взять? — спросилъ мшистый старикъ.

— Они побогаче насъ съ тобой, — сказалъ мужичекъ.

— Дуракъ ты, братъ!

— Я дуракъ?

Покачалъ, жмурясь и улыбаясь, головой:

— Бѣглецы! Почему же такое бѣглецы? Ихнее дѣло, значитъ, тамъ не вышло, вотъ они и бѣгутъ сюда? Вонъ къ намъ прислали одного, онъ всѣхъ куръ перевель, всѣхъ пожралъ. . .

Потомъ разговоры о войнѣ. Кто говоритъ, что наша возьметъ, кто сомнѣвается.

— А ну какъ не возьметъ? — опять весело-ехидно сказалъ мужичекъ. — Его, врага-то, видать, нашими овцами не затопчешь!

На него дружно закричали. Онъ замолчалъ, но все крутилъ головой.

— Да авось мы не одни, — сказалъ мшистый старикъ. — Кабы мы одни, а то съ нами Англія, Франція, дай Богъ имъ здоровья.

Вошелъ Бодуля, — пустой, бездѣльникъ, легкомысленный, — топнулъ лаптями:

— Нашего (царя) ни одна не возьметъ! Нашъ всѣ державы пройдетъ! Гдѣ ему къ чертямъ, нѣмцу этому!

Кто то съ радостнымъ удовлетвореніемъ, съ кашлемъ захохоталъ:

— Вотъ онъ на Парижъ полѣзъ, да завязъ! Всю свою державу ранеными забилъ!

Благолѣпный мужикъ подхватилъ:

— Вотъ бы еще стражниковъ туда, на фронтъ, согнать, они всю эту службу давно знаютъ! А тутъ чего имъ сидѣть!

Вышелъ въ церковный дворъ. Темно, свѣжо. Небо темно-синее, сказочное отъ бѣлыхъ крупныхъ звѣздъ.

Въ темнотѣ кто-то увѣренно говорилъ:

— Нѣтъ, это все брешутъ. Ничего послѣ этой войны не будетъ. Какъ же такъ? Если у господъ землю отобрать, значить, надо и у царя, а этого никогда не допустятъ.

И кто то рѣзко отвѣчалъ:

— погоди, и до царя дойдутъ. Что жъ онъ весь народъ на эту войну обобралъ? Вонъ опять надо на Красную Горку рекрутовъ отправлять. Развѣ это дѣло? Вся Россія опустѣла, затихла!

Х

Весенній вечеръ.

На деревнѣ, возлѣ Никитиныхъ, народъ. Отправляютъ солдата. Онъ въ новыхъ сапогахъ, въ рубахѣ

хаки. Стоитъ на крыльцѣ со своей воющей и причитающей бабой. Обнялъ ее, уперся ей въ лобъ лбомъ и качается. Баба иногда отрывалась отъ него и кричала, какъ бы падая. Онъ молча смотрѣлъ на нее въ упоръ злобными, мрачными глазами. Мать стояла возлѣ въ полномъ оцѣпененіи. Печникъ, стоявшій въ толпѣ съ трубкой въ зубахъ, съ удобно разставленными короткими ногами, любовался всей этой картиной съ бодрымъ любопытствомъ, живыми, смѣющимися глазами.

Потомъ изъ за угла избы загремѣла телѣга, подкатила къ крыльцу — рысью подѣхалъ и остановился старикъ отецъ. Онъ дѣловито стащилъ съ крыльца сундукъ солдата, поставилъ его, ни на кого не глядя, въ телѣжный ящикъ, въ солому, солдатъ, быстро и внезапно обнявъ мать, сошелъ за нимъ, сѣлъ возлѣ сундука и вдругъ зарыдалъ, уронивъ на сундукъ голову. За солдатомъ полѣзла въ телѣгу его баба и, падая въ нее, стала кричать на всю деревню разными голосами. Старикъ озабоченно разобралъ веревочныя вожжи и, дернувъ лошадь, на бѣгу бокомъ вскочилъ на грядку телѣги. . .

Очень высокій малый въ нарядной зеленой рубашкѣ, стоявшій среди дѣвокъ съ гармоніей въ рукахъ и, очевидно, очень нетерпѣливо ждавшій, когда уѣдутъ, тотчасъ громко заигралъ. Дѣвки подхватили, «застрадали». Выгонъ впереди уже заблѣлъ — сталъ виденъ лунный свѣтъ, еще мѣшавшійся съ зарей.

1916 г.

ПОСЛѢДНЯЯ ОСЕНЬ

I

Утромъ разговоръ за гумномъ съ Мишкой.

Пріѣхаль съ фронта на побывку.

Молодой малый, почти мальчишка, но удивительная русская черта: говоритъ всегда и обо всемъ совершенно безнадежно, не вѣритъ ни во что рѣшительно.

Я сталь на гумнѣ за садомъ, онъ шелъ мимо, вель откуда-то съ поля свою мышастую кобылу.

Увидавъ меня, свернулъ съ дороги, подошелъ, пріостановился:

— Добраго здоровья. Все гуляете?

— Да нѣтъ, не все. А что?

— Да это все бабы на деревнѣ. Все дивятся, что вотъ васъ небось на войну не берутъ. Вы, моль, откупались. Господамъ, говорятъ, хорошо: посиживаютъ, говорятъ, себѣ дома!

— Не всѣ посиживаютъ. И господъ не меньше вашего перебили.

— Да я-то знаю. Я-то тамъ наглядѣлся. А съ нихъ, съ дурь, что жъ спрашивать. Ну, да это все пустое. А вотъ какъ наши дѣла теперь? Какъ тамъ? Вы каждый день газеты читаете.

Я сказалъ, что сейчасъ вездѣ затишье. Но что англичане и французы понемногу бьютъ.

Онъ невесело усмѣхнулся.

— А мы, значитъ, опять ничего?

— Какъ ничего?

— Да такъ. Мы его (нѣмца) видно никогда не выгонимъ.

— Богъ дастъ, выгонимъ.

— Нѣтъ. Теперь остался.

— Ну вотъ и остался!

— Да какъ же не остался? Чѣмъ мы его выгонять будемъ? У насъ и пушекъ нѣтъ, одни шестидюймовыя мортиры.

— Откуда ты это взялъ?

— Агитаторы говорятъ. Да я и самъ знаю.

— Нѣтъ, у насъ теперь всего много. И пушекъ и снарядовъ.

— Нѣтъ, одни шестидюймовки. А крѣпостную артиллерию возить не на чемъ.

— Опять неправда.

— Какой тамъ неправда! По этакой дорогѣ развѣ ее свезешь на лошадахъ? Только лошадей подушишь. Станешь ее вытаскивать, а она на два аршина въ землю ушла, а хоботь и совсѣмъ въ грязи не видать. Нѣтъ, это вамъ не нѣмцы!

— А что жъ нѣмцы?

— А то, что нѣмецъ рельсы проложилъ — везетъ и везетъ. А войска наши какія? Легулярныя войска, какія были настоящія, царскія, всѣ тамъ остались, а это ополченье — какія это войска? Привезутъ ихъ на позицію, а они всѣ и разбѣгутся. Подтягивай портки потуже да драло. Всѣ, какъ одинъ.

— Ну, ужъ и всѣ!

— Вѣрное слово вамъ говорю. Да вы то подумайте: чего ему умирать, когда онъ дома облопался? Теперь у каждой бабы по сто, по двѣсти цѣлковыхъ спрястано. Отроду такъ хорошо не жили. А вы говорите — умирать! Нѣтъ ужъ куда намъ теперь!

Махнулъ рукой, дернулъ лошадь за поводъ и пошелъ, даже не поклонившись.

Утро свѣтлое, на почернѣвшихъ, почти голыхъ лозинкахъ, на ихъ сучьяхъ и рѣдкой пожухлой листвѣ — блески растаявшаго мороза. На мужицкихъ гумнахъ золотомъ горятъ свѣжія скирды, стаями перелетаютъ сытые голуби, давая чувство счастливой осени, покоя, довольства, — это правда: «облопались». Вдали, у насъ, въ сизо-туманномъ утреннемъ саду, мягко, неизъяснимо-прекрасно краснѣютъ клены.

II

Послѣ ужина пошелъ по деревнѣ. Темно, ночь бодрая, холодная.

Пройдя деревню, увидалъ съ косогора огоньки внизу, на водяной мельницѣ у Петра Архипова. Пошелъ туда.

Спустившись, подошелъ къ открытымъ воротамъ мельничнаго сруба: тамъ внутри все шумитъ и дрожитъ, — мельница работаетъ. Возлѣ жернововъ стоитъ и тускло свѣтитъ въ мучнистомъ воздухѣ запыленный мукой фонарь, а вверху сруба, — онъ безъ по-

толка, — и кругомъ, въ углахъ, — мрачный сумракъ. Пахнетъ тоже мукой, сыровато, хлѣбно.

Петръ Архиповъ сидитъ возлѣ фонаря, похожъ на Толстого. Большая, побѣлѣвшая отъ муки борода, побѣлѣвшій полушубокъ; картузь, совсѣмъ бѣлый, на-двинуть на брови. Глаза острые, серьезные.

Противъ него, на обрубкѣ пня, сидитъ какой-то кудрявый мужикъ, незнакомый мнѣ. Уперся локтями въ колѣни, курить и смотреть въ землю.

Поздоровавшись, присѣлъ и себѣ.

— А мы вотъ о войнѣ говорили, — сказалъ сквозь шумъ мельницы Петръ Архиповъ. — Вотъ онъ ничему не вѣритъ, никакой нашей побѣды не чааетъ.

Мужикъ поднялъ голову и ядовито усмѣхнулся.

— А какъ ты самъ-то, Петръ Архипычъ? Тоже не чаешь?

Онъ холодно взглянулъ на меня.

— Я? А я не знаю. Пускай ихъ воюють. Воюйте на здоровье. Это, господа дворяне, ваше дѣло.

— Это какъ же такъ?

— А такъ. Намъ, мужикамъ, одно надо: ничего никому не давать, никого къ себѣ съ этими поборами и реквизиціями не пускать. Что бы никто къ намъ не ходилъ, ничего нашего не бралъ. Ни нѣмецъ, ни свой. Да.

Помолчалъ, потомъ опять заговорилъ, еще возвышая сквозь шумъ голосъ:

— Да. А то вонъ пріѣхалъ на той недѣлѣ какой-то съ грибами на плечахъ — сыновей ему давай, хлѣба давай. . . всего давай! Разъ наше дѣло не выходитъ — мировая и шабашъ. Миколай Миколаичъ Младшій, вотъ это воинъ. Ухъ, рассказываютъ солдаты,

что только за человекъ! Отца родного за правду не пожалѣетъ. Ночью встанетъ тихонько, чтобъ ни одинъ генераль за нимъ не увязался, и пошелъ въ обходъ по окопамъ. Солдаты простыхъ увидятъ: «Здорово, друзья! Надѣйтесь на меня, какъ на каменную гору. Я объ васъ ночи не сплю!» А господамъ офицерамъ, если завидитъ, что въ карты играютъ, бездѣльничаютъ, безъ всякой церемоніи шашкой голову долой! Вотъ это воинъ.

Сумрачно помолчалъ, потомъ всталъ и подошелъ къ трясущемуся рукаву, по которому сѣрой струей текла мука. Взявъ горсть муки, помялъ ее, понюхалъ и спросилъ, почти крикнулъ:

— Ну, а этотъ самый человекъ, гдѣ онъ теперь?

— Какой?

— Сухомлинъ.

Кудрявый мужикъ, курившій на пнѣ трубку, со свистомъ захохоталъ и махнулъ рукой:

— Вона! — сказалъ онъ. — Хватился! Его теперь и слѣдъ простылъ! Его давно покрыли и спрятали!

Петръ Архиповъ строго посмотрѣлъ на него, на его плечи и голову, потомъ еще строже на меня:

— Гдѣ, по вашему, такой человекъ можетъ находиться? И что такому человеку должно быть? Что онъ для Россіи можетъ быть? Что онъ для ней сдѣлалъ? Черезъ кого тамъ теперь миллионы лежатъ, тухнуть?

Обивъ и вытеревъ руку о полушубокъ, онъ опять сѣлъ и опять замолчалъ. Потомъ тѣмъ-же тономъ, но уже спокойнѣе:

— Да. На насъ, мужиковъ, какъ тамъ глядятъ? Тычь его куда похуже, а насъ, господъ, не тронь, — мы высокаго званья. А тѣ пускай прѣютъ, этихъ дураковъ еще великія тысячи надѣлаютъ. Сейчасъ вонъ опять берутъ, а зачѣмъ? Чтобы послѣднихъ перебить? Вы, баринъ, — дерзко и громко спросилъ онъ, — вы намъ ужъ откровенно скажите, какая ваша задача: что бы насъ всѣхъ перебить, а скотину порѣзать да въ окопахъ стравить?

— Петръ Архипычъ, какъ тебѣ не стыдно? Вѣдь ты человекъ умный!

— Умный! — сказалъ онъ, нѣсколько смутившись, и вдругъ опять сдвинулъ брови и поднялъ тонъ:

— Вамъ хорошо говорить. А у меня вонъ сынъ два мѣсяца ни одного письма. Гдѣ онъ теперь, что онъ теперь? Мертвое тѣло? А потомъ, какъ перебьютъ всѣхъ, вы что же будете дѣлать? Приѣдете, конечно, къ царю и скажете: «Погляди, государь, гдѣ твоя держава теперь? Нѣту тебѣ ничего, все чисто, одно гладкое поле!»

1916 г.

БРАНЬ

Лаврентій.

Я судержалъ и могъ судержать старое потомство. Я этой земли шесть надѣловъ держалъ, когда господа костьюлами били, а теперь тебѣ отдай?

Сухоногій.

Да ты ее у меня отнял! Меня оголодиль! Я ее, землю-то, кровью облилъ!

Лаврентій.

Ты мнѣ ее продалъ.

Сухоногій.

Ты ее отнял! Купиль!

Лаврентій.

Ты продалъ, а я купиль. А теперь ты, значитъ, хозяинъ сталъ? Я за нее деньги отдалъ. Какъ же мнѣ землей не интересоваться? Я черезъ нее сѣрый сталъ,

братъ ослѣпъ, а отецъ въ гробъ пошелъ. Вотъ какъ его наживаютъ, капиталъ-то.

Сухоногій.

Да-а, такъ! Ты у меня двѣ десятины держалъ, одну за деньги, а другую за процентъ одинъ.

Лаврентій.

Да что я ее у тебя — силкомъ бралъ? Ты самъ сдавалъ. Нужда сдавала. Нужда просила.

Сухоногій.

Конечно, нужда! А ты ее забылъ! Ты гребъ!

Лаврентій.

Гребъ! Ты поди погляди, сколько у меня вашихъ векселей лежатъ не плоченыхъ. Вы, мужики, хамы.

Сухоногій.

А ты-то кто-жъ? Не мужикъ, что-ли? Не такой-же хамъ?

Лаврентій.

Я хозяинъ. Я слово свое судержу. Это вашъ братъ, нищевроды, хамы. Пускай теперь на осинкѣ передо мной удавится, трынки не дамъ. Зачѣмъ ему, сукину сыну, надо было дробачъ съ гумна тащить?

Сухоногій.

А ты самъ зачѣмъ тащиль?

Лаврентій.

Я не тащиль, я за деньги бралъ. Я за свое добро требовалъ, а не воровать по гумнамъ ходилъ.

Сухоногій.

Все равно тащиль! Первую заповѣдь забылъ!

Лаврентій.

Ахъ, Боже милосливый!

Сухоногій.

Да, всѣмъ тащиль, обозы гонялъ, подъ процентъ давалъ, за всѣмъ попинался!

Лаврентій.

Я ночи не спалъ, свое хозяйство наживалъ.

Сухоногій.

Молчи! «Ночи не спалъ! Хозяйство наживалъ!» А зачѣмъ не спалъ? Зачѣмъ наживалъ? Дьяволу угожалъ? Что, передъ смертью въ лепешку закатаешь да сожрешь, деньги-то эти? Мнѣ вотъ восемьдесятъ лѣтъ...

Лаврентій.

Ты меня переживешь. Ты костяной. Тебя ни одна болѣзнь не беретъ.

Сухоногій.

Мнѣ Господь мою кость за бѣдность далъ, а у меня сына послѣдняго забрали ваше народное правитель-ство, глаза ихъ закатись!

Лаврентій.

Дѣйствительно, это новое правительство глупо сдѣ-лало, что у тебя сына послѣдняго взяли у старика убо-гаго.

Сухоногій.

А такихъ-то убогихъ много!

Лаврентій.

Немного, не говори. По порядку стараются брать. А только, конечно, глупцы. Не ихнее это дѣло въ пра-вители, въ начальники лѣзть. Какіе-же они правите-ли, когда тремъ свиньямъ дерьма не умѣютъ раздѣ-лить?

Сухоногій.

А! Вотъ то-то и есть! Они его въ солдаты взяли, а по его развитію, по его почтенности ему какое мѣсто занимать? Онъ у любого барина въ сельской конто-рѣ можетъ писаремъ быть! Имъ бы и всѣмъ-то, солда-тамъ, надо ружья покидать да домой!

Лаврентій.

Ружья нельзя кидать, беспорядокъ будетъ.

Сухоногій.

А за кого имъ теперь воевать? Наша держава все равно пропала!

Лаврентій.

Это вѣрно, пропала. Безъ пастуха и стадо пропадаетъ. А она, свинья-то, умнѣй чловѣка.

Сухоногій.

А! Вотъ то-то и есть! Кому они присягали, эти солдаты-то твои? Прежде великому Богу присягали да великому Государю, а теперь кому? Ванькѣ?

Лаврентій.

На Ваньку надежда плохая. У него въ головѣ мухи кипятъ.

Сухоногій.

Мы присягали на вѣрность службы, а дворяне на вѣрность подданства, а теперь гдѣ они? Съ Ванькой сидятъ, хвостомъ ему виляютъ! Ну, разорился, ну, имѣнье свое прожилъ, а все таки честь свою держи, алебарду не опускай! Тебя господа костьюлами не могли бить, ты по своимъ лѣтамъ въ крѣпости не жилъ, а я жилъ, знаю! Тебя, такого то, будь ты хоть бурмистромъ, нельзя было не бить, ты словъ не слушалъ, ты господина всегда норовилъ обокрасть, а меня госпо-

да пальцемъ не трогали! Ты кротъ подземный, у тебя когти скребучіе!

Лаврентій.

Они и такъ всѣ давно разбѣжались, солдаты-то эти твои. Всѣ по деревнямъ сидятъ, грабежу ждутъ.

Сухоногій.

Сидятъ! Конечно, сидятъ! Раньше держава была, а теперь что? Кому служить? А прежде каждый должонъ былъ въ назначенный срокъ явиться, а не явился — умѣй выправиться, рапортъ подай! Теперь все равно все прахомъ пойдетъ, все придется съ начала начинать, по камушку строить!

Лаврентій.

Ахъ, Боже милосливый! А строить то кто будетъ?

Сухоногій.

Кто-жъ по твоему? Ты? Анъ брешешь! Господь, а не ты! Господь!

Лаврентій.

Тебѣ такому-то Господь не дастъ. У тебя все равно дуромъ пойдетъ. Тебѣ хоть золотой дворець дай, ты все равно его лопухами заростишь. Тебѣ бы только на жалѣйкахъ играть да дѣльнаго человѣка злословить. Ну, я кротъ скребучій, а ты кто? Вашего брата хорошіе угодники Божіи за вашу безпечность за вшивые вихры драли.

Сухоногій.

Не всѣ драли, брешешь! Угодники разные есть!
Они сами богатства гнушались!

Лаврентій.

Они для себя гнушались, а намъ велѣли свое по-
томство кормить. Державу питать.

Сухоногій.

А я подѣ твою Ванькину державу все равно ни за
какіе золотые дворцы не пойду!

Лаврентій.

Я не Ванька, я хозяинъ.

Сухоногій.

Ну, и лопни твое чрево съ твоимъ хозяйствомъ!

Лѣто 17 г.

ОКАЯННЫЕ ДНИ

Москва, 1918 г.

1 Января (старого стиля).

Кончился этот проклятый годъ. Но что дальше? Можетъ, нѣчто еще болѣе ужасное. Даже навѣрное такъ.

А кругомъ нѣчто поразительное: почти всѣ почему-то необыкновенно веселы, — кого ни встрѣтишь на улицѣ, просто сіяніе отъ лица исходитъ:

— Да полно вамъ, батенька! Черезъ двѣ-три недѣли самому же совѣстно будетъ...

Бодро, съ веселой нѣжностью (отъ сожалѣнія ко мнѣ, глупому) тиснетъ руку и бѣжитъ дальше.

Нынче опять такая же встрѣча, — Сперанскій изъ «Русскихъ Вѣдомостей». А послѣ него встрѣтилъ въ Мерзляковскомъ старуху. Остановилась, оперлась на костыль дрожащими руками и заплакала:

— Батюшка, возьми ты меня на воспитаніе! Куда жъ намъ теперь дѣваться? Пропала Россія, на тринадцать лѣтъ, говорятъ, пропала!

7 Января.

Быль на засѣданіи «Книгоиздательства писателей», — огромная новость: «Учредительное Собрание» разогнали!

О Брюсовѣ: все лѣвѣетъ, «почти уже форменный большевикъ». Не удивительно. Въ 1904 году превозносилъ самодержавіе, требовалъ (совсѣмъ Тютчевъ!) немедленнаго взятія Константинополя. Въ 1905 появился съ «Кинжаломъ» въ «Борьбѣ» Горькаго. Съ начала войны съ нѣмцами сталъ ура-патріотомъ. Теперь большевикъ.

5 Февраля.

Съ перваго февраля приказали быть новому стилю. Такъ что по ихнему нынче уже восемнадцатое.

Вчера былъ на собраніи «Среды». Много было «молодыхъ». Маяковскій, державшійся, въ общемъ, довольно пристойно, хотя все время съ какой-то хамской независимостью, щеголявшій стоеросовой прямою сужденій, былъ въ мягкой рубахѣ безъ галстука и почему-то съ поднятымъ воротникомъ пиджака, какъ ходятъ плохо бритыя личности, живущія въ скверныхъ номерахъ, по утрамъ въ нужникъ.

Читали Эренбургъ, Вѣра Инберъ. Саша Койранскій сказалъ про нихъ:

Завываетъ Эренбургъ,
Жадно ловить Инберъ кличъ его, —
Ни Москва, ни Петербургъ
Не замѣнятъ имъ Бердичева.

6 Февраля.

Въ газетахъ — о начавшемся наступленіи нѣмцевъ. Всѣ говорятъ: «Ахъ, если бы!»

Ходили на Лубянку. Мѣстами «митинги». Рыжій, въ пальто съ каракулевымъ круглымъ воротникомъ, съ рыжими кудрявыми бровями, съ свѣже-выбритымъ лицомъ въ пудрѣ и съ золотыми пломбами во рту, однообразно, точно читая, говоритъ о несправедливостяхъ стараго режима. Ему злобно возражаетъ курносый господинъ съ выпуклыми глазами. Женщины горячо и невпопадъ вмѣшиваются, перебиваютъ споръ (принципіальный, по выраженію рыжаго) частностями, торопливыми рассказами изъ своей личной жизни, долженствующими доказать, что творится чортъ знаетъ что. Нѣсколько солдатъ, видимо, ничего не понимаютъ, но, какъ всегда, въ чемъ-то (вѣрнѣе, во всемъ) сомнѣваются, подозрительно покачиваютъ головами.

Подошелъ мужикъ, старикъ съ блѣдными вздутыми щеками и сѣдой бородой клиномъ, которую онъ, подойдя, любопытно всунулъ въ толпу, воткнулъ между рукавовъ двухъ какихъ-то все время молчавшихъ, только слушавшихъ господъ: сталъ внимательно слушать и себѣ, но тоже, видимо, ничего не понимая, ни чему и никому не вѣря. Подошелъ высокій синеглазый рабочій и еще два солдата съ подсолнухами въ кулакахъ. Солдаты оба коротконоги, жуютъ и смотрятъ недовѣрчиво и мрачно. На лицѣ рабочаго играетъ злая и веселая улыбка, пренебреженіе, сталъ возлѣ толпы бокомъ, дѣлая видъ, что онъ пріостановился только на минуту, для забавы: молъ, заранѣе знаю, что всѣ говорятъ чепуху.

Дама поспѣшно жалуется, что она теперь безъ куска хлѣба, имѣла раньше школу, а теперь всѣхъ ученицъ распустила, такъ какъ ихъ нечѣмъ кормить:

— Кому же отъ большевиковъ стало лучше? Всѣмъ стало хуже и первымъ дѣломъ намъ же, народу!

Перебивая ее, наивно вмѣшалась какая-то намазанная сучка, стала говорить, что вотъ-вотъ нѣмцы придутъ, и всѣмъ придется расплачиваться за то, что на-творили.

— Раньше, чѣмъ нѣмцы придутъ, мы васъ всѣхъ перерѣжемъ, — холодно сказалъ рабочій и пошелъ прочь.

Солдаты подтвердили: «вотъ это вѣрно!» — и тоже отошли.

О томъ-же говорили и въ другой толпѣ, гдѣ спорили другой рабочій и прапорщикъ. Прапорщикъ старался говорить какъ можно мягче, подбирая самыя безобидныя выраженія, стараясь воздѣйствовать логикой. Онъ почти заискивалъ и все-таки рабочій кричалъ на него:

— Молчать побольше вашему брату надо, вотъ что! Нечего пропаганду по народу распускать!

К. говоритъ, что у нихъ вчера опять былъ Р. Сидѣлъ четыре часа и все время бессмысленно читалъ чью-то валявшуюся на столѣ книжку о магнитныхъ волнахъ, потомъ пилъ чай и съѣлъ весь хлѣбъ, который имъ выдали. Онъ по натурѣ кроткій, тихій и ужь, совсѣмъ не нахальный, а теперь приходитъ и сидитъ безъ всякой совѣсти, поѣдаетъ весь хлѣбъ съ полнымъ невниманіемъ къ хозяевамъ. Быстро падаетъ человекъ!

Блокъ открыто присоединился къ большевикамъ. Напечаталъ статью, которой восхищается Коганъ (П. С.). Я еще не читалъ, но предположительно рассказалъ ея содержаніе Эренбургу — и, оказалось, очень вѣрно. Пѣсенка-то вообще не хитрая, а Блокъ человекъ глупый.

Изъ Горьковской «Новой Жизни»:

«Съ сегодняшняго дня даже для самаго наивнаго простака становится ясно, что не только о какомъ-нибудь мужествѣ и революціонномъ достоинствѣ, но даже о самой элементарной честности примѣнительно къ политикѣ народныхъ комиссаровъ говорить не приходится. Передъ нами компанія авантюристовъ, которые ради собственныхъ интересовъ, ради промедленія еще на нѣсколько недѣль агоніи своего гибнущаго самодержавія, готовы на самое постыдное предательство интересовъ родины и революціи, интересовъ російскаго пролетаріата, именемъ котораго они безчинствуютъ на вакантномъ тронѣ Романовыхъ.»

Изъ «Власти Народа»:

«Въ виду неоднократно наблюдающихся и каждую ночь повторяющихся случаевъ избіенія арестованныхъ при допросѣ въ Совѣтъ Рабочихъ, Депутатовъ, просимъ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ оградить отъ подобныхъ хулиганскихъ выходокъ и дѣйствій...»
Это жалоба изъ Боровичей.

Изъ «Русскаго Слова»:

Тамбовскіе мужики, села Покровскаго, составили протоколъ:

«30-го января мы, общество, преслѣдовали двухъ хищниковъ, нашихъ гражданъ Никиту Александровича Булкина и Адріана Александровича Кудинова.

По соглашенію нашего общества, они были преслѣдованы и въ тотъ-же моментъ убиты».

Тутъ же выработано было этимъ «обществомъ» и своеобразное уложеніе о наказаніяхъ за преступленія:

— Если кто кого ударить, то потерпѣвшій долженъ ударить обидчика десять разъ.

— Если кто кого ударить съ пораненіемъ или со сломомъ кости, то обидчика лишитъ жизни.

— Если кто совершитъ кражу, или кто приметъ краденое, то лишитъ жизни.

— Если кто совершитъ поджогъ и будетъ обнаруженъ, то лишитъ того жизни.

Вскорѣ были захвачены съ поличнымъ два вора. Ихъ немедленно «судили» и приговорили къ смертной казни. Сначала убили одного: разбили голову безмѣномъ, пропороли вилами бокъ и мертваго, раздѣвъ догола, выбросили на проѣзжую дорогу. Потомъ принялись за другого. . .

Подобное читаешь теперь каждый день.

На Петровкѣ монахи колютъ ледъ. Прохожіе торжествуютъ, злорадствуютъ:

— Ага! Выгнали! Теперь, братъ, заставятъ!

Во дворѣ одного дома на Поварской солдатъ въ кожаной курткѣ рубить дрова. Прохожій мужикъ долго стоялъ и смотрѣлъ, потомъ покачалъ головой и горестно сказалъ:

— Ахъ, такъ твою такъ! Ахъ, дезелтиръ, такъ твою такъ! Пропала Рассея!

7 Февраля.

Во «Власти Народа» передовая: «Насталъ грозный часъ — гибнетъ Россія и Революція. Всѣ на защиту

революціи, такъ еще недавно лучезарно сіявшей міру!»
— Когда она сіяла, глаза ваши безстыжіе?

Въ «Рус. Словѣ»: «Убитъ бывшій начальникъ штаба генераль Янушкевичъ. Онъ былъ арестованъ въ Черниговѣ и, по распоряженію мѣстнаго революціоннаго трибунала, препровождался въ Петроградъ въ Петропавловскую крѣпость. Въ пути генерала сопровождали два красногвардейца. Одинъ изъ нихъ ночью четырьмя выстрѣлами убилъ его, когда поѣздъ подходилъ къ станціи Оребежъ.»

Еще по зимнему блестящій снѣгъ, но небо синѣетъ ярко, по весеннему, сквозь облачные сіяющіе пары.

На Страстной наклеиваютъ афишу о бенефисѣ Яворской. Толстая розово-рыжая баба, злая и нахальная, сказала:

— Ишь, расклеиваютъ! А кто будетъ стѣны мыть? А буржуи будутъ ходить по театрамъ! Имъ запретить надо ходить по театрамъ. Мы вотъ не ходимъ. Все нѣмцами пугаютъ, — придутъ, придутъ, а вотъ что-йто не приходятъ!

По Тверской идетъ дама въ пенснэ, въ солдатской бараньей шапкѣ, въ рыжей плюшевой жакеткѣ, въ изорванной юбкѣ и въ совершенно ужасныхъ калошахъ.

Много дамъ, курсистокъ и офицеровъ стоятъ на углахъ улицъ, продаютъ что-то.

Въ вагонъ трамвая вошелъ молодой офицеръ и, покраснѣвъ, сказалъ, что онъ «не можетъ, къ сожалѣнію, заплатить за билетъ».

Передъ вечеромъ. На Красной площади слѣпитъ низкое солнце, зеркальный, наѣзжанный снѣгъ. Моро-

зять. Зашли въ Кремль. Въ небѣ мѣсяць и розовыя облака. Тишина, огромные сугробы снѣга. Около артиллерійскаго склада скрипитъ валенками солдатъ въ тулупѣ, съ лицомъ точно вырубленнымъ изъ дерева. Какой ненужной кажется теперь эта стража!

Вышли изъ Кремля — бѣгутъ и съ восторгомъ, съ неестественными удареніями кричатъ мальчишки:

— Взятіе Могилева германскими войсками!

8 Февраля.

Андрей (слуга брата Юлія) все больше шалѣетъ, даже страшно.

Служить чуть не двадцать лѣтъ и всегда былъ неизмѣнно простъ, милъ, разуменъ, вѣжливъ, сердеченъ къ намъ. Теперь точно съ ума спятилъ. Служить еще аккуратно, но, видно, уже черезъ силу, не можетъ глядѣть на насъ, уклоняется отъ разговоровъ съ нами, весь внутренно дрожитъ отъ злобы, когда же не выдерживаетъ молчанья, отрывисто несетъ какую-то загадочную чепуху.

Нынче утромъ, когда мы были у Юлія, Н. Н. говорилъ, какъ всегда, о томъ, что все пропало, что Россія летитъ въ пропасть. У Андрея, ставившаго на столъ чайный приборъ, вдругъ запрыгали руки, лицо залилось огнемъ:

— Да, да, летитъ, летитъ! А кто виновать, кто? Буржуазія! И вотъ увидите, какъ ее будутъ рѣзать, увидите! вспомните тогда вашего генерала Алексѣева!

Юлій спросилъ:

— Да, вы, Андрей, хоть разъ объясните толкомъ, почему вы больше всего ненавидите именно его?

Андрей, не глядя на насъ, прошепталъ:

— Мнѣ нечего объяснять. . . Вы сами должны понять. . .

— Но вѣдь недѣлю тому назадъ вы горой стояли за него. Что же случилось?

— Что случилось? А вотъ погодите, поймете. . .

Пріѣхалъ Д. — бѣжалъ изъ Симферополя. Тамъ, говоритъ, «неописуемый ужасъ», солдаты и рабочіе «ходятъ прямо по колѣно въ крови». Какого-то старика полковника живьемъ зажарили въ паровозной топкѣ.

9 Февраля.

Вчера были у Б. Собралось порядочно народу — и всѣ въ одинъ голосъ: нѣмцы, слава Богу, продвигаются, взяли Смоленскъ и Бологое.

Утромъ ѣздилъ въ городъ.

На Страстной толпа.

Подошелъ, послушалъ. Дама съ муфтой на рукѣ, баба со вздернутымъ носомъ. Дама говоритъ поспѣшно, отъ волненія краснѣетъ, путается.

— Это для меня вовсе не камень, — поспѣшно говоритъ дама, — этотъ монастырь для меня священный храмъ, а вы стараетесь доказать. . .

— Мнѣ нечего стараться, — перебиваетъ баба нагло, — для тебя онъ освященъ, а для насъ камень и камень! Знаемъ! Видали во Владимірѣ! Взялъ маляръ доску, намазалъ на ней, вотъ тебѣ и Богъ. Ну, и молись ему сама.

— Послѣ этого я съ вами и говорить не желаю.

— И не говори!

Желтозубый старикъ съ сѣдой щетиной на щекахъ спорить съ рабочимъ:

— У васъ, конечно, ничего теперь не осталось, ни Бога, ни совѣсти, — говоритъ старикъ.

— Да, не осталось.

— Вы вонъ пятого мирныхъ людей разстрѣливали.

— Ишь ты! А какъ вы триста лѣтъ разстрѣливали?

На Тверской блѣдный старикъ генераль въ серебряныхъ очкахъ и въ черной папахѣ что-то продаетъ, стоитъ робко, скромно, какъ нищій. . .

Какъ потрясающе быстро всѣ сдались, пали духомъ!

Слухи о какихъ-то польскихъ легионахъ, которые тоже будто-бы идутъ спасать насъ. Кстати, — почему именно «легионъ»? Какое обиліе новыхъ и все высокопарныхъ словъ! Во всемъ игра, балаганъ, «высокій» стиль, напыщенная ложь. . .

Жены всѣхъ этихъ с. с., засѣвшихъ въ Кремль, разговариваютъ теперь по разнымъ прямымъ проводамъ совершенно какъ по своимъ домашнимъ телефонамъ.

19 Февраля.

«Миръ, миръ, а мира нѣтъ. Между народомъ Моимъ находятся нечестивые; сторожатъ, какъ птицеловы, припадаютъ къ землѣ, ставятъ ловушки и уловляютъ людей. И народъ Мой любитъ это. Слушай, земля: вотъ Я приведу на народъ сей пагубу, плодъ помысловъ ихъ.»

Это изъ Іереміи, — все угро читалъ Библию. Изумительно. И особенно слова: «И народъ Мой любитъ это. . . вотъ, Я приведу на народъ сей пагубу, плодъ помысловъ ихъ».

Потомъ читаль корректуру своей «Деревни» для горьковскаго книгоиздательства «Парусъ». Вотъ связаль меня чортъ съ этимъ заведеніемъ! А «Деревня» вещь все таки необыкновенная. Но доступна только знающимъ Россію. А кто ее знаетъ?

Потомъ просматриваль (тоже для «Паруса») свои стихи за 16 годъ.

Хозяинъ умеръ, домъ забить,
Цвѣтеть на стеклахъ купоросъ,
Сарай крапивою заросъ,
Варокъ, давно пустой, раскрытъ
И по хлѣвамъ чадить навозъ...
Жара, страда... Куда летитъ
Черезъ усадьбу шалый песъ?

Это я писалъ лѣтомъ 16 года, сидя въ Васильевскомъ, предчувствуя то, что въ тѣ дни предчувствовалось, вѣроятно, многими, жившими въ деревнѣ, въ близости съ народомъ.

Лѣтомъ прошлаго года это осуществилось полностью:

Вотъ рожь горитъ, зерно течетъ,
А кто же будетъ жать, вязать?
Вотъ дымъ валить, набать гудеть,
Да кто жъ рѣшится заливать?
Вотъ встанетъ бѣсноватыхъ рать
И какъ Мамай всю Русь пройдетъ...

До сихъ поръ не понимаю, какъ рѣшились мы про-

сидѣть все лѣто 17 года въ деревнѣ и какъ, почему уцѣлѣли наши головы!

«Еще не настало время разбираться въ русской революціи безпристрастно, объективно. . .» Это слышишь теперь поминутно. Безпристрастно! Но настоящей безпристрастности все равно никогда не будетъ. А главное: наша «пристрастность» будетъ вѣдь очень и очень дорога для будущаго историка. Развѣ важна «страсть» только «революціоннаго народа»? А мы-то что жъ, не люди что-ли?

Вечеромъ на «Средѣ». Читаль Ауслендеръ — что-то крайне убогое, подъ Оскара Уальда. Весь какой-то дохлый, съ высохшими темными глазами, на которыхъ золотой отблескъ, какъ на засохшихъ лиловыхъ чернилахъ.

Нѣмцы будто-бы не идутъ, какъ обычно идутъ на войнѣ, сражаясь, завоеывая, а «просто ѣдутъ по желѣзной дорогѣ» — занимать Петербургъ. И совершится это будто бы черезъ 48 часовъ, не болѣе не менѣе.

Въ «Извѣстіяхъ» статья, гдѣ «Совѣты» сравниваются съ Кутузовымъ. Болѣе наглыхъ жуликовъ міръ не видалъ.

14 Февраля.

Несетъ теплымъ снѣгомъ.

Въ трамваѣ адъ, тучи солдатъ съ мѣшками — бѣгутъ изъ Москвы, боясь, что ихъ пошлютъ защищать Петербургъ отъ нѣмцевъ.

Всѣ увѣрены, что занятіе Россіи нѣмцами уже началось. Говоритъ объ этомъ и народъ: «Ну, вотъ, нѣмецъ придетъ, наведетъ порядокъ.»

Какъ всегда, страшное количество народа возлѣ кинематографовъ, жадно разсматриваютъ афиши. По вечерамъ кинематографы просто ломаются. И такъ всю зиму.

У Никитскихъ Воротъ извозчикъ столкнулся съ автомобилемъ, помялъ ему крыло. Извозчикъ, рыжебородый великанъ, совершенно растерялся:

— Простите, ради Бога, въ ноги поклонюсь!

Шофферъ, рябой, землистый, строгъ, но милостивъ:

— Зачѣмъ въ ноги? Ты такой-же рабочій человекъ, какъ и я. Только въ другой разъ смотри не попадайся мнѣ!

Чувствуетъ себя начальствомъ, и недаромъ. Новые господа.

Газеты съ бѣлыми колоннами — цензура. Мураловъ «выбылъ» изъ Москвы.

Извозчикъ возлѣ «Праги» съ радостью и смѣхомъ:

— Что-жъ, пусть приходитъ. Онъ, нѣмецъ-то, и прежде все равно нами владалъ. Онъ ужъ тамъ, говорятъ, тридцать главныхъ евреевъ арестовалъ. А намъ что? Мы народъ темный. Скажи одному «трогай», а за нимъ и всѣ.

15 Февраля.

Послѣ вчерашнихъ вечернихъ извѣстій, что Петербургъ уже взятъ нѣмцами, газеты очень разочаровали. Все тѣ-же призывы «встать, какъ одинъ, на борьбу съ нѣмецкими бѣлогвардейцами.»

Луначарскій призываетъ даже гимназистовъ записываться въ красную гвардію, «бороться съ Гинденбургомъ.»

Итакъ, мы отдаемъ нѣмцамъ 35 губерній, на миллионы пушекъ, броневиковъ, поѣздовъ, снарядовъ...

Опять несетъ мокрымъ снѣгомъ. Гимназистки идутъ облѣпленныя имъ — красота и радость. Особенно была хороша одна — прелестные синіе глаза изъ-за поднятой къ лицу мѣховой муфты... Что ждетъ эту молодость?

Къ вечеру все по весеннему горитъ отъ солнца. На западѣ облака въ золотѣ. Лужи и еще не растаявшій бѣлый, мягкій снѣгъ.

16 Февраля.

Вчера вечеромъ у Т. Разговоръ, конечно, все о томъ же, — о томъ, что творится. Всѣ ужасались, одинъ Шмелевъ не сдавался, все восклицалъ:

— Нѣтъ, я вѣрю въ русскій народъ!

Нынче все утро бродилъ по городу. Разговоръ двухъ прохожихъ солдатъ, бодрый, веселый:

— Москва, братъ, теперь ни... не стоитъ.

— Теперь и провинція ни... не стоитъ.

— Ну, вотъ нѣмецъ придетъ, наведетъ порядокъ.

— Конечно. Мы все равно властью не пользуемся. Вездѣ одни рогатые.

— А не будь рогатыхъ, гнили бы мы теперь съ тобой въ окопахъ...

Въ магазинѣ Бѣлова молодой солдатъ съ пьяной, сытой мордой предлагалъ пятьдесятъ пудовъ сливочнаго масла и громко говорилъ:

— Намъ теперь стѣсняться нечего. Вонъ нашъ теперешній главнокомандующій Мураловъ такой же солдатъ, какъ и я, а на дняхъ пропилъ двадцать тысячъ царскими.

Двадцать тысячъ! Вѣроятно, восторженное созданіе хамской фантазіи. Хотя, чортъ его знаетъ, — можетъ, и правда.

Въ четыре часа въ Художественномъ Кружкѣ собраніе журналистовъ — «выработка протеста противъ большевистской цензуры». Предсѣдательствовалъ Мельгуновъ. Кускова призывала въ знакъ протеста совсѣмъ не выпускать газетъ. Подумаешь, какъ это будетъ страшно большевикамъ! Потомъ всѣ горячо увѣряли другъ друга, что большевики доживаютъ послѣдніе часы. Уже вывозятъ изъ Москвы свои семьи. Фриче, на примѣръ, уже вывезъ.

Говорили про Саликовскаго:

— Да, вы только подумайте! И журналистъ-то былъ паршивый, но вотъ эта смѣхотворная Рада, и Саликовскій — кіевскій генераль-губернаторъ!

Возвращались съ Чириковымъ. У него самыя достоверныя и новѣйшія свѣдѣнія: генераль Каменевъ застрѣлился; на Поварской — главный нѣмецкій штабъ; жить на ней очень опасно, потому что здѣсь будетъ самый жаркій бой; большевики работаютъ въ контактѣ съ монархистами и тузами изъ купцовъ; по согласію съ Мирбахомъ, рѣшено избрать на царство Самарина. . . Съ кѣмъ-же въ такомъ случаѣ будетъ жаркій бой?

Ночью.

Простясь съ Чириковымъ, встрѣтилъ на Поварской мальчишку солдата, оборваннаго, тощаго, паскуднаго и вдребезги пьянаго. Ткнулъ мнѣ мордой въ грудь и, отшатнувшись назадъ, плюнулъ на меня и сказалъ:

— Деспоть, сукинъ сынъ!

Сейчасъ сижу и разбираю свои рукописи, замѣтки, — пора готовиться на югъ, — и какъ разъ нахожу кое-какія доказательства своего «деспотизма». Вотъ замѣтка 22 февраля 15 года:

— Наша горничная Таня, видимо, очень любитъ читать. Вынося изъ подъ моего письменнаго стола корзину съ изорванными черновиками, кое-что отбираетъ, складываетъ и въ свободную минуту читаетъ, — медленно, съ тихой улыбкой на лицѣ. А попросить у меня книжку боится, стѣсняется. . . Какъ жестоко, отвратительно мы живемъ!

Вотъ зима 16 г. въ Васильевскомъ:

— Поздній вечеръ, сижу и читаю въ кабинетѣ, въ старомъ спокойномъ креслѣ, въ теплѣ и уютѣ, возлѣ чудесной старой лампы. Входитъ Марья Петровна, подаетъ измятый конвертъ изъ грязно-сѣрой бумаги:

— Прибавить просить. Совсѣмъ безстыжіи сталь народъ.

Какъ всегда, на конвертѣ ухарски написано лиловыми чернилами рукой измалковскаго телеграфиста: «Нарочному уплатить 70 копѣекъ». И, какъ всегда, карандашемъ и очень грубо цифра семь исправлена на восемь: исправляетъ мальчишка этого самаго «нарочнаго», то есть измалковской бабы Махоточки, которая возить намъ телеграммы. Встаю и иду черезъ темную гостиную и темную залу въ прихожую. Въ прихожей, распространяя крѣпкій запахъ овчиннаго полушубка, смѣшанный съ запахомъ избы и мороза, стоитъ закутанная заиндевѣвшей шалью, съ кнутомъ въ рукѣ, небольшая баба.

— Махоточка, опять приписала за доставку? И еще прибавить просишь?

— Баринь, отвѣчаетъ Махоточка, деревяннымъ съ морозу голосомъ, ты глянь, дорога-то какая. Ухабъ на ухабѣ. Всю душу выбило. Опять-же стыдь, морозъ, колѣнки съ пару зашлись. Вѣдь двадцать верстъ туда и назадъ. . .

Съ укоризной качаю головой, потомъ сую Махоточкѣ рубль. Проходя назадъ по гостиной, смотрю въ окна: ледяная мѣсячная ночь такъ и сіяетъ на снѣжномъ дворѣ. И тотчасъ же представляется необозримое свѣтлое поле, блестящая ухабистая дорога, промерзлые розвальни, стучающіе по ней, мелко бѣгущая бокастая лошаденка, вся обросшая изморозью, съ крупными, сѣрыми отъ изморози рѣсницами. . . О чемъ думаетъ Махоточка, сжавшись отъ холоду и огненнаго, вѣтра, привалившись бокомъ въ уголь передка?

Въ кабинетѣ разрываю телеграмму: «Вмѣстѣ со всей Стрѣльной пьемъ славу и гордость русской литературы!» Вотъ изъ-за чего двадцать верстъ стучалась Махоточка по ухабамъ.

17 Февраля.

Вчера журналисты въ одинъ голосъ говорили, что не вѣрятъ, что миръ съ нѣмцами дѣйствительно подписанъ.

— Не представляю себѣ, — говорилъ А. А. Яблоновскій, — не представляю подпись Гогенцоллерна рядомъ съ подписью Бронштейна!

Нынче былъ въ домѣ Зубова (на Поварской). Тамъ Коля разбираетъ какія то книги. Совсѣмъ весна, очень

ярко отъ снѣга и солнца, — въ вѣтвяхъ березъ, синеголубое, оно особенно хорошо.

Въ половинѣ пятаго на Арбатской площади, залитой яркимъ солнцемъ, толпы народа рвутъ изъ рукъ газетчиковъ «Вечернія Новости»: миръ подписанъ!

Позвонилъ во «Власть Народа»: правда-ли, что подписанъ? Отвѣчаютъ, что только что звонили въ «Извѣстія» и что оттуда твердый отвѣтъ: да, подписанъ.

Вотъ тебѣ и «не представляю».

18 Февраля.

Утромъ собраніе въ «Книгоиздательствѣ Писателей». До начала засѣданія я самыми послѣдними словами обкладывалъ большевиковъ. Клестовъ-Ангарскій, — онъ уже какой-то комиссаръ, — ни слова.

На стѣнахъ домовъ кѣмъ-то расклеены афиши, уличающія Троцкаго и Ленина въ связи съ нѣмцами, въ томъ, что они нѣмцами подкуплены. Спрашиваю Клестова:

— Ну, а сколько же именно эти мерзавцы получили?

— Не безпокойтесь, — отвѣтилъ онъ съ мутной усмѣшкой, — порядочно...

По городу общій голосъ:

— Миръ подписанъ только со стороны Россіи, нѣмцы отказались подписать...

Дурацкое самоутѣшеніе.

Къ вечеру матовымъ розовымъ золотомъ свѣтились кресты церквей.

19 Февраля.

Коганъ рассказывалъ мнѣ о Штейнбергѣ, комиссарѣ юстиціи: старозавѣтный, набожный еврей, не ѣстъ трѣфного, свято чтить субботу... Затѣмъ о Блокѣ: онъ сейчасъ въ Москвѣ, страстный большевикъ, личный секретарь Луначарскаго. Жена Когана съ умиленіемъ:

— Но не судите его строго! Вѣдь онъ совсѣмъ, совсѣмъ ребенокъ!

Въ пять часовъ вечера узналъ, что въ Экономическое Общество Офицеровъ на Воздвиженкѣ пьяные солдаты бросили бомбу. Убито, говорятъ, не то шестьдесятъ, не то восемьдесятъ человѣкъ.

Читалъ только что привезенную изъ Севастополя «резолюцію, вынесенную командой линейнаго корабля «Свободная Россія». Совершенно замѣчательное произведеніе:

— Всѣмъ, всѣмъ и за границу Севастополя безцѣльно по дурному стрѣляющимъ!

— Товарищи, вы дострѣляетесь на свою голову, скоро нечѣмъ будетъ стрѣлять и по цѣли, вы все разстрѣляете и будете сидѣть на бобахъ, а тогда васъ, голубчиковъ, и пустыми руками заберутъ.

— Товарищи, буржуазія глотаетъ и тѣхъ, кто лежитъ сейчасъ въ гробахъ и могилахъ. Вы же, предатели, стрѣляльщики, тратя патроны, помогаете ей и остальныхъ глотать. Мы призываемъ всѣхъ товарищей присоединиться къ намъ и запретить стрѣльбу всѣмъ имѣющимъ конячую голову.

— Товарищи, давайте сдѣлаемъ такъ отъ нынѣшняго дня, чтобы всякій выстрѣлъ говорилъ намъ: «Одного буржуя, одного соціалиста уже нѣтъ въ жи-

выхъ!» Каждая пуля, выпущенная нами, должна летѣть въ толстое брюхо, она не должна пѣнить воду въ бухтѣ.

— Товарищи, берегите патроны пуще глаза. Съ однимъ глазомъ еще можно жить, но безъ патроновъ нельзя.

— Если стрѣльба при ближайшихъ похоронахъ возобновится по городу и бухтѣ, помните, что и мы, военные моряки линейнаго корабля «Свободная Россія», выстрѣлимъ одинъ разочекъ, и тогда не пеняйте на насъ, если у всѣхъ полопаются барабанныя перепонки и стекла въ окнахъ.

— Итакъ, товарищи, больше въ Севастополѣ пустой, дурной стрѣльбы не будетъ, будетъ стрѣльба только дѣловая — въ контрреволюцію и буржуазію, а не по водѣ и воздуху, безъ которыхъ и минуты никто не можетъ жить!

20 Февраля.

Бздиль на Николаевскій вокзалъ.

Очень, даже слишкомъ солнечно и легкій морозъ. Съ горы за Мясницкими воротами — сизая даль, груды домовъ, золотыя маковки церквей. Ахъ, Москва! На площади передъ вокзаломъ таетъ, вся площадь блестятъ золотомъ, зеркалами. Тяжкій и сильный видъ ломовыхъ подводъ съ ящиками. Неужели всей этой силѣ, избытку конецъ? Множество мужиковъ, солдатъ въ разныхъ, въ какихъ попало шинеляхъ и съ разнымъ оружіемъ — кто съ саблей на боку, кто съ винтовкой, кто съ огромнымъ револьверомъ у пояса. . . Теперь хозяева всего этого, наследники этого колоссальнаго наследства — они. . .

Въ трамваѣ, конечно, давка.

Двѣ старухи яростно бранятъ «правительство»:

— Даютъ, глаза ихъ накройся, по осьмушкѣ сухарей, небось, годъ валялся, пожуешь — вонь, душа горить!

Рядомъ съ ними мужикъ, тупо слушаетъ, тупо глядитъ, странно, мертво, идиотски улыбается. На коричневое лицо нависли грязныя лохмотья бѣлой манджурки. Глаза бѣлые.

А среди всѣхъ прочихъ, сидящихъ и стоящихъ, вышаясь надо всѣми на цѣлую голову, стоитъ великанъ военный въ великолѣпной сѣрой шинели, туго перетянутой хорошимъ ремнемъ, въ сѣрой круглой военной шапкѣ, какъ носилъ Александръ Третій. Весь крупень, породистъ, блестящая коричневая борода лопатой, въ рукѣ въ перчаткѣ держитъ Евангеліе. Совершенно чужой всѣмъ, послѣдній могиканъ.

На обратномъ пути слѣпнеть идущая прямо на солнце улица. Вдругъ всѣ приподнимаются и смотрятъ: сцена древней Москвы, картина Сурикова: толпа мужиковъ и бабъ въ полушубкахъ, окружившая мужика въ армякѣ цвѣта ржаного хлѣба и въ красной телячьей шапкѣ, который поспѣшно распрягаетъ лежащую и бьющуюся на мостовой лошадь; громадные набитыя соломой розвальни, оглобли которыхъ она безобразно вывернула, падая, взлѣзли на тротуаръ. Мужикъ оретъ всѣмъ нутромъ: «Ребятъ, подцоби!» Но никто не трогается.

Въ шесть вышли. Встрѣтили М. Говорить, что только что слышалъ будто Кремль минируютъ, хотятъ взорвать при приходѣ нѣмцевъ. Я какъ разъ смотрѣлъ въ это время на удивительное зеленое небо надъ Крем-

лемъ, на старое золото его древнихъ куполовъ... Великіе князья, теремá, Спасъ-на-Бору, Архангельскій соборъ — до чего все родное, кровное и только теперь какъ слѣдуетъ почувствованное, понятое! Взорвать? Все можетъ быть. Теперь все возможно.

Слухи: черезъ двѣ недѣли будетъ монархія и правительство изъ Адрианова, Сандецкаго и Мищенко; всѣ лучшія гостиницы готовятся для мѣмцевъ.

Эсэры будто бы готовятъ возстаніе. Солдаты будто бы на ихъ сторонѣ.

21 Февраля.

Была Каменская. Ихъ выселяютъ, какъ и сотни прочихъ. Сроку дано всего 48 часовъ, а ихъ квартиру и въ недѣлю не соберешь.

Встрѣтилъ Сперанскаго. Говоритъ, что, по свѣдѣніямъ «Русскихъ Вѣдомостей», въ Петербургъ ѣдетъ нѣмецкая комиссія — для подсчета убытковъ, которые причинены нѣмецкимъ подданнымъ, и что въ Петербургѣ будетъ нѣмецкая полція; въ Москвѣ тоже будетъ нѣмецкая полція и уже есть нѣмецкій штабъ; Ленинъ въ Москвѣ, сидитъ въ Кремлѣ, поэтому-то и объявленъ Кремль на осадномъ положеніи.

22 Февраля.

Утромъ горестная работа: отбираемъ книги — что оставить, что продать (собираю деньги на отъѣздъ).

Юлію изъ «Власти Народа» передавали «самыя вѣрныя свѣдѣнія»: Петербургъ объявленъ вольнымъ городомъ; градоначальникомъ назначается Луначарскій. (Градоначальникъ Луначарскій!). Затѣмъ: завтра московскіе банки передаются нѣмцамъ; нѣмецкое

наступленіе продолжается. . . Вообще, чортъ ногу сло-
митъ!

Вечеромъ въ Большомъ театрѣ. Улицы, какъ всегда
теперь, во тьмѣ, но на площади передъ театромъ нѣ-
сколько фонарей, отъ которыхъ еще гуще мракъ неба.
Фасадъ театра темень, погребально-печаленъ, каретъ,
автомобилей, какъ прежде, передъ нимъ уже нѣтъ.
Внутри пусто, заняты только нѣкоторыя ложи. Еврей
съ коричневой лысиной, съ сѣдой подстриженной на
щекахъ бородой и въ золотыхъ очкахъ, все трепаль по
заду свою дочку, все садившуюся на барьеръ дѣвочку
въ синемъ платьѣ, похожую на черного барана. Ска-
зали, что это какой-то «эмиссаръ».

Когда вышли изъ театра, между колоннъ черно-си-
нее небо, два-три туманно-голубыхъ пятна звѣздъ и
рѣзко дуетъ холодомъ. Ъхать жутко. Никитская безъ
огней, могильно-темна, черные дома высятся въ темно-
зеленомъ небѣ, кажутся очень велики, выдѣляются
какъ-то по новому. Прохожихъ почти нѣтъ, а кто
идеть, такъ почти бѣгомъ.

Что средніе вѣка! Тогда по крайней мѣрѣ всѣ воору-
жены были, дома были почти неприступны. . .

На углу Поварской и Мерзляковскаго два солдата:
съ ружьями. Стража или грабители? И то и другое. . .

23 Февраля.

Опять стали выходить «буржуазныя газеты» — съ
большими пустыми мѣстами.

Встрѣтилъ К. «Нѣмцы будутъ въ Москвѣ черезъ нѣ-
сколько дней. Но страшно: говорятъ, будутъ отпра-
влять русскихъ на фронтъ противъ союзниковъ.» Да, .

все то же. И все то же тревожное, нудное, не разрешающееся ожиданіе.

Все говоримъ о томъ, куда уѣхать. Былъ вечеромъ у Юлія и попалъ, возвращаясь домой, подъ обстрѣлъ. Бѣшено садили изъ винтовокъ откуда-то сверху Поварской.

У П. были полотеры. Одинъ съ черными сальными волосами, гнутый, въ бордовой рубахѣ, другой рябой, буйнокурчавый. Заплясали, затрясли волосами, лица лоснятся, лбы потные. Спрашиваемъ:

— Ну, что-жъ скажете, господа, хорошенькаго?

— Да что скажешь. Все плохо.

— А что-жъ, по вашему, дальше будетъ?

— А Богъ знаетъ, — сказалъ курчавый. — Мы народъ темный. Что мы знаемъ? Я хучь читать умѣю, а онъ совсѣмъ слѣпой. Что будетъ? То и будетъ: напустили изъ тюремъ преступниковъ, вотъ они нами и управляютъ, а ихъ надо не выпускать, а давно надо было изъ поганаго ружья разстрѣлять. Царя ссадили, а при немъ подобнаго не было. А теперь этихъ большевиковъ не сопрешь. Народъ ослабъ. Я вотъ курицы не могу зарѣзать, а на нихъ-бы очень просто налягнулъ. Ослабъ народъ. Ихъ и всего-то сто тысячъ наберется, а насъ сколько милліоновъ и ничего не можемъ. Теперь бы казенку открыть, дали-бы намъ свободу, мы бы ихъ съ квартиръ всѣхъ по клокамъ растащили.

— Тамъ жидаы все, — сказалъ черный.

— И поляки вдобавокъ. Онъ и Ленинъ-то, говорятъ, не настоящій — энтото давно убили, настоящаго-то.

— А про миръ съ нѣмцами что вы думаете?

— Этого мира не будетъ. Это скоро прекратятъ. А поляки опять наши будутъ. Главное, хлѣба нѣту. Онъ вчера купилъ себѣ пышечку за три рубля, а я такъ пустой супъ и хлебалъ. . .

24 Февраля.

На дняхъ купилъ фунтъ табаку и, чтобы онъ не сохъ, повѣсилъ на веревочкѣ между рамами, между фортками. Окно во дворъ. Нынче въ шесть утра что-то бахъ въ стекло. Вскочилъ и вижу: на полу у меня камень, стекла пробиты, табаку нѣтъ, а отъ окна кто-то убѣгаетъ. — Вездѣ грабежъ.

Перистыя облака, порою солнце, синіе клоки лужь. . .

Въ домѣ напротивъ насъ молебствіе, принесли икону «Нечаянной Радости», поютъ священники. Очень странно кажется это теперь. И очень трогательно. Многие плакали.

Опять долбятъ, что среди большевиковъ много монархистовъ и что вообще весь этотъ большевизмъ устроенъ для возстановленія монархіи. Опять чепуха, сочиненная, конечно, самими-же большевиками.

Савичъ и Алексѣевъ будто-бы сейчасъ въ Псковѣ, «формируютъ правительство.»

Звонить на станцію «Власть Народа»: дайте 60-42. Соединяютъ. Но телефонъ, оказывается, занятъ — и «Власть Народа» неожиданно подслушиваетъ чей-то разговоръ съ Кремлемъ:

— У меня пятнадцать офицеровъ и адъютантъ Каледина. Что дѣлать?

— Немедленно разстрѣлать.

Про анархистовъ: необыкновенно будто бы веселые и любезные люди; большевицкій «Совѣтъ» ихъ весьма боится; глава — Бармашъ, вполнѣ сумасшедшій кавказецъ.

Въ Севастополѣ «атаманъ» матросовъ — нѣкто Ривкинъ, аршинъ ростомъ, клоками борода; участвовалъ во многихъ ограбленіяхъ и убійствахъ; «нѣжнѣйшей души человекъ».

Очень многіе всегда дѣлаютъ теперь видъ, что будто имѣютъ такія свѣдѣнія, которыхъ ни у кого нѣтъ.

Въ кофейнѣ Филиппова видѣли будто-бы Адрианова, бывшаго московскаго градоначальника. Онъ будто бы одинъ изъ главнѣйшихъ тайныхъ совѣтниковъ въ «Совѣтъ рабочихъ депутатовъ».

25 Февраля.

Юрка Саблинъ, — командующій войсками! Двадцатилѣтній мальчишка, специалистъ по кэкъ-уоку, конфектно-хорошенькій. . .

Слухъ: союзники — теперь ужъ союзники! — вошли въ соглашеніе съ нѣмцами, поручили имъ навести порядокъ въ Россіи.

Опять какая-то манифестація, знамена, плакаты, музыка — и кто въ лѣсъ, кто по дрова, въ сотни глотокъ: — Вставай, подымайся, рабочай народъ!

Голоса утробные, первобытные. Лица у женщинъ чувашскія, мордовскія, у мужчинъ, всѣ какъ на подборъ, преступныя, иныя прямо сахалинскія.

Римляне ставили на лица своихъ каторжниковъ клейма: «Cave furem». На эти лица ничего не надо ставить, — и безъ всякаго клейма все видно.

И при чемъ тутъ Марсельеза, гимнъ тѣхъ самыхъ французовъ, которымъ только что измѣнили самымъ подлымъ образомъ!

26 Февраля.

Не то мужикъ, не то рабочій вслухъ разбираетъ на углу Поварской объявленіе о газетѣ «Вечерній Часъ», читаетъ имена сотрудниковъ. Прочиталъ и сказалъ:

— Все одна сволочь. Прославились!

Изъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей»: Троцкій — нѣмецкій шпіонъ, былъ сыщикомъ при нижегородскомъ охранномъ отдѣленіи. Это опубликовалъ въ «Правдѣ» Стучка, по злобѣ на Троцкаго.

27 Февраля.

Опять праздникъ, — годовщина революціи. Но народу нигдѣ нѣтъ, и вовсе не потому, что опять нынче зима и мятель. Просто уже надоѣдаетъ.

Какая-то дикая и жуткая ерунда: у насъ весь день самъ собой звонитъ, не умолкая, телефонъ и изъ него сыплется огонь.

«Разбѣгаются! Караханъ назначенъ посломъ въ Константинополь, Каменевъ — въ Берлинъ...»

Читали статейку Ленина. Ничтожная и жульническая — то интернаціональ, то «русскій національный подъемъ».

28 Февраля.

Опять зима. Много снѣгу, солнечно, стекла домовъ блестятъ.

Вѣсти со Срѣтенки — нѣмецкіе солдаты заняли Спасскія казармы.

Въ Петербургъ будто бы вошелъ нѣмецкій корпусъ. Завтра декретъ о денаціонализаціи банковъ. Думаю, что опять таки это все сами большевики насъ дурачатъ.

А телефонъ и нынче звонитъ — трещитъ, звенитъ и сыплеть красныя огненные искры!

1 Марта.

Вечеръ у Ш.

Идя къ нему, видѣли адвоката Т. Подъѣхалъ къ своему дому на красной лошади. Приостановились, поздоровались. Бодръ, говоритъ, что большевики заняты сейчасъ однимъ: «награбить, какъ можно больше денегъ, такъ какъ сами отлично знаютъ, что царствію ихъ конецъ».

У Ш., кромѣ насъ, Д. и Грузинскій.

Грузинскому рассказывалъ въ трамваѣ солдатъ: «Хожу безъ работы, пошелъ въ совѣтъ депутатовъ просить мѣста — мѣсть, говорятъ, нѣту, а вотъ тебѣ два ордера на право обыска, можешь отлично поживиться. Я ихъ послалъ куда подалъ, я честный человекъ. . .»

Д. получилъ свѣдѣнія изъ Ростова: корниловское движеніе слабо. Г. возражалъ: напротивъ, оно крѣпнетъ и растетъ. Д. прибавилъ: «Большевики творятъ въ Ростовѣ ужасающія звѣрства. Могила Каледина разрыли, разстрѣляли 600 сестеръ милосердія. . .» Ну, если не шестьсотъ, то все таки, вѣроятно, порядочно. Не первый разъ нашему христолюбивому мужичку, о которомъ сами же эти сестры распустили столько легендъ, избивать ихъ, насиловать.

Говорятъ, что Москва будетъ во власти нѣмцевъ семнадцатаго марта. Градоначальникомъ будетъ Будбергъ.

Поваръ отъ Яра говорилъ мнѣ, что у него отняли все, что онъ нажилъ за тридцать лѣтъ тяжкаго труда, стоя у плиты, среди девяностоградусной жары. «А Орловъ-Давыдовъ, прибавилъ онъ, прислалъ своимъ мужикамъ телеграмму, — я самъ ее читалъ: жгите, говорить, домъ, рѣжьте скоть, рубите лѣса, оставьте только одну березку, — на розги, — и елку, чтобы было на чемъ васъ вѣшать.»

Слухъ, что въ Москвѣ нѣмцы организовали сыскное отдѣленіе; слѣдятъ будто за малѣйшимъ шагомъ большевиковъ, все отмѣчаютъ, все записываютъ.

Вѣсти изъ нашей деревни: мужики возвращаютъ помѣщикамъ награбленное.

Въ послѣднемъ, вѣрно, есть правда. Слышу на улицахъ:

— Нѣтъ, теперь солдаты стали въ портки пускать. То все бахвалились, беспечничали, — пускай моль, придетъ нѣмецъ, чортъ съ нимъ, — а теперь, какъ стало до серьезнаго доходить, здѣрово побаиваются. Большое, говорятъ, наказаніе намъ будетъ, да и по дѣломъ, по правдѣ сказать: ужъ очень мы освинѣли!

Да, если бы въ самомъ дѣлѣ повѣяло чѣмъ-нибудь «серьезнымъ», живо бы эта «стихійность великой русской революціи» присмирѣла. Какъ распоясалась деревня въ прошломъ году лѣтомъ, какъ жутко было жить въ Васильевскомъ! И вдругъ слухъ: Корниловъ ввелъ смертную казнь — и почти весь іюль Васильевское было тише воды, ниже травы. А въ маѣ, въ іюнѣ по улицѣ было страшно пройти, каждую ночь то тамъ,

то здѣсь красное зарево пожара на черномъ горизонтѣ. У насъ зажгли однажды на разсвѣтѣ гумно и, сбѣжавшись всей деревней, орали, что это мы сами зажгли, что бы сжечь деревню. А въ полдень въ тотъ же день запылалъ скотный дворъ сосѣда, и опять сбѣжались со всего села, и хотѣли меня бросить въ огонь, крича, что это я поджегъ, и меня спасло только бѣшенство, съ которымъ я кинулся на орущую толпу.

2 Марта.

«Развратникъ, пьяница Распутинъ, злой геній Россіи.» Конечно, хорошъ былъ мужичекъ. Ну, а вы-то, не выльзавшіе изъ «Медвѣдей» и «Бродячихъ Собакъ»?

Новая литературная низость, ниже которой падать, кажется, уже некуда: открылась въ гнуснѣйшемъ кабацѣ какая-то «Музыкальная табакерка» — сидятъ спекулянты, шулера, публичныя дѣвки и лопаютъ пирожки по сто цѣлковыхъ штука, пьютъ ханжу изъ чайниковъ, а поэты и беллетристы (Алешка Толстой, Брюсовъ и такъ далѣе) читаютъ имъ свои и чужія произведенія, выбирая наиболѣе похабныя. Брюсовъ, говорятъ, читалъ «Гавриліаду», произнося все, что замѣнено многоточіями, полностью. Алешка осмѣлился предложить читать и мнѣ, — большой гонораръ, говоритъ, дадимъ.

«Вонъ изъ Москвы!» А жалко. Днемъ она теперь удивительно мерзка. Погода мокрая, все мокро, грязно, на троттуарахъ и на мостовой ямы, ухабистый ледъ, про толпу-же и говорить нечего. А вечеромъ, ночью пусто, небо отъ рѣдкихъ фонарей чернѣетъ тускло, угрюмо. Но вотъ тихій переулокъ, совсѣмъ тем-

ный, идешь — и вдруг видишь открытыя ворота, за ними, въ глубинѣ двора, прекрасный силуэтъ стариннаго дома, мягко темнѣющій на ночномъ небѣ, которое тутъ совсѣмъ другое, чѣмъ надъ улицей, а передъ домомъ столѣтнее дерево, черный узоръ его громаднаго раскидистаго шатра. . .

Читалъ новый рассказъ Тренева («Батраки»). Отвратительно. Что-то, какъ всегда теперь, насквозь лживое, претенціозное, рассказывающее о самыхъ страшныхъ вещахъ, но ничуть не страшное, ибо авторъ не серьезенъ, изнуряетъ «наблюдательностью» и такой чрезмѣрной «народностью» языка и всей вообще манеры рассказывать, что хочется плюнуть. И никто этого не видитъ, не чуетъ, не понимаетъ, — напротивъ, всѣ восхищаются. «Какъ сочно, красочно!»

«Съѣздъ Совѣтовъ». Рѣчь Ленина. О, какое это животное!

Читалъ о стоящихъ на днѣ моря трупахъ, — убитые, утопленные офицеры. А тутъ «Музыкальная табакерка».

3 Марта.

Нѣмцы взяли Николаевъ и Одессу. Москва, говорятъ, будетъ взята семнадцатаго, но не вѣрю и все собираюсь на югъ.

Маяковскаго звали въ гимназіи Идіотомъ Полифемовичемъ.

5 Марта.

Сѣро, рѣдкій снѣжокъ. На Ильинкѣ возлѣ банковъ туча народу — умные люди выбираютъ деньги. Вообще, многіе тайкомъ готовятся уѣзжать.

Въ вечерней газетѣ — о взятіи нѣмцами Харькова. Газетчикъ, продававшій мнѣ газету, сказалъ:

— Слава Тебѣ Господи. Лучше черти, чѣмъ Ленинъ.

7 Марта.

Въ городѣ говорятъ:

— Они рѣшили перерѣзать всѣхъ поголовно, всѣхъ до семилѣтняго возраста, чтобы потомъ ни одна душа не помнила нашего времени.

Спрашиваю дворника:

— Какъ думаешь, правда?

Вздыхаетъ:

— Все можетъ быть, все можетъ быть.

— И ужели народъ допуститъ?

— Допуститъ, дорогой баринъ, еще какъ допуститъ-то! Да и что-жъ съ ними сдѣлаешь? Татары, говорятъ, двѣсти лѣтъ нами владали, а вѣдь тогда развѣ такой жидкій народъ былъ?

Шли ночью по Тверскому бульвару: горестно и низко клонить голову Пушкинъ подъ облачнымъ съ просвѣтами небомъ, точно опять говоритъ: «Боже, какъ грустна моя Россія!»

И ни души кругомъ, только изрѣдка солдаты и б—и.

8 Марта.

К. П. про Спиридонову:

— Меня никогда не влекло къ ней. Революціонная ханжа, истеричка. Дурное изданіе Фигнеръ, которую она прежде сознательно копировала...

Да, а вѣдь какой героиней была одно время эта Спиридонова.

Великолѣпные дома возлѣ насъ (на Поварской) реквизируются одинъ за однимъ. Изъ нихъ все вывозятъ и вывозятъ куда-то мебель, ковры, картины, цвѣты, растенія — нынче весь день стояла на возу возлѣ подъѣзда большая пальма, вся мокрая отъ дождя и снѣга, глубоко несчастная. И все привозятъ, внѣдряютъ въ эти дома, долженствующіе быть какими-то «правительственными» учрежденіями, мебель новую, конторскую. . .

Неужели такъ увѣрены въ своемъ долгомъ и прочномъ существованіи?

«Поношеніе сокрушило сердце мое. . .»

9 Марта.

Нынче В. В. В. — онъ въ длинныхъ сапогахъ, въ поддевкѣ на мѣху, — все еще играетъ въ «земгусара», — понесъ опять то, что уже совершенно осточертѣло читать и слушать:

— Россію погубила косная, своекорыстная власть, не считавшаяся съ народными желаніями, надеждами, чаяніями. . . Революція въ силу этого была неизбежна. . .

Я отвѣтилъ:

— Не народъ началъ революцію, а вы. Народу было совершенно наплевать на все, чего мы хотѣли, чѣмъ мы были недовольны. Я не о революціи съ вами говорю, — пусть она неизбежна, прекрасна, все, что угодно. Но не врите на народъ — ему ваши отвѣтственные министерства, замѣны Щегловитыхъ Малянтовичами и отмѣны всяческихъ цензуръ были нужны, какъ лѣтошній снѣгъ, и онъ это доказалъ твердо и жестоко, сбросивши къ чорту и временное правительство, и уч-

редительное собраніе, и «все, за что гибли поколѣнія лучшихъ русскихъ людей», какъ вы выражаетесь, и ваше «до побѣднаго конца».

10 Марта.

Люди спасаются только слабостью своихъ способностей, — слабостью воображенія, вниманія, мысли, иначе нельзя было бы жить.

Толстой сказалъ про себя однажды:

— Вся бѣда въ томъ, что у меня воображеніе не много живѣе, чѣмъ у другихъ...

Есть и у меня эта бѣда.

Грязная темная погода, иногда летаетъ снѣгъ.

Отбирали книги на продажу, собираю деньги, уѣзжать необходимо, не могу переносить этой жизни, — физически.

Вечеромъ у Б. Рассказывалъ про Фриче, котораго видѣлъ на дняхъ. «Да, да, давно ли это была самая жалкая и смиренная личность въ общарпанномъ сюртучишкѣ, а теперь — персона, комиссаръ иностранныхъ дѣлъ, сюртукъ съ атласными отворотами!» Игралъ на фисгармоніи Баха, венгерскія народныя пѣсни. Очаровательно. Потомъ смотрѣли старинныя книги, — какія виньетки, заглавныя буквы! И все это уже навѣки погибшій золотой вѣкъ. Уже давно во всемъ идетъ неуклонное паденіе.

Какъ злобно, неохотно отворялъ намъ дверь швейцаръ! Поголовно у всѣхъ лютое отвращеніе ко всякому труду.

11 Марта.

Жена архитектора Малиновскаго, тупая, лобастая,

за всю свою жизнь не имѣвшая ни малѣйшаго отношенія къ театру, теперь комиссаръ театровъ: только потому, что они съ мужемъ друзья Горькаго по Нижнему. Утромъ были въ «Книгоиздательствѣ писателей», и Гонтаревъ рассказывалъ, какъ Ш. битый часъ ждалъ Малиновскую гдѣ-то у подъѣзда, когда-же подкатилъ наконецъ автомобиль съ Малиновской, кинулся высаживать ее съ истинно холопскимъ подобострастіемъ.

Грузинскій сказалъ:

— Я теперь всѣми силами избѣгаю выходить безъ особой нужды на улицу. И совсѣмъ не изъ страха, что кто-нибудь дастъ по шеѣ, а изъ страха видѣть те-перешнія уличныя лица.

Понимаю его какъ нельзя болѣе, испытываю то-же самое, только, думаю, еще острѣе.

Вѣтеръ разноситъ рѣдкія, совсѣмъ весеннія облака по блѣдно голубѣющему небу, около троттуаровъ блеститъ, бѣжитъ весенняя вода.

12 Марта.

Встрѣтилъ адвоката Малянтовича. И этотъ былъ министромъ. И такимъ до сихъ поръ праздникъ, съ нихъ все какъ съ гуся вода. Розовый, оживленный:

— Нѣтъ, вы не волнуйтесь. Россія погибнуть не можетъ ужъ хотя бы по одному тому, что Европа этого не допуститъ: не забывайте, что необходимо европейское равновѣсіе.

Былъ (по дѣлу изданія моихъ сочиненій «Парусомъ») у Тихонова, вѣчнаго прихлебателя Горькаго. Да, очень странное издательство! Зачѣмъ понадобилось Горькому завести этотъ «Парусъ» и за весь годъ

издать только книжечку Маяковского? Заѣмъ Горькій купилъ меня, заплатилъ семнадцать тысячъ впередъ и до сихъ поръ не выпустилъ ни одного тома? Что скрывается подъ выѣской «Паруса»? И, особенно, въ какихъ-же отношеніяхъ съ большевиками вся эта компанія — Горькій, Тихоновъ, Гиммеръ-Сухановъ? «Борются» яко бы съ ними, а вотъ Тихоновъ и Гиммеръ пріѣхали и остановились въ реквизируемой большевиками «Національной Гостиницѣ», куда я вошелъ черезъ цѣлую цѣпь солдатъ, сидящихъ на площадкахъ лѣстницъ съ винтовками, послѣ того, какъ получилъ пропускъ отъ большевицкаго «коменданта» гостиницы. Тихоновъ и Гиммеръ въ ней какъ дома. На стѣнахъ портреты Ленина и Троцкаго. На счетъ дѣла Тихоновъ вертѣлся: «Вотъ-вотъ начнемъ печатать, не безпокойтесь.»

Разсказывалъ, какъ большевики до сихъ поръ изумлены, что имъ удалось захватить власть и что они все еще держатся:

— Луначарскій послѣ переворота недѣли двѣ бѣгалъ съ вытаращенными глазами: да нѣтъ, вы только подумайте, вѣдь мы только демонстрацію хотѣли произвести и вдругъ такой неожиданный успѣхъ!

13 Марта.

Какой позоръ! Патріархъ и всѣ князья церкви идутъ на поклонъ въ Кремль!

Видѣлъ В. В. Горячо поносилъ союзниковъ: входятъ въ переговоры съ большевиками вмѣсто того, чтобы итти оккупировать Россію!

Обѣдалъ и вечеръ провелъ у первой жены Горькаго, Е. П. Былъ Бахъ (извѣстный революціонеръ, старый

эмигрантъ), Тихоновъ и Миролюбовъ. Этотъ все превозносилъ русскій народъ, то есть мужиковъ: «Милосердный народъ, прекрасный народъ!» Бахъ говорилъ (въ сущности не имѣя ни малѣйшаго понятія о Россіи, потому что всю жизнь прожилъ за границей):

— Да о чемъ вы спорите, господа? А во французской революціи не было жестокостей? Русскій народъ — народъ, какъ всѣ народы. Есть, конечно, и отрицательныя черты, но масса и хорошаго. . .

Возвращались съ Тихоновымъ. Онъ дорогой много много рассказывалъ о большевицкихъ главаряхъ, какъ человекъ очень близкій имъ: Ленинъ и Троцкій рѣшили держать Россію въ накаленіи и не прекращать террора и гражданской войны до момента выступленія на сцену европейскаго пролетаріата. Ихъ принадлежность къ нѣмецкому штабу? Нѣтъ, это вздоръ, они фанатики, вѣрятъ въ міровой пожаръ. И всего боятся, какъ огня, вездѣ имъ снятся заговоры. До сихъ поръ трепещутъ и за свою власть и за свою жизнь. Они, повторяю, никакъ не ожидали своей побѣды въ октябрѣ. Послѣ того, какъ пала Москва, страшно растерялись, прибѣжали къ намъ въ «Новую Жизнь», умоляли быть министрами, предлагали портфели. . .

15 Марта.

Все та же морозная погода. И нигдѣ не топятъ, холодъ на квартирахъ ужасный.

Закрыты «Русскія Вѣдомости» — изъ-за статьи Савинкова.

Многимъ все кажется, что Савинковъ убьетъ Ленина.

«Комиссаръ по дѣламъ печати» Подбѣльскій закрылъ и привлекъ къ суду «Фонарь» — «за помѣщеніе статей, вносящихъ въ населеніе тревогу и панику». Какая забота о населеніи, поминутно ограбляемомъ, убиваемомъ!

22 Марта.

Вчера вечеромъ, когда за мокрыми деревьями уже заблестѣли огни, въ первый разъ увидалъ грачей.

Нынче сыро, пасмурно, хотя въ облакахъ много свѣту.

Все читаю, все читаю, чуть не плача отъ какого-то злораднаго наслажденія, газеты. Вообще этотъ послѣдній годъ будетъ стоять мнѣ, вѣрно, не меньше десяти лѣтъ жизни!

Ночью въ черно-синемъ небѣ пухлыя бѣлыя облака, среди нихъ рѣдкія яркія звѣзды. Улицы темны. Очень велики въ небѣ темные, сливающіеся въ одинъ дома; ихъ освѣщенные окна мягки, розовы.

23 Марта.

Вся Лубянская площадь блеститъ на солнцѣ. Жидкая грязь брызжетъ изъ подъ колесъ. И Азія, Азія — солдаты, мальчишки, торгъ пряниками, халвой, маковыми плитками, папиросами. Восточный крикъ, говоръ — и какія все мерзкія даже и по цвѣту лица, желтые и мышиные волосы! У солдатъ и рабочихъ, то и дѣло грохочущихъ на грузовикахъ, морды торжествующія.

Старикъ букинистъ Волнухинъ, въ полушубкѣ, въ очкахъ. Милый, умница; грустный, внимательный взглядъ.

Именины Н. Говорили, что всѣ слова на «ны» требуютъ выпивки. Крѣпокъ еще «старый режимъ».

«Кабакъ» Премірова. Несомнѣнно талантъ. Да что съ того? Литературъ конецъ. А въ Художественномъ Театрѣ опять «На Днѣ». Во-время! И опять этотъ осточертѣвшій Лука!

К. П. до сихъ поръ твердо убѣждена, что Россію можетъ спасти только Миноръ.

Меньшевицкая газета «Впередъ». Все одно и то же, все одно и то же!

Жены всѣхъ комиссаровъ тоже всѣ сдѣланы комиссарами.

Рота красногравдейцевъ. Идутъ вразнобой, спотыкаясь, кто по мостовой, кто по тротуару. «Инструкторъ» кричитъ: «Смирно, товарищи!»

Газетчикъ, бывшій солдатъ:

— Ахъ, сволочь паскудная! На войну идутъ и дѣвокъ съ собой берутъ! Ей-Богу, баринъ, гляньте — вотъ одинъ подъ ручку съ своей шкурой!

Очень черная весенняя ночь. Просвѣты въ облакахъ надъ церковью, углубляющіе черноту, звѣзды, играющія бѣлымъ блескомъ.

Особнякъ Цетлиныхъ на Поварской занятъ анархистами. Надъ подъездомъ черная вывѣска съ бѣлыми буквами. Внутри всюду освѣщено — великолѣпныя матовыя люстры за гардинами.

24 Марта.

Теперь, несчастные, говоримъ о выступленіи уже Японіи на помощь Россіи, о десантѣ на Дальнемъ Востокѣ; еще о томъ, что рубль вотъ-вотъ совсѣмъ ничего не будетъ стоить, что мука дойдетъ до 1000 р.

за пудъ, что надо дѣлать запасы. . . Говоримъ — и ничего не дѣлаемъ: купимъ два фунта муки и успокоимся.

У Н. В. Давыдова въ Большомъ Левшинскомъ. Желтоватый домикъ (бывшій писателя Загоскина) съ черной крышей во дворѣ, за желѣзной оградой съ желѣзными черными чашами на воротахъ. Бирюзовое небо въ сѣти деревьевъ. Старая Москва, которой вотъ-вотъ конецъ навѣки.

Въ кухнѣ у П. солдатъ, толстомордый, разноцвѣтные, какъ у кота, глаза. Говорить, что, конечно, социализмъ сейчасъ невозможенъ, но что буржуевъ все-таки надо перерѣзать. «Троцкій молодецъ, онъ ихъ крѣпко по шеѣ бьетъ.»

Серьезная сухая дама и дѣвочка въ очкахъ. Торгуютъ на улицѣ папиросами.

Купилъ книгу о большевикахъ, изданную «Задругой». Страшная галерея каторжниковъ! У молодого Луначарскаго шея поль-аршина длины.

ОКАЯННЫЕ ДНИ

Одесса, 1919 г.

12 Апрель (старого стиля).

Уже почти три недѣли со дня нашей гибели.

Очень жалѣю, что ничего не записывалъ, нужно было записывать чуть не каждый моментъ. Но былъ совершенно не въ силахъ. Чего стоитъ одна умопомрачительная неожиданность того, что свалилось на насъ 21 марта! Въ полдень 21-го Аня (наша горничная) зоветъ меня къ телефону. «А откуда звонятъ?» — «Кажется изъ редакціи» — то есть изъ редакціи «Нашего Слова», которое мы, прежніе сотрудники «Русскаго Слова», собравшіеся въ Одессѣ, начали выпускать 19 марта въ полной увѣренности на болѣе или менѣе мирное существованіе «до возврата въ Москву». Беру трубку: «Кто говоритъ?» — «Валентинъ Катаевъ. Спѣшу сообщить невѣроятную новость: французы уходятъ.» — «Какъ, что такое, когда?» — «Сію минуту.» — «Вы съ ума сошли?» — «Клянусь вамъ, что нѣтъ. Паническое бѣгство!» — Выскочилъ изъ дому, поймалъ извозчика и глазамъ своимъ не вѣрю: бѣгутъ нагруженные ослы, французскіе и греческіе солдаты въ походномъ снаряженіи, скачутъ одноколки со всякимъ воинскимъ имуществомъ. . .

А въ редакціи — телеграмма: «Министерство Клемансо пало, въ Парижѣ баррикады, революція...»

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ мы съ В. пріѣхали въ этотъ день въ Одессу по пути въ Палестину. Какія сказочныя перемѣны съ тѣхъ поръ! Мертвый, пустой портъ, мертвый, загаженный городъ... Наши дѣти, внуки не будутъ въ состояніи даже представить себѣ ту Россію, въ которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не цѣнили, не понимали, — всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...

Передъ тѣмъ какъ проснуться нынче утромъ, видѣлъ, что кто-то умираетъ, умеръ. Очень часто вижу теперь во снѣ смерти — умираетъ кто-нибудь изъ друзей, близкихъ, родныхъ, особенно часто братъ Юлій, о которомъ страшно даже и подумать: какъ и чѣмъ живетъ, да и живъ-ли? Послѣднее извѣстіе о немъ было отъ 6 декабря прошлаго года. А письмо изъ Москвы къ В. отъ 10 августа пришло только сегодня. Впрочемъ, почта русская кончилась уже давно, еще лѣтомъ 17 года: съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ у насъ впервые, на европейскій ладъ, появился «министръ почтъ и телеграфовъ.» Тогда-же появился впервые и «министръ труда» — и тогда-же вся Россія бросила работать. Да и сатана Каиновой злобы, кровожадности и самага дикаго самоуправства дохнулъ на Россію именно въ тѣ дни, когда были провозглашены братство, равенство и свобода. Тогда сразу наступило изступленіе, острое умопомѣшательство. Всѣ орали другъ

на друга за малѣйшее противорѣчіе: «Я тебя арестую, сукинъ сынъ!» Меня въ концѣ марта 17 года чуть не убилъ солдатъ на Арбатской площади — за то, что я позволилъ себѣ нѣкоторую «свободу слова», пославъ къ чорту газету «Соціалъ-Демократъ», которую навязывалъ мнѣ газетчикъ. Мерзавецъ солдатъ прекрасно понималъ, что онъ можетъ сдѣлать со мной все, что угодно, совершенно безнаказанно, — толпа, окружавшая насъ, и газетчикъ сразу-же оказались на его сторонѣ: «Въ самомъ дѣлѣ, товарищъ, вы что-же это брезгуете народной газетой въ интересахъ трудящихся массъ? Вы, значить, контръ-революціонеръ?» — Какъ онѣ одинаковы, всѣ эти революціи! Во время французской революціи тоже сразу была создана цѣлая бездна новыхъ административныхъ учрежденій, хлынулъ цѣлый потопъ декретовъ, циркуляровъ, число комиссаровъ, — непременно почему-то комиссаровъ, — и вообще всяческихъ властей стало несмѣтно, комитеты, союзы, партіи росли, какъ грибы, и всѣ «пожирали другъ друга», образовался совсѣмъ новый, особый языкъ, «сплошь состоящій изъ высокопарнѣйшихъ восклицаній въ перемѣшку съ самой площадной бранью по адресу *грязныхъ остатковъ издыхающей тирании...*» Все это повторяется потому прежде всего, что одна изъ самыхъ отличительныхъ чертъ революцій — бѣшеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. Въ человѣкѣ просыпается обезьяна.

Ахъ, эти сны про смерть! Какое вообще громадное мѣсто занимаетъ смерть въ нашемъ и безъ того крохотномъ существованіи! А про эти годы и говорить нечего: день и ночь живемъ въ оргіи смерти. И все во имя «свѣтлаго будущаго», которое будто бы должно родиться именно изъ этого дьявольскаго мрака. И образовался на землѣ уже цѣлый легионъ специалистовъ, подрядчиковъ по устройенію человѣческаго благополучія. «А въ какомъ же году наступитъ оно, это будущее?» — какъ спрашиваетъ звонарь у Ибсена. Всегда говорятъ, что вотъ-вотъ: «Это будетъ послѣдній и рѣшительный бой!» — Вѣчная сказка про краснаго бычка.

Ночью лилъ дождь. День сѣрый, прохладный. Деревцо, зазеленѣвшее у насъ во дворѣ, поблѣднѣло. И весна-то какая-то окаянная! Главное — совсѣмъ нѣтъ чувства весны. Да и на что весна теперь?

Все слухи и слухи. Жизнь въ непрестанномъ ожиданіи (какъ и вся прошлая зима здѣсь, въ Одессѣ, и позапрошлая въ Москвѣ, когда всѣ такъ ждали нѣмцевъ, спасенія отъ нихъ). И это ожиданіе чего-то, что вотъ-вотъ придетъ и все разрѣшитъ, сплошное и неизмѣнно-напрасное, конечно, не пройдетъ намъ даромъ, изувѣчитъ наши души, если даже мы и выживемъ. А за всѣмъ тѣмъ, что было-бы, если бы не было даже ожиданія, то есть надежды?

«Боже мой, въ какой вѣкъ повелѣлъ Ты родиться мнѣ!»

13 Апрель.

Вчера долго сидѣлъ у насъ поэтъ Волошинъ. Нарвался онъ съ предложеніемъ своихъ услугъ («по украшенію города къ первому мая») ужасно. Я его предупреждалъ: не бѣгайте къ нимъ, это не только низко, но и глупо, они вѣдь отлично знаютъ, кто вы были еще вчера. Несъ въ отвѣтъ чепуху: «искусство внѣ времени, внѣ политики, я буду участвовать въ украшеніи только какъ поэтъ и какъ художникъ.» Въ украшеніи чего? Висѣлицы, да еще и собственной? Все-таки побѣжалъ. А на другой день въ «Извѣстіяхъ»: «Къ намъ лѣзъ Волошинъ, всякая сволочь спѣшитъ теперь примазаться къ намъ. . .» Теперь Волошинъ хочетъ писать «письмо въ редакцію», полное благороднаго негодованія. Еще глупѣй.

Слухи и слухи. Петербургъ взятъ финнами, Колчакъ взялъ Сызрань, Царицынъ. . . Гинденбургъ идетъ не то на Одессу, не то на Москву. . . Все-то мы ждемъ помощи отъ кого-нибудь, отъ чего-нибудь, отъ чуда, отъ природы! Вотъ теперь ходимъ ежедневно на Николаевскій бульваръ: не ушелъ-ли, избавь Богъ, французскій броненосецъ, который зачѣмъ-то маячитъ на рейдѣ и при которомъ все-таки какъ будто легче.

15 Апрель.

Десять мѣсяцевъ тому назадъ ко мнѣ приходилъ какой-то Шпанъ, на рѣдкость паршивый и оборванный человѣчекъ, нѣчто вродѣ самаго плохенькаго коммивояжера, и предлагалъ мнѣ быть моимъ импрессарио, ѣхать съ нимъ въ Николаевъ, въ Харьковъ, въ Херсонъ, гдѣ я буду публично читать свои произведенія «каждый вечеръ за тысячу думскими». Нынче я

его встрѣтилъ на улицѣ: онъ теперь одинъ изъ со товарищей этого сумасшедшаго мерзавца профессора Щепкина, комиссаръ по театральному дѣлу, онъ вы бритъ, сытъ, — по всему видно, что сытъ, — и одѣтъ въ чудесное англійское пальто, толстое и нѣжное, съ широкимъ хлястикомъ сзади.

Противъ нашихъ оконъ стоитъ босякъ съ винтов кой на веревкѣ черезъ плечо, — «красный милиціо неръ». И вся улица трепещетъ его такъ, какъ не тре петала-бы прежде при видѣ тысячи самыхъ свирѣ пыхъ городскихъ. Вообще, что-же это такое случи лось? Пришло человекъ шестьсотъ какихъ-то «гри горьевцевъ», кривоногихъ мальчишекъ во главѣ съ кучкой каторжниковъ и жуликовъ, кои и взяли въ полонъ милліонный, богатѣйшій городъ! Всѣ померт вѣли отъ страха, прижукнулись. Гдѣ, на примѣръ, всѣ тѣ, которые такъ громили мѣсяць тому назадъ доб ровольцевъ?

16 Апрѣля.

Вчера передъ вечеромъ гуляли. Тяжесть на душѣ несказанная. Толпа, наполняющая теперь улицы, невыносима физически, я усталъ отъ этой скотской тол пы до изнеможенія. Если бы отдохнуть, скрыться ку да-нибудь, уѣхать, на примѣръ, въ Австралію! Но уже давно всѣ пути, всѣ дороги заказаны. Теперь даже на Большой Фонтанъ проѣхать, и то безумная мечта: и нельзя безъ разрѣшенія, и убить могутъ, какъ собаку.

Встрѣтили Л. И. Гальберштата (бывшій сотруд никъ «Русскихъ Вѣдомостей», «Русской Мысли»). И этотъ «перекрасился». Онъ, вчерашній ярый бѣло гвардеецъ, плакавшій (буквально) при бѣгствѣ фран-

цузовъ, уже пристроился при газетѣ «Голосъ Красноармейца». Воровски шепталъ намъ, что онъ «совершенно раздавленъ» новостями изъ Европы: тамъ будто бы твердо рѣшено — никакого вмѣшательства во внутреннія русскія дѣла... Да, да это называется «внутренними дѣлами», когда въ сосѣднемъ домѣ, среди бѣла дня, грабятъ и рѣжутъ разбойники!

Вечеромъ у насъ опять сидѣлъ Волошинъ. Чудовищно! Говорить, что провелъ весь день съ начальникомъ чрезвычайки Сѣвернымъ (Юзефовичемъ), у котораго «кристальная душа». Такъ и сказалъ: кристальная.

Проф. Евгеній Щепкинъ, «комиссаръ народнаго просвѣщенія», передалъ управленіе университетомъ «семи представителямъ революціоннаго студенчества», такимъ, говорятъ, негодьямъ, какихъ даже и теперь днемъ съ огнемъ поискать.

Въ «Голосѣ Красноармейца» извѣстіе «о глубокомъ вторженіи румынъ въ Совѣтскую Венгрію». Мы всѣ безконечно рады. Вотъ тебѣ и невмѣшательство во «внутреннія» дѣла! Впрочемъ, вѣдь это не Россія.

«Блокъ слышитъ Россію и революцію, какъ вѣтеръ...» О, словоблуды! Рѣки крови, море слезъ, а имъ все ни по чемъ.

Часто вспоминаю то негодование, съ которымъ встрѣчали мои будто-бы сплошь черныя изображенія русскаго народа. Да еще и до сихъ поръ негодуютъ, и кто же? Тѣ самые, что вскормлены, вспоены той самой литературой, которая сто лѣтъ позорила буквально всѣ классы, то есть «попа», «обывателя», мѣщанина, чиновника, полицейскаго, помѣщика, зажиточнаго крестьянина, — словомъ вся и всѣхъ, за исключеніемъ какого-то «народа», — безлошаднаго, конечно, — «молодежи» и босяковъ.

17 Апрѣля.

«Старый, насквозь сгнившій режимъ рухнулъ безъ возврата. . . Народъ, пламеннымъ, стихійнымъ порывомъ опрокинулъ — и навсегда — сгнившій тронъ Романовыхъ. . .»

Но почему-же въ такомъ случаѣ съ первыхъ же мартовскихъ дней всѣ сошли съ ума на ужасъ передъ реакціей, реставраціей?

«Честь безумцу, который навѣтъ человечеству сонъ золотой. . .» Какъ любилъ рычать это Горькій! А и сонъ то весь только въ томъ, чтобы проломить голову фабриканту, вывернуть его карманы и стать стервой еще худшей, чѣмъ этотъ фабрикантъ.

«Революціи не дѣлаются въ бѣлыхъ перчаткахъ. . .»
Что-жъ возмущаться, что контръ-революціи дѣлаются
въ ежевыхъ рукавицахъ?

«Утѣшься ради скорби всего Іерусалима!»

До самаго завтрака пролежалъ въ постели съ закрытыми глазами.

Читаю книгу о Савиной — ни съ того ни съ сего, просто потому, что надо-же дѣлать что-нибудь, а что именно, теперь совершенно все равно, ибо главное ощущение теперь, что это *не жизнь*. А потомъ, повторяю, это изнуряющее ожидание: да не можетъ же продолжаться такъ, да спасетъ-же насъ кто-нибудь или что-нибудь — завтра, послѣзавтра, можетъ, даже нынче ночью!

Съ утра было сѣро, послѣ полудня дождь, вечеромъ ливень.

Два раза выходилъ смотрѣть на ихъ первомайское празднество. Заставилъ себя, ибо отъ подобныхъ зрѣлищъ мнѣ буквально всю душу перевертываетъ. «Я какъ то физически чувствую людей», записалъ однажды про себя Толстой. Вотъ и я тоже. Этого не понимали въ Толстомъ, не понимаютъ и во мнѣ, оттого и удивляются порой моей страстности, «пристрастности». Для большинства даже и до сихъ поръ «народъ», «пролетаріатъ» только слова, а для меня это всегда —

глаза, рты, звуки голосовъ, для меня рѣчь на митингѣ — все естество произносящаго ее.

Когда выходилъ въ полдень: накрапываетъ, возлѣ Соборной площади порядочно народу, но стоятъ бессмысленно, смотря на всю эту балаганщину необыкновенно тупо. Были, конечно, процессіи съ красными и черными знаменами, были какія-то размалеванныя «колесницы» въ бумажныхъ цвѣтахъ, лентахъ и флагахъ, среди которыхъ стояли и пѣли, утѣшали «пролетаріатъ» актеры и актрисы въ оперно-народныхъ костюмахъ, были «живыя картины», изображавшія «мощь и красоту рабочаго міра», «братски» обнявшихся коммунистовъ, «грозныхъ» рабочихъ въ кожаныхъ передникахъ и «мирныхъ пейзанъ», — словомъ, все, что полагается, что инсценировано по приказу изъ Москвы, отъ этой гадины Луначарскаго. Гдѣ у нѣкоторыхъ большевиковъ кончается самое подлое издѣвательство надъ чернью, самая гнусная купля ея душъ и утробъ и гдѣ начинается извѣстная доля искренности, нервической восторженности? Какъ, напри- мѣръ, изломанъ и восторженъ Горькій! Бывало на Рождествѣ на Капри (утрировано окая на нижегородскій ладъ): «Нонче, ребята, айдате на пьядцу: тамъ, дьяволь ихъ заberi, публика будетъ необыкновеннѣйшія штуки выкидывать, — вся, понимаете, пьядца танцуетъ, мальчишки орутъ, какъ черти, расшибаютъ подъ самымъ носомъ достопочтеннѣйшихъ лавочниковъ хлопущки, ходятъ колесомъ, дудятъ въ тысячу дудокъ. . . Будетъ, понимаете, нѣсколько интереснѣйшихъ цеховыхъ процессій, будутъ пѣть чудеснѣйшія уличныя пѣсни. . .» И на зеленыхъ глазкахъ — слезы.

Передъ вечеромъ былъ на Екатерининской площа-

ди. Мрачно, мокро, памятникъ Екатерины съ головы до ногъ закутанъ, забинтованъ грязными, мокрыми тряпками, увитъ веревками и залѣпленъ красными деревянными звѣздами. А противъ памятника чрезвычайка, въ мокромъ асфальтѣ жидкой кровью текутъ отраженія отъ красныхъ флаговъ, обвисшихъ отъ дождя и особенно паскудныхъ.

Вечеромъ почти весь городъ въ темнотѣ: новое издѣвательство, новый декретъ — не смѣть зажигать электричества, хотя оно и есть. А керосину, свѣчей не достанешь нигдѣ, и вотъ только кое гдѣ видны сквозь ставни убогіе, сумрачные огоньки: коптятъ самодѣльные каганцы. Чье это издѣвательство? Разумѣется, въ концѣ концовъ, народное, ибо творится въ угоду народу. Помню старика рабочаго у воротъ дома, гдѣ прежде были «Одесскія Новости», въ первый день водворенія большевиковъ. Вдругъ выскочила изъ-подъ воротъ орава мальчишекъ съ кипами только что отпечатанныхъ «Извѣстій» и съ криками: «На одесскихъ буржуевъ наложена контрибуція въ 500 милліоновъ!» — Рабочій захрипѣлъ, захлебнулся отъ ярости и злорадства: «Мало! Мало!» — Конечно, большевики настоящая «рабоче-крестьянская власть». Она «осуществляетъ завѣтнѣйшія чаянія народа». А ужъ извѣстно, каковы «чаянія» у этого «народа», призываемаго теперь управлять міромъ, ходомъ всей культуры, права, чести, совѣсти, религіи, искусства.

«Безъ всякихъ аннексій и контрибуцій съ Германіи!» — «Правильно, вѣрно!» — «Пятьсотъ милліардовъ контрибуціи съ Россіи!» — «Мало, мало!»

«Лѣвые» всѣ «эксцессы» революціи валяютъ на старый режимъ, черносотенцы — на евреевъ. А народъ не виноватъ! Да и самъ народъ будетъ впослѣдствіи валить все на другого — на сосѣда и на еврея: «Что-жь я? Что Илья, то и я. Это насъ жида на все это дѣло подбили. . .»

19 Апрѣля.

Пошелъ, чтобы хоть чѣмъ нибудь себя разсѣять, дѣлать съѣстные запасы. Говорятъ, что все закроется, ничего не будетъ. И точно, въ лавкахъ, еще не закрывшихся, почти ничего нѣтъ, точно провалилось все куда-то. Случайно наткнулся въ лавочкѣ на Софійской на кругъ качкавала. Цѣна дикая — 28 рублей фунтъ.

Былъ А. М. Федоровъ. Былъ очень пріятель, жаловался на свое бѣдственное положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, исчезъ послѣдній ресурсъ — кто же теперь сниметъ его дачку? Да и нельзя сдавать, она теперь «народное достояніе». Всю жизнь работалъ, кое-какъ удалось купить клочекъ земли на истинно кровные гроши, построить (залѣзши въ долги) домикъ — и вотъ оказывается, что домикъ «народный», что тамъ будутъ жить вмѣстѣ съ твоей семьей, со всей твоей жизнью какіе-то «трудящіеся». Повѣситься можно отъ ярости!

Весь день упорный слухъ о взятіи румынами Тирасполя, о томъ, что Макензенъ уже въ Черновицахъ, и даже «о паденіи Петрограда». О, какъ люто всѣ хотятъ этого! И все, конечно, враки.

Вечеромъ съ Н. въ синагогѣ. Такъ все жутко и гадко вокругъ, что тянетъ въ церкви, въ эти послѣднія убѣжища, еще не залитыя потопомъ грязи, звѣрства. Только слишкомъ много было оперы, хорошо только

порою: дико-страстные вопли, рыданія, за которыми цѣлые вѣка скорби, безпріютности, востокъ, древность, скитанія — и Единый, передъ Кoимъ можно излить душу то въ отчаянной, дѣтски-горестной жалобѣ; за душу хватающей своимъ крикомъ, то въ мрачномъ, свирѣпо-грозномъ, все понижающемся ревѣ.

Сейчасъ всѣ дома темны, въ темнотѣ весь городъ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ эти разбойничьи притоны, — тамъ пылаютъ люстры, слышны балалайки, видны стѣны, увѣшанныя черными знаменами, на которыхъ бѣлые черепа съ надписями: «Смерть, смерть буржуямъ!»

Пишу при вонючей кухонной лампочкѣ, дожигаю остатки керосину. Какъ больно, какъ оскорбительно. Капрійскіе мои пріятели, Луначарскіе и Горькіе, блюстители русской культуры и искусства, приходившіе въ священный гнѣвъ при каждомъ предостереженіи какой-нибудь «Новой Жизни» со стороны «царскихъ опричниковъ», что бы вы сдѣлали со мной теперь, захвативъ меня за этимъ преступнымъ писаніемъ при вонючемъ каганцѣ, или на томъ, какъ я буду воровски засовывать это писаніе въ щели карниза?

Правъ былъ дворникъ (Москва, осень 17 года):
— Нѣтъ, простите! Нашъ долгъ былъ и есть — довести страну до учредительнаго собранія!

Дворникъ, сидѣвшій у воротъ и слышавшій эти горячія слова, — мимо него быстро шли и спорили, — горестно покачалъ головой:

— До чего въ самомъ дѣлѣ довели, сукины дѣти!

— Сперва меньшевики, потомъ грузовики, потомъ большевики и броневики. . .

Грузовикъ — какимъ страшнымъ символомъ остался онъ для насъ, сколько этого грузовика въ нашихъ самыхъ тяжелыхъ и ужасныхъ воспоминаніяхъ! Съ самаго перваго дня своего связалась революція съ этимъ ревущимъ и смердящимъ животнымъ, переполненнымъ сперва истеричками и похабной солдатней изъ дезертировъ, а потомъ отборными каторжанами.

Вся грубость современной культуры и ея «соціального пафоса» воплощена въ грузовикѣ.

Говорить, кричить, заикаясь, со слюной во рту, глаза сквозь криво висящее пенсне кажутся особенно яростными. Галстучекъ высоко вылъзъ сзади на грязный бумажный воротничекъ, жилетъ до нельзя запакощенный, на плечахъ кургузаго пиджачка — перхоть, сальные жидкіе волосы всклокочены. . . И меня увѣряютъ, что эта гадюка одержима будто бы «пламенной, беззавѣтной любовью къ человѣку», «жаждой красоты, добра и справедливости»!

А его слушатели?

Весь день праздно стоящій съ подсолнухами въ кулакѣ, весь день механически жрущій эти подсолнухи

дезертиръ. Шинель въ накидку, картузь на затылокъ. Широкий, коротконогий. Спокойно-нахалень, жретъ и отъ времени до времени задаетъ вопросы, — не говоритъ, а все только спрашиваетъ, и ни единому отъ вѣту не вѣритъ, во всемъ подозрѣваетъ брехню. И физически больно отъ отвращенія къ нему, къ его толстымъ ляжкамъ въ толстомъ зимнемъ хаки, къ телячьимъ рѣсницамъ, къ молоку отъ нажеванныхъ подсолнуховъ на молодыхъ, животнo-первобытныхъ гутбахъ.

«Россійская исторія» Татищева:

«Братъ на брата, сыневе противъ отцевъ, рабы на господъ, другъ другу ищутъ умертвить единого ради корыстолюбія, похоти и власти, ища братъ брата достоянія лишить, не вѣдуще, яко премудрый глаголетъ: ища чужого, о своемъ въ оный день возрыдаетъ. . .»

А сколько дурачковъ убѣждено, что въ россійской исторіи произошелъ великій «сдвигъ» къ чему то будто бы совершенно новому, доселѣ небывалому!

Вся бѣда (и страшная), что никто даже малѣйшаго подлиннаго понятія о «россійской исторіи» не имѣлъ.

20 Апрѣля.

Кинулся къ газетамъ — ничего особеннаго. «Въ ровенскомъ направленіи попытка противника. . .» Кто же, наконецъ, этотъ противникъ?

Тонъ газетъ все тотъ же, — высокопарно-площадной жаргонъ, — все тѣ же угрозы, остервенѣлое хвастовство, и все такъ плоско, лживо такъ явно, что не

вѣришь ни единому слову и живешь въ полной отрѣзанности отъ міра, какъ на какомъ-то Чортовомъ островѣ.

Анюта говоритъ, что уже два дня не выдаютъ даже и этого ужаснаго гороховаго хлѣба, отъ котораго всѣ на дворѣ у насъ кричали отъ коликъ, и кому же не выдаютъ? — тому самому пролетаріату, котораго такъ забавляли позавчера. А на стѣнахъ воззванія: «Граждане! Всѣ къ спорту!» Совершенно невѣроятно, а истинная правда. Почему къ спорту? Откуда залетѣлъ въ эти анафемскіе черепа еще спортъ?

Былъ Волошинъ. Помочь ему удрать въ Крымъ хотятъ черезъ «морского комиссара и командующаго черноморскимъ флотомъ», Немица, который, кстати сказать, поэтъ, «особенно хорошо пишуцій рондо и тріолеты». Выдумываютъ какую-то тайную «миссію» въ Севастополь. Бѣда только въ томъ, что ее не на чемъ послать: весь флотъ Немица состоитъ изъ одного паруснаго дубка, а его не во всякую погоду пошлешь.

Бѣшенство слуховъ: Петроградъ взятъ генераломъ Гурко, Колчакъ подъ Москвой, нѣмцы вотъ-вотъ будутъ въ Одессѣ. . .

Какая у всѣхъ свирѣпая жажда ихъ гибели! Нѣтъ той самой страшной библейской казни, которой мы не желали бы имъ. Если бъ въ городъ ворвался хоть самъ дьяволъ и буквально по горло ходилъ въ ихъ крови, половина Одессы рыдала бы отъ восторга.

Лжи столько, что задохнуться можно. Всѣ друзья, всѣ знакомые, о которыхъ прежде и подумать бы не смѣлъ, какъ о лгунахъ, лгутъ теперь на каждомъ шагу. Ни единая душа не можетъ не солгать, не можетъ не прибавить и своей лжи, своего искаженія къ завѣдомо лживому слуху. И все это отъ нестерпимой жажды, чтобы было такъ, какъ нестерпимо хочется. Человѣкъ бредитъ, какъ горячечный, и, слушая этотъ бредъ, весь день все таки жадно вѣришь ему и заражаешься имъ. Иначе, кажется, не выжилъ бы и недѣли. И каждый день это самоодурманиваніе достигаетъ особой силы къ вечеру, — такой силы, что ложишься спать точно эфиромъ опоенный, почти съ полной вѣрой, что ночью непременно что-нибудь случится, и такъ неистово, такъ крѣпко крестишься, молишься такъ напряженно, до боли во всемъ тѣлѣ, что кажется, не можетъ не помочь Богъ, чудо, силы небесныя. Засыпаешь, изнуренный отъ того невѣроятнаго напряженія, съ которымъ просишь объ ихъ гибели и за тысячу верстъ, въ ночь, въ темноту, въ неизвѣстность шлешь всю свою душу къ роднымъ и близкимъ, свой страхъ за нихъ, свою любовь къ нимъ, свою муку, да сохранить и спасеть ихъ Господь, — и вдругъ вскакиваешь среди ночи съ бѣшено заколотившимся сердцемъ: гдѣ-то трахъ-трахъ-трахъ, иногда гдѣ-то совсѣмъ близко, точно каменный градъ по крышамъ, — вотъ оно, что-то таки случилось, кто-то, можетъ быть, напалъ на городъ — и конецъ, крахъ этой проклятой жизни! А на утро опять отрезвленіе, тяжкое похмелье, кинулся къ газетамъ, — нѣтъ, ничего не случилось, все тотъ-же наглый и твердый крикъ, все новыя «победы». Свѣтитъ солнце, идутъ люди, стоятъ

у лавокъ очереди. . . и опять тупость, безнадежность, опять впереди пустой, долгій день, да нѣтъ, не день, а дни, пустые, долгіе, ни на что ненужные! Зачѣмъ жить, для чего? Зачѣмъ дѣлать что-нибудь? Въ этомъ мірѣ, въ ихъ мірѣ, въ мірѣ поголовнаго хама и звѣря, мнѣ ничего не нужно. . .

«У насъ совсѣмъ особая психика, о которой будутъ потомъ сто лѣтъ писать». Да мнѣ-то какое утѣшеніе отъ этого? Что мнѣ до того времени, когда отъ насъ даже праху не останется? «Этимъ запишамъ цѣны не будетъ». А не все ли равно? Будетъ жить и черезъ сто лѣтъ все такая же человѣческая тварь, — теперь то я ужъ знаю ей цѣну!

Ночь. Пишу слегка хмельной. Вечеромъ, съ видомъ заговорщика, пришелъ А. В. Васьковскій, притворилъ дверь и шепотомъ наговорилъ такихъ вещей, такъ настаивалъ, что все, о чемъ говорили днемъ, есть суцая правда, что Петръ разволновался до красноты ушей, потомъ слазилъ подъ лѣстницу и вытащилъ двѣ бутылки вина. Я такъ слабъ отъ нервности, что захмѣлѣлъ отъ двухъ бокаловъ. Понимаю всю чушь этихъ слуховъ, — и все таки вѣрю и пишу дрожащими, холодными руками. . .

«Ахъ, мщенія, мщенія!», — какъ писалъ Батюшковъ послѣ пожара Москвы въ 1812 году.

Савина писала лѣтомъ 15 года мужу съ Кавказа: «Ужели Господь попуститъ и наши солдатики, наши чудо-богатыри должны будутъ перенести этотъ стыдъ и горе — наше пораженіе!»

Что это было? Глупость, невѣжество, происходившее не только отъ незнанія народа, но и отъ нежела- нія знать его? Все было. Да была и привычная ко- рысть лжи, за которую такъ или иначе награждали. «Я вѣрю въ русскій народъ!» За это рукоплескали.

Извѣстная часть общества страдала такой лживостью особенно. Такъ извратились въ своей профессіи быть «друзьями народа, молодежи и всего свѣтлаго», что самимъ казалось, что они вполнѣ искренни. Я чуть не съ отрочества жилъ съ ними, былъ какъ будто вполнѣ съ ними, — и постоянно, поминутно возмущался, чувствуя ихъ лживость, и на меня часто кричали:

— Это онъ-то лживъ, этотъ кристальный человѣкъ, всю свою жизнь отдавшій народу!?

Въ самомъ дѣлѣ: то, что называется «честный», красивый старикъ, очки, бѣлая большая борода, мягкая шляпа... Но вѣдь это лживость особая, самимъ че- ловѣкомъ почти несознаваемая, привычная жизнь вы- думанными чувствами, уже давно, разумѣется, став- шими второй натурой, а все-таки выдуманными.

Какое огромное количество такихъ «лгуновъ» въ моей памяти!

Необыкновенный сюжетъ для романа, и страшнаго романа.

Какъ мы врани другъ другу, что наши «чудо-богатыри» — лучшіе въ мірѣ патриоты, храбрѣйшіе въ бою, нѣжнѣйшіе съ побѣжденнымъ врагомъ!

— Значить, ничего этого не было?

Нѣтъ, было. Но у кого? Есть два типа въ народѣ. Въ одномъ преобладаетъ Русь, въ другомъ — Чудь, Меря. Но и въ томъ и въ другомъ есть страшная перемѣнчивость настроеній, обликовъ, «шаткость», какъ говорили въ старину. Народъ самъ сказалъ про себя: «изъ насъ, какъ изъ древа, — и дубина, и икона», — въ зависимости отъ обстоятельствъ, отъ того, кто это древо обрабатываетъ: Сергій Радонежскій или Емелька Пугачевъ. Если бы я эту «икону», эту Русь не любилъ, не видалъ, изъ за чего же бы я такъ сходилъ съ ума всѣ эти годы, изъ за чего страдалъ такъ непрерывно, такъ люто? А вѣдь говорили, что я только ненавижу. И кто же? Тѣ, которымъ, въ сущности, было совершенно наплевать на народъ, — если только онъ не былъ поводомъ для проявленія ихъ прекрасныхъ чувствъ, — и котораго они не только не знали и не желали знать, но даже просто не замѣчали, какъ не замѣчали лицъ извозчиковъ, на которыхъ ѣздили въ какое-нибудь Вольно-Экономическое общество. Мнѣ Скабичевскій признался однажды:

— Я никогда въ жизни не видалъ, какъ растеть рожь. То есть, можетъ, и видѣлъ, да не обратилъ вниманія.

А мужика, какъ отдѣльнаго человѣка, онъ видѣлъ? Онъ зналъ только «народъ», «человѣчество». Даже, знаменитая «помощь голодающимъ» происходила у насъ какъ-то литературно, только изъ жажды лишній разъ лягнуть правительство, подвести подъ него лиш-

ній подкопъ. Страшно сказать, но правда: не будь народныхъ бѣдствій, тысячи интеллигентовъ были бы прямо несчастнѣйшіе люди. Какъ же тогда засѣдать, протестовать, о чемъ кричать и писать? А безъ этого и жизнь не въ жизнь была.

Тоже и во время войны. Было въ сущности все то же жесточайшее равнодушіе къ народу. «Солдатики» были объектомъ забавы. И какъ сюсюкали надъ ними въ лазаретахъ, какъ ублажали ихъ конфетами, булками и даже балетными танцами! И сами солдатики тоже комедничали, прикидывались страшно благодарными, кроткими, страдающими покорно: — «что-жъ, сестрица, все Божья воля!» — и во всемъ поддакивали и сестрицамъ, и барынямъ съ конфетами, и репортерамъ, ввали, что они въ восторгѣ отъ танцевъ Гельцеръ (насмотрѣвшись на которую однажды одинъ солдатикъ на мой вопросъ, что это такое по его мнѣнію, отвѣтилъ: «Да чортъ. . . Чортомъ представляется, козлекаетъ...»)

Страшно равнодушны были къ народу во время войны, преступно ввали объ его патріотическомъ подъемѣ, даже тогда, когда уже и младенецъ не могъ не видѣть, что народу война осточертѣла. Откуда это равнодушіе? Между прочимъ, и отъ ужасно присущей намъ безпечности, легкомысленности, непривычки и нежеланія быть серьезными въ самые серьезные моменты. Подумать только, до чего безпечно, спустя рукава, даже празднично отнеслась вся Россія къ началу революціи, къ величайшему во всей ея исторіи событію, случившемуся во время величайшей въ мірѣ войны!

Да, ужъ черезчуръ привольно, съ деревенской вольготностью, жили мы всѣ (въ томъ числѣ и мужики),

жили какъ бы въ богатѣйшей усадьбѣ, гдѣ даже и тотъ, кто былъ обдѣленъ, у кого были лапти разбиты, лежалъ, задеря эти лапти, съ полной безпечностью, благо потребности были дикарски ограничены.

«Мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь». Да и дѣлали мы тоже только кое-что, что придется, иногда очень горячо и очень талантливо, а все таки по большей части какъ Богъ на душу положить — одинъ Петербургъ подтягивалъ. Длительнымъ будничнымъ трудомъ мы брезговали, бѣлоручки были, въ сущности, страшные. А отсюда, между прочимъ, и идеализмъ нашъ, въ сущности, очень барскій, наша вѣчная оппозиціонность, критика всего и всѣхъ: критиковать-то вѣдь гораздо легче, чѣмъ работать. И вотъ:

— Ахъ, я задыхаюсь среди этой Николаевщины, не могу быть чиновникомъ, сидѣть рядомъ съ Акакіемъ Акакіевичемъ, — карету мнѣ, карету!

Отсюда Герцены, Чацкіе. Но отсюда же и Николка Сѣрый изъ моей «Деревни», — сидитъ на лавкѣ въ темной, холодной избѣ и ждетъ, когда подпадетъ какая-то «настоящая» работа, — сидитъ, ждетъ и томится. Какая это старая русская болѣзнь, это томленіе, эта скука, эта разбалованность — вѣчная надежда, что придетъ какая-то лягушка съ волшебнымъ кольцомъ и все за тебя сдѣлаетъ: стоитъ только выйти на крылечко и перекинуть съ руки на руку колечко!

Это родъ нервной болѣзни, а вовсе не знаменитые «запросы», будто бы происходящіе отъ нашихъ «глубинъ».

«Я ничего не сдѣлалъ, ибо всегда хотѣлъ сдѣлать больше обыкновеннаго».

Это признаніе Герцена.

Вспоминаются и другія замѣчательныя его строки:

«Нами челоѵчество протрезвляется, мы его похмеле. . . Мы канонизировали челоѵчество. . . канонизировали революціи. . . Нашимъ разочарованіемъ, нашимъ страданіемъ мы избавляемъ отъ скорбей слѣдующія поколѣнія. . .»

Нѣтъ, отрезвленіе еще далеко.

Закрою глаза и все вижу какъ живого: ленты сзади матросской безкозырки, штаны съ огромными раструбамн, на ногахъ бальныя туфельки отъ Вейса, зубы крѣпко сжаты, играетъ желваками челюстей. . . Во вѣкъ теперь не забуду, въ могилѣ буду переворачиваться!

21 Апрѣля.

«Ультиматумъ Раковскаго и Чичерина Румыніи, — въ 48 часовъ очистить Буковину и Бессарабію!» Такъ неправдоподобно-глупо (даже если это все то же издѣвательство надъ чернью), что приходитъ въ голову: «Да ужъ не дѣлается ли все это по чьему-то приказу, нѣмецкому, что-ли, — съ цѣлью изо дня въ день позорить коммунистовъ, революціонеровъ, вообще революцію?» Затѣмъ: — «Отъ победы къ победѣ — новыя успехи доблестной красной армии. Растрелъ 26 черносотенцевъ в Одессе. . .»

Въ «Извѣстіяхъ», — охъ, какое проклятое правописаніе! — послѣ передовой объ ультиматумѣ, напечатанъ

поименный списокъ этихъ двадцати шести, разстрѣ-
лянныхъ вчера, затѣмъ статейка о томъ, что «работа»
въ одесской Чрезвычайкѣ «налаживается», что «работы
вообще много», и наконецъ гордое заявленіе: «Вчера
удалось добыть угля для отправки поезда въ Кіевъ.»
— Счастливый день! И это послѣ ультиматума-то!

Ну, а если румыны не послушаются Раковскаго, что
тогда? И какъ дьявольски однообразны всѣ эти кло-
унскія выходки! Впрочемъ, можетъ быть, грубо инсце-
нируется что нибудь, дается кому-то придирка? Кому-
же именно?

Да, а «буржуи» ужъ совсѣмъ было повѣрили въ
Петроградъ. Вѣдь говорили, что вотъ тотъ-то своими
глазами видѣлъ телеграмму о занятіи Петрограда (по-
слѣ того, какъ англичане будто бы подвезли хлѣба для
него)...

Слухъ, что и у насъ будетъ этотъ дикій грабежъ,
какой идетъ уже въ Кіевѣ, — «сборъ» одежды и обу-
ви.

Давеча прочиталъ про этотъ разстрѣлъ двадцати
шести какъ-то тупо.

Сейчасъ въ какомъ-то столбнякѣ. Да, двадцать
шесть, и вѣдь не когда нибудь, а вчера, у насъ, возлѣ
меня. Какъ забыть, какъ это простить русскому наро-
ду? А все простится, все забудется. Впрочемъ и я —
только стараюсь ужасаться, а по настоящему не могу,
настоящей воспріимчивости все таки не хватаетъ. Въ
этомъ и весь адскій секретъ большевиковъ — убить

воспріимчивость. Люди живутъ мѣрой, отмѣрена имъ и воспріимчивость, воображеніе, — перешагни же мѣру. Это — какъ цѣны на хлѣбъ, на говядину. «Что? Три цѣлковыхъ фунтъ!?» А назначь тысячу — и конецъ изумленію, крику, столбнякъ, безчувственность. «Какъ? Семь повѣшенныхъ?!» — «Нѣтъ, милый, не семь, а семьсотъ!» — И ужъ тутъ непременно столбнякъ — семерыхъ-то висящихъ еще можно представить себѣ, а попробуй-ка семьсотъ, даже семьдесятъ!

Въ три часа, — все время шелъ дождь, — выходили. Встрѣтили Полевицкую съ мужемъ. — «Ужасно ищу роль для себя въ мистеріи — такъ хотѣлось бы сыграть Богоматерь!» — О, Боже мой, Боже мой! Да, все это въ тѣснѣйшей связи съ большевизмомъ. Въ литературѣ, въ театрѣ онъ уже давнымъ давно...

Купилъ спичекъ, 6 рублей коробка, а мѣсяцъ тому назадъ стоили полтинникъ.

Когда выходишь, идешь какъ при началѣ тяжелой болѣзни.

Сейчасъ (8 часовъ вечера, а по «совѣтскому» уже половина одиннадцатаго) закрывалъ, возвратясь съ прогулки, ставни: ломоть мѣсяца, совсѣмъ золотой, чисто блеститъ сквозь молодую зелень дерева подъ окномъ на очистившемся западномъ небѣ, тонкомъ и еще свѣтломъ.

Вышелъ въ семь, поминутно дождь, похоже на осенній вечеръ. Прошелъ по Херсонской, потомъ завернулъ къ Соборной площади. Еще свѣтло, а уже все закрыто, всѣ магазины, — тягостная, тревожащая душу пустота. Пока дошелъ до площади, дождь пересталъ, шелъ къ собору подъ молодой зеленью уже зацвѣтавшихъ каштановъ, по блестящему мокрому асфальту. Вспомнилъ мрачный вечеръ «перваго мая». А въ соборѣ вѣнчали, пѣлъ женскій хоръ. Вошелъ и, какъ всегда за послѣднее время, эта церковная красота, этотъ островъ «стараго» міра въ морѣ грязи, подлости и низости «новаго» тронули необыкновенно. Какое вечернее небо въ окнахъ! Въ алтарѣ, въ глубинѣ, окна уже лилово синѣли — любимое мое. Милыя дѣвичьи личики у пѣвшихъ въ хорѣ, на головахъ бѣлая покрывала съ золотымъ крестикомъ на лбу, въ рукахъ ноты и золотые огоньки маленькихъ восковыхъ свѣчей — все было такъ прелестно, что, слушая и глядя, очень плакалъ. Шелъ домой, — чувство легкости, молодости. И на ряду съ этимъ — какая тоска, какая боль!

Когда вернулся, у насъ во дворѣ, въ квартирѣ милиціонера, играли на фортепьяно и танцевали. Встрѣтилъ Марусю, — въ сумеркахъ, наряженная, съ блестящими глазами, показалась очень хороша, — и на мгновение сердцемъ вспомнилъ то далекое, невозвратимое очарованіе, что испытывалъ когда-то въ ранней молодости, вотъ въ такой же апрѣльскій вечеръ, въ деревенскомъ саду.

Маруся прошлымъ лѣтомъ жила у насъ на дачѣ кухаркой и цѣлый мѣсяцъ скрывала въ кухнѣ и кормила моимъ хлѣбомъ большевика, своего любовника, и я зналъ это, зналъ. Вотъ какова моя кровожадность, и въ этомъ все дѣло: быть такими же, какъ они, мы не можемъ. А разъ не можемъ, конецъ намъ!

Пишу при свѣтильничкѣ, — масло и поплавокъ въ банкѣ. Темъ, копоть, порчу зрѣніе.

Въ сущности, всѣмъ намъ давно пора повѣситься, — такъ мы забиты, замордованы, лишены всѣхъ правъ и законовъ, живемъ въ такомъ подломъ рабствѣ, среди непрестанныхъ заушеній, издѣвательствъ.

Какое самообладаніе
У лошадей простого званія,
Не обращающихъ вниманія
На трудности существованія!

Милый мальчикъ, царство небесное ему! (Это шуточные стихи одного молодого поэта, студента, поступившаго прошлой зимой въ полицейскіе, — идейно, — и убитаго большевиками). — Да, мы теперь лошади очень простого званія.

22 Апрѣля.

Вспомнился мерзкій день съ дождемъ, снѣгомъ, грязью, — Москва, прошлый годъ, конецъ марта. Черезъ Кудринскую площадь тянутся бѣдные похороны — и вдругъ, бѣшено стрѣляя мотоциклетомъ, вы-

летаетъ съ Никитской животное въ кожаномъ картузѣ и кожаной курткѣ, на лету грозить, машетъ огромнымъ револьверомъ и обдаетъ грязью несущихъ гробъ:

— Долой съ дороги!

Несущіе шарахаются въ сторону и, спотыкаясь, тряса гробъ, бѣгутъ со всѣхъ ногъ. А на углу стоитъ старуха и, согнувшись, плачетъ такъ горько, что я невольно приостанавливаюсь и начинаю утѣшать, успокаивать. Я бормочу: — «ну будетъ, будетъ, Богъ съ тобой!» — спрашиваю: — «родня, вѣрно, покойникъ-то?» А старуха хочетъ передохнуть, одолѣть слезы и наконецъ съ трудомъ выговариваетъ:

— Нѣтъ... Чужой... Завидую...

И еще вспомнилось. Москва, конецъ марта позапрошлаго года. Большой, толстый князь Трубецкой кричитъ, театрально сжимая свои маленькіе кулачки:

— Помните, господа: пгусскій сапогъ безжалостно газдавитъ нѣжные гостки гусской свободы! Всѣ на защиту ея!

Устами князя говорили тогда сотни тысячъ устъ. Нечего сказать, нашли для кого защищать «русскую свободу!»

Зимой 18 года тѣ же сотни тысячъ возложили всѣ свои упованія на спасеніе (только уже не русской свободы) именно черезъ нѣмцевъ. Вся Москва бредила ихъ приходомъ.

Понедѣльникъ, газетъ нѣтъ, отдыхъ въ моемъ помѣшателствѣ (длящемся съ самага начала войны)

на чтеніи ихъ. Зачѣмъ я надъ собой звѣрствую, рву себѣ сердце этимъ чтеніемъ?

На рѣдкость твердо увѣрены всѣ эти Пѣшехоновы, что только имъ принадлежитъ рѣшеніе російской судьбы. И когда же? Когда они должны были бы въ тартарары провалиться хотя бы отъ одного стыда за все то, что они явили на диво всему міру за свое шестимѣсячное царствованіе въ 17 году.

Совершенно нестерпимъ большевистскій жаргонъ. А каковъ былъ вообще языкъ нашихъ лѣвыхъ? «Съ цинизмомъ, доходящимъ до граціи... Нынче брюнетъ, завтра блондинъ... Чтеніе въ сердцахъ... Учинить допросъ съ пристрастіемъ... Или — или: третьяго не дано... Сдѣлать надлежащіе выводы... Кому сіе вѣдать надлежитъ... Вариться въ собственномъ соку... Ловкость рукъ... Нововременскіе молодцы...» А это употребленіе съ какой-то яко-бы ядовитѣйшей ироніей (неизвѣстно надъ чѣмъ и надъ кѣмъ) високаго стиля? Вѣдь даже у Короленко (особенно въ письмахъ) это на каждомъ шагу. Непремѣнно не лошадь, а Россинантъ, вмѣсто «я сѣлъ писать» — «я осѣдлалъ своего Пегаса», жандармы — «мундиры небснаго цвѣта». Кстати о Короленко. Лѣтомъ 17 года какую громовую статью напечаталъ онъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» въ защиту Раковскаго!

По вечерамъ жутко мистически. Еще свѣтло, а часы показываютъ что-то нелѣпое, ночное. Фонарей не зажигаютъ. Но на всякихъ «правительственныхъ» учрежденіяхъ, на чрезвычайкахъ, на театрахъ и клубахъ «имени Троицкаго», «имени Свердлова», «имени Ленина» прозрачно горятъ, какъ какія-то медузы, стеклянные розовыя звѣзды. И по странно пустымъ, еще свѣтлымъ улицамъ, на автомобиляхъ, на лихачахъ, — очень часто съ разряженными дѣвками, — мчится въ эти клубы и театры (глядѣть на своихъ крепостныхъ актеровъ) всякая красная аристократія: матросы съ огромными браунингами на поясѣ, карманные воры, уголовные злодѣи и какіе-то бритые щеголи во френчахъ, въ развратнѣйшихъ галифе, въ франтовскихъ сапогахъ непременно при шпорахъ, всѣ съ золотыми зубами и большими, темными, кокаинистическими глазами. . . Но жутко и днемъ. Весь огромный городъ не живетъ, сидитъ по домамъ, выходитъ на улицу мало. Городъ чувствуетъ себя завоеваннымъ и завоеваннымъ какъ будто какимъ-то особымъ народомъ, который кажется гораздо болѣе страшнымъ, чѣмъ, я думаю, казались нашимъ предкамъ печенѣги. А завоеватель шатается, торгуетъ съ лотковъ, плюетъ сѣмечками, «кроетъ матомъ». По Дерибасовской или движется огромная толпа, сопровождающая для развлеченія гробъ какого-нибудь жулика, выдаваемого непременно за «павшаго борца» (лежитъ въ красномъ гробу, а впереди оркестры и сотни красныхъ и черныхъ знаменъ), или чернѣютъ кучки играющихъ на гармоньяхъ, пляшущихъ и вскрикивающихъ:

Эй, яблочко,
Куда котишься!

Вообще, какъ только городъ становится «краснымъ», тотчасъ рѣзко мѣняется толпа, наполняющая улицы. Совершается нѣкій подборъ лицъ, улица преобразается.

Какъ потрясалъ меня этотъ подборъ въ Москвѣ! Изъ-за этого больше всего и уѣхалъ оттуда.

Теперь то же самое въ Одессѣ — съ самага того праздничнаго дня, когда въ городъ вступила «революціонно-народная армія» и когда даже на извозчицкихъ лошадяхъ какъ жарь горѣли красные банты и ленты.

На этихъ лицахъ прежде всего нѣтъ обыденности, простоты. Всѣ они почти сплошь рѣзко отталкивающія, пугающія злой тупостью, какимъ-то угрюмо-халуйскимъ вызовомъ всему и всѣмъ.

И вотъ ужъ третій годъ идетъ нѣчто чудовищное. Третій годъ только низость, только грязь, только звѣрство. Ну, хоть бы на смѣхъ, на потѣху что-нибудь ужъ не то что хорошее, а просто обыкновенное, что-нибудь просто другое!

«Нельзя огуломъ хаять народъ!»

А «бѣлыхъ», конечно, можно.

Народу, революціи все прощается, — «все это только эксцессы».

А у бѣлыхъ, у которыхъ все отнято, поругано, изнасиловано, убито, — родина, родныя колыбели и могилы, матери, отцы, сестры, — «эксцессовъ», конечно, быть не должно.

«Революція — стихія. . .»

Землетрясеніе, чума, холера тоже стихіи. Однако никто не прославляетъ ихъ, никто не канонизируетъ, съ ними борются. А революціи всегда «углубляютъ».

«Народъ, давшій Пушкина, Толстого».

А бѣлые не народъ.

«Салтычиха, крѣпостники, зубры. . .» Какая вѣковая низость — шулерничать этой Салтычихой, самой обыкновенной сумасшедшей. А декабристы, а знаменитый московскій университетъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, завоеватели и колонизаторы Кавказа, всѣ эти западники и славянофилы, дѣятели «эпохи великихъ реформъ», «кающійся дворянинъ», первые народовольцы, Государственная Дума? А редакторы знаменитыхъ журналовъ? А весь цвѣтъ русской литературы? А ея герои? Ни одна страна въ мірѣ не дала такого дворянства.

«Разложеніе бѣлыхъ. . .»

Какая чудовищная дерзость говорить это послѣ того небывалаго въ мірѣ «разложенія», которое явилъ «красный» народъ.

Впрочемъ, многое и отъ глупости. Толстой говорилъ, что девять десятыхъ дурныхъ человѣческихъ поступковъ объясняется исключительно глупостью.

— Въ моей молодости, рассказывалъ онъ, былъ у насъ пріятель, бѣдный человѣкъ, вдругъ купившій однажды на послѣдніе гроши заводную металлическую канарейку. Мы голову сломали, ища объясненія этому

нелѣпому поступку, пока не вспомнили, что пріятель нашъ просто ужасно глупъ.

23 Апрѣля.

Каждое утро дѣлаю усилія одѣваться спокойно, преодолевая нетерпѣніе къ газетамъ — и все напрасно. Напрасно старался и нынче. Холодъ, дождь, и все таки побѣждалъ за этой мерзостью и опять истратилъ на нихъ цѣлыхъ пять цѣлковыхъ. Что Петербургъ? Что ультиматумъ румынамъ? Ни о томъ, ни о другомъ, конечно, ни слова, Крупно: «Колчаку Волги не видать!» Затѣмъ: образовалось «Временное Рабоче-Крестьянское Правительство» Бессарабіи, Нансенъ просить «Совѣтъ Четырехъ» о хлѣбѣ для Россіи, гдѣ «ежемесячно умираютъ отъ голода и болѣзней сотни тысячъ», Абрашка-Гармонистъ (Регининъ изъ «Биржевки») продолжаетъ забавлять красноармейцевъ: «Тутъ вскочилъ какъ ошарашенный Колчакъ и присѣлъ отъ перепуга на столчакъ», «въ Парижѣ баррикады, старый палачъ Клемансо въ паникѣ», болгарскій коммунистъ Касановъ «объявилъ войну Франціи», — такъ буквально и сказано! — въ одесскій портъ вчера пришло посыльное французское судно, а «блокада продолжается, французы останавливаютъ даже парусники...» Всѣ въ городѣ диву даются, стараясь понять поведеніе французовъ, и всѣ бѣгаютъ на Николаевскій бульваръ смотрѣть на французскій миноносецъ, сѣрѣющій вдали на совершенно пустомъ морѣ, и дрожать: какъ-бы не ушелъ, избавь Богъ! Все кажется, что есть хоть какая-то защита, что, въ случаѣ какихъ-нибудь ужъ слишкомъ чрезмѣрныхъ звѣрствъ надъ нами, миноносецъ можетъ начать стрѣ-

лять. . . что если онъ уйдетъ, ужъ всему конецъ, полный ужасъ, полная пустота міра. . .

Весь вечеръ сидѣлъ Волошинъ. Очень хвалилъ этого морского комиссара Нѣмица, — «онъ видитъ и вѣритъ, что идетъ объединеніе и строительство Россіи». Читалъ свои переводы изъ Верхарна. Опять думаю: Верхарнъ большой талантъ, но, прочитавъ десятокъ его стиховъ, начинаешь задыхаться отъ этого дьявольскаго однообразія пріемовъ, дикихъ преувеличеній, сумасшедшаго, «большевистскаго» нажима на воображеніе читателя.

Русская литература развращена за послѣднія десятилѣтія необыкновенно. Улица, толпа начала играть очень большую роль. Все — и литература особенно — выходитъ на улицу, связывается съ нею и подпадаетъ подъ ея вліяніе. И улица развращаетъ, нервируетъ уже хотя бы по одному тому, что она страшно неумѣренна въ своихъ хвалахъ, если ей угождаютъ. Въ русской литературѣ теперь только «геніи». Изумительный урожай! Геній Брюсовъ, геній Горькій, геніи Игорь Сѣверянинъ, Блокъ, Бѣлый. . . Какъ тутъ быть спокойнымъ, когда такъ легко и быстро можно выскочить въ геніи? И всякій норовитъ плечомъ пробиться впередъ, ошеломить, обратить на себя вниманіе.

Вотъ и Волошинъ. Позавчера онъ звалъ на Россію «Ангела Мщенія», который долженъ былъ «въ сердце дѣвушки вложить восторгъ убійства и въ душу дѣтскую кровавыя мечты». А вчера онъ былъ бѣлогвардейцемъ, а нынче готовъ пѣтъ большевиковъ. Мнѣ

онъ пытался за послѣдніе дни вдолбить слѣдующее: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, ибо есть девять серафимовъ, которые сходятъ на землю и входятъ въ насъ, дабы принять съ нами распятіе и горѣніе, изъ коего возникаютъ новые, прокаленные, просвѣтленные лики. Я ему посоветовалъ выбрать для этихъ бесѣдъ кого-нибудь поглупѣе.

А. К. Толстой когда-то писалъ: «Когда я вспомню о красотѣ нашей исторіи до проклятыхъ монголовъ, мнѣ хочется броситься на землю и кататься отъ отчаянія.» Въ русской литературѣ еще вчера были Пушкины, Толстые, а теперь почти одни «проклятые монголы».

Ночь на 24 Апрѣля.

Послѣдній разъ я былъ въ Петербургѣ въ началѣ апрѣля 17 года. Въ мірѣ тогда уже произошло нѣчто невообразимое: брошена была на полный произволь судьбы — и не когда-нибудь, а во время величайшей міровой войны — величайшая на землѣ страна. Еще на три тысячи верстъ тянулись на западѣ окопы, но они уже стали простыми ямами: дѣло было кончено, и кончено такой чепухой, которой еще не бывало, ибо власть надъ этими тремя тысячами верстъ, надъ вооруженной ордой, въ которую превращалась многомиліонная армія, уже переходила въ руки «комиссаровъ» изъ журналистовъ въ родѣ Соболя, Іорданскаго. Но не менѣе страшно было и на всемъ прочемъ пространствѣ Россіи, гдѣ вдругъ оборвалась громадная, вѣками налаженная жизнь и воцарилось какое-то недоумѣнное существованіе, безпричинная праздность и

противоестественная свобода отъ всего, чѣмъ живо человеческое общество.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ, вышелъ изъ вагона, пошелъ по вокзалу: здѣсь, въ Петербургѣ было какъ будто еще страшнѣе, чѣмъ въ Москвѣ, какъ будто еще больше народа, совершенно не знающаго, что ему дѣлать, и совершенно бессмысленно шатававшегося по всѣмъ вокзальнымъ помѣщеніямъ. Я вышелъ на крыльцо, чтобы взять извозчика: извозчикъ тоже не зналъ, что ему дѣлать, — везти или не везти, — и не зналъ, какую назначить цѣну.

— Въ Европейскую, — сказалъ я.

Онъ подумалъ и отвѣтилъ наугадъ:

— Двадцать цѣлковыхъ.

Цѣна была по тѣмъ временамъ еще совершенно нелѣпая. Но я согласился, сѣлъ и поѣхалъ — и не узналъ Петербурга.

Въ Москвѣ жизни уже не было, хотя и шла со стороны новыхъ властителей сумасшедшая по своей безтолковости и горячкѣ имитация какого-то будто-бы новаго строя, новаго чина и даже парада жизни. То же но еще въ превосходной степени было и въ Петербургѣ. Непрерывно шли совѣщанія, засѣданія, митинги, одинъ за другимъ издавались воззванія, декреты, неистово работалъ знаменитый «прямой проводъ» — и кто только ни кричалъ, ни командировалъ тогда по этому проводу! — по Невскому то и дѣло проносились правительственныя машины съ красными флажками, грохотали переполненные грузовики, не въ мѣру бойко и четко отбивали шагъ какіе-то отряды съ красными знаменами и музыкой. . . Невскій былъ затопленъ сѣрой толпой, солдатней въ шинеляхъ въ накид-

ку, неработающими рабочими, гулящей прислугой и всякими ярыгами, торговавшими съ лотковъ и папиросами, и красными бантами, и похабными карточками, и сластями, и всѣмъ, чего просишь. А на троттуарахъ былъ соръ, шелуха подсолнуховъ, а на мостовой лежалъ навозный ледъ, были горбы и ухабы. И на полпути извозчикъ неожиданно сказалъ мнѣ то, что тогда говорили уже многіе мужики съ бородами:

— Теперь народъ, какъ скотина безъ пастуха, все перегадитъ и самого себя погубить.

Я спросилъ:

— Такъ что же дѣлать?

— Дѣлать? — сказалъ онъ. — Дѣлать теперь нечего. Теперь шабашъ. Теперь правительства нѣту.

Я взглянулъ вокругъ, на этотъ Петербургъ. . . «Правильно, шабашъ.» Но въ глубинѣ-то души я еще на что-то надѣялся и въ полное отсутствіе правительства все таки еще не совсѣмъ вѣрилъ.

Не вѣрить однако нельзя было.

Я въ Петербургѣ почувствовалъ это особенно живо: въ тысячелѣтнемъ и огромномъ домѣ нашемъ случилась великая смерть, и домъ былъ теперь растворенъ, раскрытъ настежь и полонъ несмѣтной праздною толпой, для которой уже не стало ничего святого и запретнаго ни въ какомъ изъ его покоевъ. И среди этой толпы носились наслѣдники покойника, шальные отъ заботъ, распоряженій, которыхъ однако никто не слушалъ. Толпа шаталась изъ покоя въ покой, изъ комнаты въ комнату, ни на минуту не переставая грызть и жевать подсолнухи, пока еще только поглядывая, до поры до времени помалкивая. А наслѣдники носились и безъ умолку говорили, всячески къ ней подлаживались,

увѣряли ее и самихъ себя, что это именно она, державная толпа, навсегда разбила «оковы» въ своемъ «священномъ гнѣвѣ», и все старались внушить и себѣ и ей, что на самомъ-то дѣлѣ они ничуть не наследники, а такъ только — временные распорядители, будто бы ею-же самой на то уполномоченные.

Я видѣлъ Марсово Поле, на которомъ только что совершили, какъ нѣкое традиціонное жертвоприношеніе революціи, комедію похоронъ будто бы павшихъ за свободу героевъ. Что нужды, что это было, собственно, издѣвательство надъ мертвыми, что они были лишены честнаго христіанскаго погребенія, заколочены въ гроба почему-то красные и противоестественно закопаны въ самомъ центрѣ города живыхъ! Комедію продѣлали съ полнымъ легкомысліемъ и, оскорбивъ скромный прахъ никому невѣдомыхъ покойниковъ высокопарнымъ краснорѣчіемъ, изъ края въ край изрыли и истоптали великолѣпную площадь, обезобразили ее буграми, натыкали на ней высокихъ голыхъ шестовъ въ длиннѣйшихъ и узкихъ черныхъ тряпкахъ и зачѣмъ-то огородили ее досчатыми заборами, на скорую руку сколоченными и мерзкими не менѣе шестовъ своей дикарской простотой.

Я видѣлъ очень большое собраніе на открытіи выставки финскихъ картинъ. До картинъ ли было намъ тогда! Но вотъ оказалось, что до картинъ. Старались, чтобы народу на открытіи было какъ можно больше, и собрался «весь Петербургъ» во главѣ съ нѣкоторыми новыми министрами, знаменитыми думскими депутатами, и всѣ просто умоляли финновъ послать къ чорту Россію и жить на собственной волѣ: не умѣю иначе опредѣлить тотъ восторгъ, съ которымъ гово-

рились рѣчи финнамъ по поводу «зари свободы, засіявшей надъ Финляндіей». И изъ оконъ того богатаго особняка, въ которомъ происходило все это и который стоялъ какъ разъ возлѣ Марсова Поля, я опять глядѣлъ на это страшное могильное позорище, въ которое превратили его.

А затѣмъ я былъ еще на одномъ торжествѣ въ честь все той же Финляндіи, — на банкетѣ въ честь финновъ послѣ открытія выставки. И, Богъ мой, до чего ладно и многозначительно связалось все то, что я видѣлъ въ Петербургѣ, съ тѣмъ гомерическимъ безобразіемъ, въ которое вылился банкетъ! Собрались на него все тѣ же — весь «цвѣтъ русской интеллигенціи», то есть знаменитые художники, артисты, писатели, общественные дѣятели, новые министры и одинъ высокій иностранный представитель, именно посоль Франціи. Но надо всѣми возобладать — поэтъ Маяковский. Я сидѣлъ съ Горькимъ и финскимъ художникомъ Галленомъ. И началъ Маяковский съ того, что безъ всякаго приглашенія подошелъ къ намъ, двинулъ стулъ между нами и сталъ ѣсть съ нашихъ тарелокъ и пить изъ нашихъ бокаловъ. Галленъ глядѣлъ на него во всѣ глаза — такъ, какъ глядѣлъ бы онъ, вѣроятно, на лошадь, если бы ее, напримѣръ, ввели въ эту банкетную залу. Горькій хохоталъ. Я отодвинулся. Маяковский это замѣтилъ.

— Вы меня очень ненавидите? — весело спросилъ онъ меня.

Я безъ всякаго стѣсненія отвѣтилъ, что нѣтъ: слишкомъ было бы много чести ему. Онъ уже было раскрылъ свой корытообразный ротъ, чтобы еще что-то спросить меня, но тутъ поднялся для официальнаго

тоста министр иностранныхъ дѣлъ, и Маяковскій кинулся къ нему, къ серединѣ стола. А тамъ онъ вскочилъ на стуль и такъ похабно заоралъ что-то, что министр оцѣпенѣлъ. Черезъ секунду, оправившись, онъ снова провозгласилъ: «Господа!» Но Маяковскій заоралъ пуще прежняго. И министр, сдѣлавъ еще одну и столь же бесплодную попытку, развелъ руками и сѣлъ. Но только что онъ сѣлъ, какъ всталъ французскій посолъ. Очевидно, онъ былъ вполне увѣренъ, что уже передъ нимъ-то русскій хулиганъ не можетъ не ступать. Не тутъ-то было! Маяковскій мгновенно заглушилъ его еще болѣе зычнымъ ревомъ. Но мало того: къ безмѣрному изумленію посла, вдругъ пришла въ дикое и бессмысленное неистовство и вся зала: зараженные Маяковскимъ, всѣ ни съ того, ни съ сего заорали и себѣ, стали бить сапогами въ полъ, кулаками по столу, стали хохотать, выть, визжать, хрюкать и — тушить электричество. И вдругъ все покрылъ истинно трагическій вопль какого-то финскаго художника, похожаго на бритаго моржа. Уже хмельной и смертельно блѣдный, онъ, очевидно, потрясенный до глубины души этимъ излишествомъ свинства, и желая выразить свой протестъ противъ него, сталъ что есть силы и буквально со слезами кричать одно изъ немногихъ русскихъ словъ, ему извѣстныхъ:

— Много! Многоо! Многоо! Многоо!

И еще одно торжество случилось тогда въ Петербургѣ — пріѣздъ Ленина. «Добро пожаловать!» — сказалъ ему Горькій въ своей газетѣ. И онъ пожаловалъ — въ качествѣ еще одного притязателя на наследство. Притязанія его были весьма серьезны и откровенны. Однако его встрѣтили на вокзалѣ почет-

нымъ карауломъ и музыкой и позволили затесаться въ одинъ изъ лучшихъ петербургскихъ домовъ, ничуть, конечно, ему не принадлежащій.

«Много»? Да какъ сказать? Вѣдь шель тогда у насъ пиръ на весь мѣръ, и трезвы-то на пиру были только Ленины и Маяковскіе.

Одноглазый Полифемъ, къ которому попалъ Одиссей въ своихъ странствіяхъ, намѣревался сожрать Одиссея. Ленинъ и Маяковскій (котораго еще въ гимназіи пророчески прозвали Идіотомъ Полифемовичемъ) были оба тоже довольно прожорливы и весьма сильны своимъ одноглазіемъ. И тотъ и другой нѣкоторое время казались всѣмъ только площадными шутами. Но недаромъ Маяковскій назвался футуристомъ, то есть человѣкомъ будущаго: полифемское будущее Россіи принадлежало несомнѣнно имъ, Маяковскимъ, Ленинымъ. Маяковскій утробой почуялъ, во что вообще превратится вскорѣ русскій пиръ тѣхъ дней и какъ великолѣпно заткнетъ ротъ всѣмъ прочимъ трибунамъ Ленинъ съ балкона Кшесинской: еще великолѣпнѣе, чѣмъ сдѣлалъ это онъ самъ, на пиру въ честь готово́й послать насъ къ чорту Финляндіи!

Въ мѣръ была тогда Пасха, весна, и удивительная весна: даже въ Петербургѣ стояли такіе прекрасные дни, какихъ не запомнишь. А надо всѣми моими тогдашними чувствами преобладала безмѣрная печаль. Передъ отъѣздомъ былъ я въ Петропавловскомъ соборѣ. Все было настезь — и крѣпостныя ворота, и соборныя двери. И всюду бродилъ праздный народъ, посматривая и поплеывая сѣмечками. Походилъ и я по собору, посмотрѣлъ на царскія гробницы, земнымъ поклономъ простился съ ними, а выйдя на паперть,

долго стоялъ въ оцѣпенѣніи: вся безграничная весенняя Россія развернулась передъ моимъ умственнымъ взглядомъ. Весна, пасхальные колокола звали къ чувствамъ радостнымъ, воскреснымъ. Но зіяла въ мірѣ необъятная могила. Смерть была въ этой веснѣ, послѣднее цѣлованіе. . .

«Разочарованія, говоритъ Герценъ, міръ не зналъ до великой французской революціи, скепсисъ пришелъ вмѣстѣ съ республикой 1792 года.»

Что до насъ, то мы должны унести съ собой въ могилу разочарованіе величайшее въ мірѣ.

Перечиталъ написанное. Нѣтъ, вѣроятно, еще можно было спастись. Развратъ тогда охватилъ еще только главнымъ образомъ города. Въ деревнѣ былъ еще нѣкоторый разумъ, стыдъ. Вспомнилъ свои прежнія записи, вынулъ и развернулъ: вотъ, наприимѣлъ, 5 мая 1917 года:

Былъ на мельницѣ. Много мужиковъ, нѣсколько бабъ. Громкій разговоръ подъ шумъ мельницы. Возлѣ притолки, прислонясь къ ней и внимательно слушающая Колю, наклонивъ ухо и глядя въ землю, стоитъ высокій мужикъ съ опущенными плечами, съ черной курчавой бородой и нѣжнымъ румянцемъ, уходящимъ въ волосы. Шапка надвинута на бѣлый хрящъ носа. Коля рассказываетъ, что солдаты никого не призна-

ють и уходятъ съ фронта. Мужикъ вдругъ встрепенулся и, уставившись въ него черными блестящими глазами, яростно заговорилъ:

— Вотъ, вотъ! Вотъ они, сукины дѣти! Кто ихъ распустилъ? Кому они тутъ нужны? Ихъ, сукиныхъ дѣтей, арестовать надо!

Въ это время, верхомъ на сѣрой лошади, подѣхалъ молодой солдатъ въ хаки и стеганыхъ штанахъ, напѣвая и насвистывая. Мужикъ кинулся на него:

— Вотъ онъ! Видишь, катается! Кто его пустилъ? Зачѣмъ его собирали, зачѣмъ его обряжали?

Солдатъ слѣзъ, привязалъ лошадь и на раскоряченныхъ ногахъ, съ притворно беззаботнымъ видомъ, вошелъ въ мельницу.

— Что-жъ мало навоевалъ? — закричалъ за нимъ мужикъ. — Ты что-жъ, казенную шапку, казенные портки надѣлъ дома сидѣть? (Солдатъ съ неловкой улыбкой обернулся). Ты бы ужъ лучше совсѣмъ туда не ѣздишь, сволочь ты этакая! Возьму вотъ, сдѣру съ тебя портки и сапоги да головой обѣ-стѣну! Радъ, что начальства теперь у васъ нѣту, подлець! Зачѣмъ тебя отецъ съ матерью кормили?

Мужики подхватили, поднялся общій негодующій крикъ. Солдатъ съ неловкой усмѣшкой, стараясь быть презрительнымъ, пожималъ плечами.

24 Апрѣля.

Вчера ночью выдумалъ прятать эти замѣтки такъ хорошо, что кажется самъ чортъ не найдетъ. Впрочемъ, чортъ теперь мальчишка и щенокъ. Все таки могутъ найти, и тогда не сдобровать мнѣ. Въ «Извѣстiяхъ» обо мнѣ уже писали: «Давно пора обратить

вниманіе на этого академика съ лицомъ гоголевскаго сочельника, вспомнить, какъ онъ воспѣвалъ приходъ въ Одессу французовъ!»

Посмотрѣлъ газеты. Все тотъ же балаганъ. «Бессарабское рабоче-крестьянское правительство опубликовало вчера манифестъ, объявляющій войну Румыніи. Но это не хищническая война имперіалистовъ...» и т. д.

Статья Троцкаго «о необходимости добить Колчака». Конечно, это первая необходимость и не только для Троцкаго, но и для всѣхъ, которые ради гибели «проклятаго прошлаго» готовы на гибель хоть половины русскаго народа.

Въ Одессѣ народъ очень ждалъ большевиковъ — «наши идутъ». Ждали и многіе обыватели — надоѣла смѣна властей, ужъ хоть что нибудь одно, да, вѣроятно, и жизнь дешевле будетъ. И охъ какъ нарвались всѣ! Ну, да ничего, привыкнуть. Какъ тотъ старикъ мужикъ, что купилъ себѣ на ярмаркѣ очки такой силы, что у него отъ нихъ слезы градомъ брызнули.

— Макаръ, да ты съ ума сошелъ! Вѣдь ты ослѣпнешь, вѣдь они тебѣ совсѣмъ не по глазамъ!

— Кто, баринъ? Очки-то? Ничего, они оглядятся...

Волошинъ разсказывалъ, что предсѣдатель одесской чрезвычайки Сѣверный (сынъ одесскаго доктора Юзефовича) говорилъ ему:

— Простить себѣ не могу, что упустилъ Колчака, который былъ у меня однажды въ рукахъ!

Болѣе оскорбительнаго я за всю мою жизнь не слышалъ.

Дыбенко. . . Чеховъ однажды сказалъ мнѣ:

— Вотъ чудесная фамилія для матроса: Кошкодавленко.

Дыбенко стоитъ Кошкодавленки.

О Колонтай (разсказывалъ вчера Н. Н.):

— Я ее знаю очень хорошо. Была когда-то похожа на ангела. Съ утра надѣвала самое простенькое платьице и скакала въ рабочія трущобы — «на работу». А воротясь домой, брала ванну, надѣвала голубенькую рубашечку — и шмыгъ съ коробкой конфетъ въ кровать къ подругѣ: «Ну давай, дружокъ, поболтаемъ теперь всласть!»

Судебная и психіатрическая медицина давно знаетъ и этотъ (ангелоподобный) типъ среди прирожденныхъ преступницъ и проститутокъ.

Изъ «Извѣстій»:

— Крестьяне говорятъ: дайте намъ коммуны, лишь бы избавьте насъ отъ кадетовъ. . .

У дверей «Политуправленія» стоитъ огромный плакатъ. Краснокожая баба, съ бѣшенымъ дикарскимъ рыломъ, съ яростно оскаленными зубами, съ разбѣгу всадила вилы въ задъ убѣгающаго генерала. Изъ за да хлещетъ кровь. Подпись:

— *Не зарись, Деникинъ, на чужую землю!*

«Не зарись» должно обозначать «не зарься».

По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевицкаго правописанія. Ужъ хотя бы по одному тому, что никогда человѣческая рука не писала ничего подобнаго тому, что пишется теперъ по этому правописанію.

Подумать только: надо еще *объяснять* то тому, то другому, почему именно не пойду я служить въ какой-нибудь Пролеткультъ! Надо еще *доказывать*, что нельзя сидѣть рядомъ съ чрезвычайкой, гдѣ чуть не каждый часъ кому нибудь проламываютъ голову, и просвѣщать насчетъ «послѣднихъ достиженій въ инструментовкѣ стиха» какую-нибудь хряпу съ мокрыми отъ пота руками! Да порази ее проказа до семьдесятъ седьмого колѣна, если она даже и «антересуется» стихами!

Вообще, теперъ самое страшное, самое ужасное и позорное даже не сами ужасы и позоры, а то, что надо

разъяснять ихъ, спорить о томъ, хороши они или дурны. Это-ли не крайній ужасъ, что я долженъ доказывать, напримѣръ, то, что лучше тысячу разъ околотъ съ голоду, чѣмъ обучать эту хряпу ямбама и хорейма, дабы она могла воспѣвать, какъ ея сотоварищи грабятъ, бьютъ, насилуютъ, пакостятъ въ церквахъ, вырѣзываютъ ремни изъ офицерскихъ спинъ, вѣнчаются съ кобылами священниковъ!

Кстати объ одесской чрезвычайкѣ. Тамъ теперь новая манера пристрѣливать — надъ клозетной чашкой.

А у «предсѣдателя» этой чрезвычайки, у Сѣвернаго, «кристальная душа», по словамъ Волошина. А познакомился съ нимъ Волошинъ, — всего нѣсколько дней тому назадъ, — «въ гостиной одной хорошенькой женщины».

Анюта говоритъ:

— Пригнали красноармейцевъ изъ Россіи.

Знаю, уже нѣкоторыхъ видѣлъ. Нынче встрѣтилъ опять одного — толстомордаго, коротконогаго, у котораго при разговорѣ поднимается лѣвый уголь губы. Страшный типъ. Я былъ надъ спускомъ въ портъ въ концѣ Торговой, онъ лежалъ съ другимъ солдатомъ на оградѣ, съ обезьяньей быстротой щелкалъ подсолнухами, исподлобья поглядывая на меня. Зачѣмъ я, несчастный, хожу туда? Смотрѣть на пустой рейдъ, на море, все тая надежду на спасеніе съ той стороны!

Кончилъ воспоминанія Булгакова. Толстой говорилъ ему:

— Курсистки, читающія Горькаго и Андреева, искренно вѣрятъ, что не могутъ постигнуть ихъ глубины. . . Прочелъ прологъ къ «Анатэмъ» — полная бессмыслица. . . Что у нихъ у всѣхъ въ головахъ, у всѣхъ этихъ Брюсовыхъ, Бѣлыхъ?

Чеховъ тоже не понималъ, что. На людяхъ говорилъ, что «чудесно», а дома хохоталъ: «Ахъ, такіе сякіе! Ихъ бы въ арестантскія роты отдать!» И про Андреева: «Прочитаю двѣ страницы, — надо два часа гулять на свѣжемъ воздухѣ!»

Толстой говорилъ:

— Теперь успѣхъ въ литературѣ достигается только глупостью и наглостью.

Онъ забылъ помощь критиковъ.

Кто они, эти критики?

На врачебный консилиумъ зовутъ врачей, на юридическую консультацію — юристовъ, желѣзнодорожный мостъ оцѣниваютъ инженеры, домъ — архитекторы, а вотъ художество всякій, кто хочетъ, люди, часто совершенно противоположные по натурѣ всякому художеству. И слушаютъ только ихъ. А отзывъ Толстыхъ въ грошъ не ставится, — отзывъ какъ разъ тѣхъ, которые прежде всего обладаютъ огромнымъ критическимъ чутьемъ, ибо написаніе cadaго слова въ «Войнѣ и мирѣ» есть въ то же самое время и строжайшее взвѣшиваніе, тончайшая оцѣнка cadaго слова.

Когда совсѣмъ падаешь духомъ отъ полной безнадежности, ловишь себя на сокровенной мечтѣ, что все таки настанетъ же когда нибудь день отмщенія и общаго, всечеловѣческаго проклятія теперешнимъ днямъ. Нельзя быть безъ этой надежды. Да, но во что можно вѣрить теперь, когда раскрылась такая несказанно страшная правда о человѣкѣ?

Все будетъ забыто и даже прославлено! И прежде всего литература поможетъ, которая что угодно исказитъ, какъ это сдѣлало, на примѣръ, съ французской революціей то вреднѣйшее на землѣ племя, что называется поэтами, въ которомъ на одного истиннаго святого всегда приходится десять тысячъ пустосвятовъ, выродковъ и шарлатановъ.

Блаженъ, кто посѣтилъ сей міръ
Въ его минуты роковыя!

Да, мы надо всѣмъ, даже и надъ тѣмъ несказаннымъ, что творится сейчасъ, мудримъ, философствуемъ. Все-то у насъ не веревка, а «вервие», какъ у того крыловскаго мудреца, что полетѣлъ въ яму, но и въ ямѣ продолжалъ свою элоквенцію. Вѣдь вотъ и до сихъ поръ споримъ, на примѣръ, о Блокѣ: впрямь его ярыги, убившіе уличную дѣвку, суть апостолы или все-таки не совсѣмъ? Михрютка, дробящій дубиной венеціанское зеркало, у насъ непременно гуннь, скифъ, и мы вполне утѣшаемся, налѣпивъ на него этотъ ярлыкъ.

Вообще, литературный подходъ къ жизни просто отравилъ насъ. Что, на примѣръ, сдѣлали мы съ той громадной и разнообразнѣйшей жизнью, которой жила Россія послѣднее столѣтіе? Разбили, раздѣлили ее на

десятилѣтія — двадцатые, тридцатые, сороковые, шестидесятые годы — и каждое десятилѣтіе опредѣлили его литературнымъ героемъ: Чацкѣй, Онѣгинъ, Печоринъ, Базаровъ. . . Это-ли не курамъ на смѣхъ, особенно ежели вспомнить, что героямъ этимъ было одному «осьмнадцать» лѣтъ, другому девятнадцать, третьему, самому старшему, двадцать!

Газеты зовуть въ походъ на Европу. Вспомнилось: осень 14 года, собраніе московскихъ интеллигентовъ въ Юридическомъ Обществѣ. Горькѣй, зеленѣя отъ волненія, говоритъ рѣчь:

— Я боюсь русской побѣды, того, что дикая Россія навалится стомилліоннымъ брюхомъ на Европу!

Теперь это брюхо большевицкое, и онъ уже не боится.

Рядомъ съ этимъ есть въ газетахъ и «предупрежденіе»: «Въ связи съ полнымъ истощеніемъ топлива, электричества скоро не будетъ.» И такъ, въ одинъ мѣсяць все обработали: ни фабрикъ, ни желѣзныхъ дорогъ, ни трамваевъ, ни воды, ни хлѣба, ни одежды — ничего!

Да, да — «вотъ выйдутъ семь коровъ тощихъ и пожрутъ семь тучныхъ, но сами отъ того не станутъ тучнѣе».

Сейчасъ (одиннадцатый часъ, ночь) открылъ окно, выглянулъ на улицу: луна низко, за домами, нигдѣ ни души и такъ тихо, что слышно, какъ гдѣ-то на мосто-

вой грызетъ кость собака, — и откуда только могла она взять эту кость? Вотъ дожили, — даже кости удивишься!

Перечитываю «Обрывъ». Длинно, но какъ умно, крѣпко. Все таки дѣлаю усилія, чтобы читать — такъ противны теперь эти Марки Волоховы. Сколько хамовъ пошло отъ этого Марка! «Что же это вы залѣзли въ чужой садъ и ѣдите чужія яблоки?» — «А что это значитъ: чужой, чужія? И почему мнѣ не ѣсть, если хочется?» Маркъ истинно геніальное созданіе, и вотъ оно, изумительное дѣло художниковъ: такъ чудесно схватываетъ, концентрируетъ и воплощаетъ человѣкъ типическое, разсѣянное въ воздухѣ, что во сто кратъ усиливаетъ его существованіе и вліяніе — и часто совершенно наперекоръ своей задачѣ. Хотѣлъ высмѣять пережитокъ рыцарства — и сдѣлалъ Донъ-Кихота, и уже не отъ жизни, а отъ этого несуществующаго Донъ-Кихота начинаютъ рождаться сотни живыхъ Донъ-Кихотовъ. Хотѣлъ казнить марковщину — и наплодилъ тысячи Марковъ, которые плодились уже не отъ жизни, а отъ книги. — Вообще, какъ отдѣлать реальное отъ того, что даетъ книга, театръ, кинематографъ? Очень многіе живые участвовали въ моей жизни и воздѣйствовали на меня, вѣроятно, гораздо меньше, чѣмъ герои Шекспира, Толстого. А въ жизнь другихъ входитъ Шерлокъ, въ жизнь горничной — та, которую она видѣла въ автомобилѣ на экранѣ.

25 Апрѣля.

Вчера поздно вечеромъ, вмѣстѣ съ «комиссаромъ» нашего дома, явились измѣрять въ длину, ширину и

высоту всѣ наши комнаты «на предметъ уплотненія пролетаріатомъ». Всѣ комнаты всего города измѣряютъ, проклятыя обезьяны, остервенѣло катающія чурбанъ! Я не проронилъ ни слова, молча лежалъ на диванѣ, пока мѣрили у меня, но такъ взволновался отъ этого новаго издѣвательства, что сердце стучало съ перерывами и больно пульсировала жила на лбу. Да, это даромъ для сердца не пройдетъ. А какое оно было здоровое и насколько бы еще меня хватило, сколько бы я могъ еще сдѣлать!

«Комиссаръ» нашего дома сдѣлался «комиссаромъ» только потому, что моложе всѣхъ квартирантовъ и совсѣмъ простаго званія. Принялъ комиссарскій санъ изъ страха; человекъ скромный, робкій и теперь дрожитъ при одномъ словѣ «революціонный трибуналъ», бѣгаетъ по всему дому, умоляя исполнять декреты, — умѣютъ нагонять страхъ, ужасъ эти негодяи, сами всячески подчеркиваютъ, афишируютъ свое звѣрство! А у меня совершенно ощутимая боль возлѣ лѣваго соска даже отъ однихъ такихъ словъ, какъ «революціонный трибуналъ». Почему комиссаръ, почему трибуналъ, а не просто судъ? Все потому, что только подъ защитой такихъ священно-революціонныхъ словъ можно такъ смѣло шагать по колѣно въ крови, что, благодаря имъ, даже наиболѣе разумные и пристойные революціонеры, приходящіе въ негодованіе отъ обычнаго грабежа, воровства, убійства, отлично понимающіе, что надо вязать, тащить въ полицію босяка, который схватилъ за горло прохожаго *въ обычное время*, отъ восторга захлебываются передъ этимъ босякомъ, если онъ дѣлаетъ то же самое во время, называемое революціоннымъ, хотя вѣдь всегда имѣетъ босякъ полнѣйшее право ска-

затъ, что онъ осуществляетъ «гнѣвъ низовъ, жертвъ соціальной несправедливости».

Когда дописывалъ предыдущія слова — стукъ въ парадную дверь, черезъ секунду превратившійся въ бѣшеный. Отворилъ — опять комиссаръ и толпа товарищей и красноармейцевъ. Съ поспѣшной грубостью требуютъ выдать лишніе матрацы. Сказалъ, что лишнихъ нѣтъ, — вошли, посмотрѣли и ушли. И опять омертвѣніе головы, опять сердцебіеніе, дрожь въ отвалившихся отъ бѣшенства, отъ обиды рукахъ и ногахъ.

Внезапная музыка во дворѣ — бродячая нѣмецкая гармонія, еврей въ шляпѣ и женщина. Играютъ польку, — и какъ все странно, некстати теперь!

День солнечный, почти такой же холодный, какъ вчера. Облака, но небо синее, дерево во дворѣ уже густое, темно-зеленое, яркое.

Во дворѣ, когда отбирали матрацы, кухарки кричали (про насъ): «Ничего, ничего, хорошо, пускай поспятъ на дранкахъ, на доскахъ!»

Былъ В. Катаевъ (молодой писатель). Цинизмъ нынѣшнихъ молодыхъ людей прямо невѣроятенъ. Говорилъ: «За 100 тысячъ убью кого угодно. Я хочу хорошо ѣсть, хочу имѣть хорошую шляпу, отличные ботинки. . .»

Вышелъ съ Катаевымъ, чтобы пройтись, и вдругъ на минуту всѣмъ существомъ почувствовалъ очарованіе весны, чего въ нынѣшнемъ году (въ первый разъ въ жизни) не чувствовалъ совсѣмъ. Почувствовалъ

кромѣ того, какое-то внезапное расширение зрѣнія, — и тѣлеснаго, и духовнаго, — необыкновенную силу и ясность его. Необыкновенно коротка показалась Де-рибасовская, необыкновенно близки самыя дальнія зданія, замыкающія ее, а потомъ Екатерининская, закутанный тряпками памятникъ, домъ Левашова, гдѣ-теперь чрезвычайка, и море — маленькое, плоское, все какъ на ладони. И съ какой-то живостью, ясностью, съ какой-то отрѣшенностью, въ которой уже не было ни скорби, ни ужаса, а было только какое-то веселое отчаяніе, вдругъ осозналъ ужъ какъ будто совсѣмъ до конца все, что творится и въ Одессѣ и во всей Россіи.

Когда выходилъ изъ дома, слышалъ, какъ дворникъ говорилъ кому-то:

— А эти коммунисты, какіе постели ограбляютъ, одна послѣдняя сволочь. Его самогономъ надуютъ, дадутъ папирось, — онъ отца родного угробить!

Все такъ, но есть несомнѣнно и помѣшательство. И все, что видѣлъ по пути, удивительно подтверждало это. И особенно то, на что (какъ нарочно) наткнулся на Пушкинской: отъ вокзала, навстрѣчу мнѣ, промчался бѣшеный автомобиль и въ немъ, среди кучи товарищей, совершенно бѣшенный студентъ съ винтовкой въ рукахъ: весь полетъ, расширенные глаза дико воззрились впередъ, худъ смертельно, черты лица до неправдоподобности тонки, остры, за плечами треплются концы краснаго башлыка. . . Вообще, студентовъ видишь не рѣдко: спѣшитъ куда-то, весь растерзанъ, въ грязной ночной рубахѣ подъ старой распахнувшейся шинелью, на лохматой головѣ слинявшій картузь, на ногахъ сбитые башмаки, на плечѣ виситъ внизъ ду-

ломъ винтовка на веревкѣ. . . Впрочемъ, чортъ его знаетъ — студентъ-ли онъ на самомъ дѣлѣ.

Да хорошо и все прочее. Случается, что, напримѣръ, выходитъ изъ воротъ бывшей Крымской гостиницы (противъ чрезвычайки) отрядъ солдатъ, а по мосту идутъ женщины: тогда весь отрядъ вдругъ останавливается — и съ хохотомъ мочится, оборотясь къ нимъ. А этотъ громадный плакатъ на чрезвычайкѣ? Нарисованы ступени, на верхней — тронъ, отъ трона текутъ потоки крови. Подпись:

Мы кровью народной залитые троны
Кровью нашихъ враговъ обагримъ!

А на площади, возлѣ Думы, еще и до сихъ поръ бьютъ въ глаза проклятымъ краснымъ цвѣтомъ первомайскія трибуны. А дальше висится нѣчто непостижимое по своей гнусности, загадочности и сложности, — нѣчто сбитое изъ досокъ, очевидно, по какому-то футуристическому рисунку, и всячески размалеванное, цѣлый домъ какой-то, суживающійся кверху, съ какими-то сквозными воротами. А по Дерибасовской опять плакаты: два рабочихъ крутятъ прессъ, а подъ прессомъ лежитъ раздавленный буржуй, изо рта котораго и изъ зада лентами лѣзутъ золотыя монеты. А толпа? Какая, прежде всего, грязь! Сколько старыхъ, до нельзя запакощенныхъ солдатскихъ шинелей, сколько порыжѣвшихъ обмотокъ на ногахъ и сальныхъ картузовъ, которыми точно улицу подметали, на вшивыхъ головахъ! И какой ужасъ беретъ, какъ подумаешь, сколько теперь народу ходитъ въ одеждѣ, содранной съ убитыхъ, съ труповъ!

А въ красноармейцахъ главное — распушенность. Въ зубахъ папироска, глаза мутные, наглые, картузь на затылокъ, на лобъ падаетъ «шевелюръ». Одѣты въ какую-то сборную рвань. Иногда мундиръ 70-хъ годовъ, иногда, ни съ того ни съ сего, красныя рейтузы и при этомъ пѣхотная шинель и громадная старозавѣтная сабля.

Часовые сидятъ у входовъ реквизированныхъ домовъ въ креслахъ въ самыхъ изломанныхъ позахъ. Иногда сидитъ просто босякъ, на поясѣ браунингъ, съ одного боку виситъ нѣмецкій тесакъ, съ другого кинжалъ.

Чтобы топить водопроводъ, эти «строители новой жизни» распорядились ломать знаменитую одесскую эстокаду, тотъ многоверстный деревянный каналъ въ порту, по которому шла ссыпка хлѣба. И сами-же жалуются въ «Извѣстіяхъ»: «эстокаду растаскиваетъ кто попало!» Рубятъ, обрубаютъ на топку и деревья — уже на многихъ улицахъ торчатъ въ два ряда голые стволы. Красноармейцы, чтобы ставить самовары, отламываютъ отъ винтовокъ и колютъ на щепки приклады.

Возвратясь домой, пересмотрѣлъ давно валяющуюся у меня лубочную книжечку: «Библіотека трудового народа. Пѣсни народнаго гнѣва. Одесса, 1917 г.» Да, это и тутъ есть:

Кровью народной залитые троны
Мы кровью нашихъ враговъ обагримъ,
Мечь беспощадная всѣмъ супостатамъ,
Смерть паразитамъ трудящихся массъ!

Есть «Рабочая Марсельеза», «Варшавянка», «Ин-

тернаціональ», «Народовольческій гимнъ», «Красное знамя». . . И все злобно, кроваво до нельзя, лживо до тошноты, плоско, убого до невѣроятія:

— Мы пошлемъ всѣмъ злодѣямъ проклятье,
На борьбу всѣхъ борцовъ позовемъ. . .

— Вихри враждебные вѣютъ надъ нами. . .

Но мы поднимаемъ гордо и смѣло
Знамя борьбы за рабочее дѣло. . .

— Мы въ плуги мечъ перекуемъ
И новой жизнью заживемъ. . .

Боже мой, что это вообще было! Какое страшное противоестественное дѣло дѣлалось надъ цѣлыми поколѣніями мальчиковъ и дѣвочекъ, долбившихъ Ивнюкова и Маркса, возившихся съ тайными типографіями, со сборами на «красный крестъ» и съ «литературой», безстыдно притворявшихся, что они умираютъ отъ любви къ Пахомамъ и къ Сидорамъ, и поминутно разжигавшихъ въ себѣ ненависть къ помѣщику, къ фабриканту, къ обывателю, ко всѣмъ этимъ «кровопійцамъ, паукамъ, угнетателямъ, деспотамъ, сатрапамъ, мѣщанамъ, обскурантамъ, рыцарямъ тьмы и насилія»!

Да, повальное сумасшествіе. Что въ головѣ у народа? На дняхъ шель по Елизаветинской. Сидятъ часовые возлѣ подъѣзда реквизируваннаго дома, играютъ затворами винтовокъ и одинъ говоритъ другому:

— А Петербургъ весь подъ стекляннымъ потолкомъ будетъ. . . Такъ что ни снѣгъ ни дождь, ни что. . .

Недавно встрѣтилъ на улицѣ проф. Щепкина, «комиссара народнаго просвѣщенія». Двигается медленно, съ идиотической тупостью глядя впередъ. На плечахъ насквозь пропыленная тальма съ громаднымъ салнымъ пятномъ на спинѣ. Шляпа тоже такая, что смотрѣть тошно. Грязнѣйшій бумажный воротничекъ, подпирающій сзади цѣлый вулканъ, гнойный фурункулъ, и толстый старый галстухъ, выкрашенный красной масляной краской.

Разсказываютъ, что Фельдманъ говорилъ рѣчь какому-то крестьянскимъ «депутатамъ»:

— Товарищи, скоро во всемъ свѣтѣ будетъ власть совѣтовъ!

И вдругъ голосъ изъ толпы этихъ депутатовъ:

— Сего не буде!

Фельдманъ яростно:

— Это почему?

— Жидивъ не хватаете!

Ничего, не безпокойтесь: хватить Щепкиныхъ.

26 Апрѣля.

Проснулся въ шесть, отъ сердцебіенія.

Идя за газетами, слышалъ проклятiя какой-то бабы: въ корзинѣ у нея небольшая рыба — 80 рублей!

Въ газетахъ изъ Москвы: погрузка дровъ на всѣхъ ж.-д. упала на 50 процентовъ. . . Наркомпросъ рѣшилъ

реставрировать памятники искусства. . . Индія охвачена большевизмом. . .

«Извѣстія» завели почтовый ящикъ:

— Гражданину Губерману. Такъ война съ колчаковской и деникинской сволочью, по вашему, братоубійственная?

— Товарищу А. Хвалы Россіи, хотя бы и советской, не имѣютъ ничего общаго съ марксистскимъ подходомъ къ вопросу.

— Гражданкѣ Гликманъ. Вы все еще не уяснили себѣ, что тотъ строй, при которомъ за деньги можно имѣть все, но безъ денегъ погибать съ голоду, навсегда отжилъ свой вѣкъ?

Ходили на Николаевскій бульваръ. Весенняя бѣлая облака, огромная и ясная картина — пустой рейдъ, прелестныя краски дальнихъ береговъ, крѣпкая синяя зыбь моря. . . Встрѣтили Осиповича и Юшкевича. Опять все то же: дѣлаютъ безразличное лицо и быстро, вполголоса: «Тирасполь взять нѣмцами и румынами, — теперь это уже фактъ. Взять и Петербургъ. . .»

Въ три часа вошла съ испуганнымъ лицомъ Аня:

— Правда, что нѣмцы входятъ въ Одессу? Весь народъ говоритъ, будто всю Одессу окружили. Они сами завели большевиковъ, теперь имъ приказали ихъ уничтожить и за это на 15 лѣтъ отдають имъ насъ. Вотъ бы хорошо!

Что такое? Вѣроятно, дикій вздоръ, но все таки взволновался до дрожи и холода рукъ. Чтобы успокоиться, сталъ читать рукопись Овсяннико-Куликовскаго, его воспоминанія о Драгомановѣ, Зиберѣ, П. Лавровѣ. Все дивныя люди, какъ всегда у Куликовскаго.

Пишетъ: «Творецъ изъ лучшаго эфира создалъ живыя души ихъ. . .» О Господи! И это на старости лѣтъ!

Потомъ читалъ Ренана. «L'homme fut des milliers d'années un fou, après avoir été des milliers d'années un animal.»

27 Апрѣля.

«Извѣстія»: «Контръ-революціонеры сидятъ и думаютъ великую думу, какъ бы запутать пролетаріевъ коммунистовъ. . . узкіе лбы ихъ покрылись морщинами, рты раскрылись, изъ-подъ толстыхъ отвислыхъ губъ этихъ Оедуль Оедулычей желтѣютъ зубы. . . Комики, ей Богу, или просто жулье кабацкое, шантажное. . .»

Въ «Голосѣ Красноармейца» жирно:

«Тов. Подвойскій отдалъ приказъ о наступленіи на Румынію. . . Румынскіе разбойники съ своимъ кровавымъ королемъ схватили за горло молодую совѣтскую республику Венгріи, чтобы потушить революцію, охватившую всю Европу.»

Резолюція изъ Вознесенска:

«Мы, красноармейцы-вознесенцы, борясь за освобожденіе всего міра, протестуемъ противъ наглаго антисемитизма!»

Въ Кіевѣ «приступлено къ уничтоженію памятника Александра Второго.» Знакомое занятіе. Вѣдь еще съ марта 17 года начали сдирать орлы, гербы. . .

Опять слухъ, что Петербургъ взятъ, Будапештъ тоже. Для слуховъ выработались уже трафаретныя приемы: «Пріѣхалъ одинъ знакомый моего знакомаго. . .»

Огромная новость. Пришли взволнованные Радецкий и Кайранский.

— На Одессу идет Григорьев!

— Какой Григорьев?

— Тот самый, что прогнал союзников из Одессы. Теперь соединился с Махно и бьет большевиков. А на Киев идет Зеленый. «Бей жидов и коммунистов, за веру и отечество!» Я сам, так сказать, жид, но пусть хоть сам дьявол придет. Мне вчера С. говорит, что он демократ, что он против всяких интервенций, вмешательства. А я ему: а что бы вы сказали против них, если бы шел всероссийский еврейский погром?

28 Апрель.

Так и есть!

«Во избежание циркулирующих в городе слухов, штаб третьей украинской советской армии объявляет, что атаман Григорьев, собрав кучку приверженцев, провозгласил себя гетманом и объявил войну советскому правительству...»

Затем приказ Авсенько-Антонова:

«Блогвардейская сволочь стремится разстроить красную силу, натравить ее на мирное население... Подлый предатель родины, подлый слуга врагов наших Каин должен быть уничтожен, как бешеная собака... раздавлен и вбит, как черви, в землю, которую он опоганил...»

Затем воззвание членов военно-революционного совета:

«Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ! Дѣти трудового народа социалистической Украины! Авантюристъ, пьяница, при-

служникъ своры стараго режима, поповъ и помѣщиковъ, маменькиныхъ сынковъ, Григорьевъ, открылъ свою настоящую личину, окружилъ себя стаей черныхъ вороновъ съ засаленными рожами. . . Проповѣдуетъ о томъ, якобы большевики желаютъ запретъ въ комму-ну. . . межъ тѣмъ какъ коммунисты никого не заставля-ютъ вступать, а только разъясняютъ, какъ всякій то-же знаетъ, что не дѣло большевиковъ распинать Хри-ста, который училъ тому же и, будучи Спаситель, воз-сталъ противъ богачей. . . Такая нелѣпая провокація, сочиненная въ пьяномъ видѣ, конечно, не могла подѣй-ствовать. . . Ура, долой авантюриста, который вздумалъ выкупаться въ крови проголодавшихся рабочихъ. . . Мы должны изловить сутенеровъ и предателей и пре-дать ихъ въ руки рабочихъ и крестьянъ. . .» Подписано такъ: «Товарищи Дятко, Голубенко, Щаденко». — Это въ родѣ того, какъ если бы я подписался: госпо-динъ Бунинъ.

Вообще утро большого волненія. Былъ Юшкевичъ. Очень боится еврейскаго погрома. Юдофобство въ го-родѣ лютое.

Да, еще, — «изъ мѣстной жизни»: «Вчера по поста-новленію военно-революціоннаго трибунала разстрѣля-но 18 контръ-революціонеровъ».

Паника и отчаянныя звѣрства. «Вся буржуазія бе-рется на учетъ». Какъ это понимать?

Выходилъ на закатъ, встрѣтилъ Розенталя, гово-рить, на Соборной площади кто-то бросилъ бомбу.

Прошелъ съ нимъ, зашелъ къ Л. Тамъ изъ оконъ весенній розовый западъ среди блѣдно-синихъ тучъ. Потомъ, уже въ сумеркахъ, на Дерибасовской. На одной сторонѣ очень много народа, на другой пусто, злые крики солдатъ: «Товарищи, на другую сторону!» Бѣшено промчалось нѣсколько автомобилей, тревожный рожокъ кареты скорой помощи, пронеслись два верховыхъ, за ними съ лаемъ собака. . . Дальше совсѣмъ не пускаютъ.

Ома сообщилъ, что послѣзавтра будетъ «чистое свѣтопредставленіе»: «День мирнаго возстанія», грабежъ всѣхъ буржуевъ поголовно.

30 Апрѣля.

Ужасное утро! Пошелъ къ Д., онъ въ двухъ штанахъ, въ двухъ рубашкахъ, говоритъ, что «день мирнаго возстанія» уже начался, грабежъ уже идетъ; боится, что отнимутъ вторую пару штановъ.

Вышли вмѣстѣ. По Дерибасовской несется отрядъ всадниковъ, среди нихъ автомобиль, съ воємъ, переходящимъ въ самую высокую ногу. Встрѣтили Овсянико-Куликовскаго. Говоритъ: «Душу раздирающіе слухи, всю ночь шли разстрѣлы, сейчасъ грабятъ».

Три часа. Опять ходилъ въ городъ: «день мирнаго возстанія» внезапно отмѣненъ. Будто бы рабочіе возстали. Начали было грабить и ихъ, а у нихъ у самихъ куча награбленнаго. Встрѣчали выстрѣлами, кипяткомъ, каменьями.

Ужасная гроза, градъ, ливень, отстаивался подъ воротами. Съ ревомъ неслись грузовики, полные товарищей съ винтовками. Подъ ворота вошли два солдата. Одинъ большой, гнутый, картузь на затылокъ, лопатетъ колбасу, отрывая куски прямо зубами, а лѣвой рукой похлопываетъ себя ниже живота:

— Вотъ она, моя коммуна-то! Я такъ прямо и сказалъ ему: не кричите, ваше іерусалимское благородіе, она у меня подъ пузомъ висить. . .

1 Мая.

Очень встревожены, и не только въ Одессѣ, но и въ Кіевѣ и въ самой Москвѣ. Дошло дѣло даже до воззванія «Чрезвычайнаго уполномоченнаго совѣта обороны Л. Каменева: Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ! Еще одно усиліе и рабоче-крестьянская власть завоюетъ міръ. Въ этотъ моментъ предатель Григорьевъ хочетъ всадить рабоче-крестьянской власти ножъ въ спину. . .»

Приходилъ «комиссаръ» дома провѣрять, сколько мнѣ лѣтъ, всѣхъ буржуевъ хотятъ гнать въ «тыловое ополченіе».

Весь день холодный дождь. Вечеромъ зашелъ къ С. Юшкевичу: устраивается при какомъ-то «военномъ отдѣлѣ» театръ для товарищей, и онъ, боясь входить единолично въ совѣтъ этого театра, втягиваетъ въ него и меня. Сумасшедшій! Возвращался подъ дождемъ, по темному и мрачному городу. Кое-гдѣ дѣвки, мальчишки красноармейцы, хохотъ, щелканье орѣховъ. . .

2 Мая.

Еврейскій погромъ на Большомъ Фонтанѣ, учиненный одесскими красноармейцами.

Были Овсяннико-Куликовскій и писатель Киппенъ. Разсказывали подробности. На Б. Фонтанѣ убито 14 комиссаровъ и человекъ 30 простыхъ евреевъ. Разгромлено много лавочекъ. Врывались ночью, стаскивали съ кроватей и убивали кого попало. Люди бѣжали въ степь, бросались въ море, а за ними гонялись и стрѣляли, — шла настоящая охота. Киппенъ спасся случайно, — ночевалъ, по счастью, не дома, а въ санаторіи «Бѣлый цвѣтокъ». На разсвѣтъ туда нагрянулъ отрядъ красноармейцевъ. — «Есть тутъ жида?» — спрашиваютъ у сторожа. — «Нѣтъ, нѣту». — «Побожись!» — Сторожъ побожился, и красноармейцы поѣхали дальше.

Убитъ Моисей Гутманъ, биндюжникъ, прошлой осенью перевозившій насъ съ дачи, очень милый человекъ.

Былъ возлѣ Думы. Очень холодно, сѣро, пустое море, мертвый портъ, далеко на рейдѣ французскій миноносецъ, очень маленькій на видъ, какой-то жалкій въ своемъ одиночествѣ, въ своей нелѣпости, — чортъ знаетъ, зачѣмъ французы шатаются сюда, чего выжидаютъ, что затѣваютъ? Возлѣ пушки кучка народа, одни возмущались «днемъ мирнаго возстанія», другіе горячо. нагло поучали и распекали ихъ.

Шель и думаль, вѣрнѣе, чувствовалъ: если бы теперь и удалось вырваться куда-нибудь, въ Италію, на примѣръ, во Францію, вездѣ было бы противно, — опротивѣлъ человекъ! Жизнь заставила такъ остро почувствовать, такъ остро и внимательно разглядѣть его,

его душу, его мерзкое тѣло. Что́ наши прежніе глаза, — какъ мало они видѣли, даже мои!

Сейчасъ на дворѣ ночь, темъ, льетъ дождь, нигдѣ ни души. Вся Херсонщина въ осадномъ положеніи, выходитъ, какъ стемнѣетъ, не смѣемъ. Пишу, сидя какъ будто въ какомъ-то сказочномъ подземельи: вся комната дрожитъ сумракомъ и вонючей копотью ночника. А на столѣ новое воззваніе: «Товарищи, образумтесь! Мы несемъ вамъ истинный свѣтъ социализма! Покиньте пьяныя банды, окончательно побѣдите паразитовъ! Бросьте душителя народныхъ массъ, бывшего акцизнаго чиновника Григорьева! Онъ страдаетъ запоемъ и имѣетъ домъ въ Елизаветградѣ!»

3 Мая.

Борешься съ этимъ, стараешься выйти изъ этого напряженія, нетерпѣливаго ожиданія хоть какой-нибудь развязки — и никакъ не можешь. Особенно ужасна жажда, чтобы какъ можно скорѣе летѣли дни.

Резолюція полка имени какого-то Старостина:

«Заявляемъ, что всѣ какъ одинъ пойдѣмъ въ бой противъ новаго некоронованнаго палача Григорьева, который снова желаетъ, подобно пауку, сосать для пьянства и разгула всѣ наши силы!»

Арестованъ одесскій комитетъ «Русскаго народно-государственнаго союза» (16 человекъ, среди нихъ какой-то профессоръ) и вчера ночью весь разстрѣлянъ, «въ виду явной активной дѣятельности, угрожающей мирному спокойствію населенія».

О спокойствіи населенія, видите ли, заботятся!

Были у Варшавскихъ. Возвращались по темному городу; въ улицахъ, полныхъ сумракомъ, не такъ, какъ

днемъ или при свѣтѣ, а гораздо явственнѣе сыплется стукъ шаговъ.

4 Мая.

Погода улучшается. Дворъ подъ синимъ небомъ, съ праздничной весенней зеленью деревьевъ, съ ярко бѣлѣющей за ней стѣной дома, испещренной пятнами тѣни. Въѣхалъ во дворъ красноармеецъ, привязалъ къ дереву своего жеребца, черного, съ волнистымъ хвостомъ до земли, съ полосами блеска на крупѣ, на плечахъ — стало еще лучше. Евгеній играетъ въ столовой на пианино. Боже мой, какъ больно!

Были у В. А. Розенберга. Служить въ кооперативѣ, живетъ въ одной комнатѣ вмѣстѣ съ женой; пили жидкой чай съ мелкимъ сорнымъ изюмомъ, при жалкой лампочкѣ. . . Вотъ тебѣ и редакторъ, хозяинъ «Русскихъ Вѣдомостей»! Со страстью говорилъ «объ ужасахъ царской цензуры».

5 Мая.

Видѣлъ себя во снѣ въ морѣ, блѣдно-молочной, голубой ночью, видѣлъ блѣдно-розовые огни какого-то парохода и говорилъ себѣ, что надо запомнить, что они блѣдно-розовые. Къ чему теперь все это?

Аншлагъ «Голоса Красноармейца»:

«Смерть погромщикамъ! Враги народа хотятъ потопить революцію въ еврейской крови, хотятъ, чтобы господа жили въ писанныхъ хоромахъ, а мужики въ хлѣву, на гнойникахъ съ коровами, гнули свои спинушки для дармоѣдовъ-лежебоковъ. . .»

Во дворѣ у насъ женится милиционеръ. Вънчатся поѣхалъ въ каретѣ. Для пира привезли 40 бутылокъ

вина, а вино еще мѣсяца два тому назадъ стоило за бутылку рублей 25. Сколько же оно стоитъ теперь, когда оно запрещено и его можно доставать только тайкомъ?

Статья Подвойскаго въ кіевскихъ «Извѣстіяхъ»: «Если чернымъ шакаламъ, слетѣвшимъ въ Румыніи, удастся выполнить свои замыслы, то рѣшится судьба міровой революціи... Черная банда негодяевъ... Хищные когти румынскаго короля и помѣщиковъ...» Затѣмъ призывъ Раковскаго, гдѣ между прочимъ есть такое мѣсто: «Къ сожалѣнію, украинская деревня осталась такой-же, какой ее описывалъ Гоголь — невѣжественной, антисемитской, безграмотной... Среди комиссаровъ взяточничество, поборы, пьянство, нарушение на каждомъ шагу всѣхъ основъ права... Совѣтскіе работники выигрываютъ и проигрываютъ въ карты тысячи, пьянствомъ поддерживаютъ винокурение...»

А вотъ новое приозвѣденіе Горькаго, его рѣчь, сказанная имъ на дняхъ въ Москвѣ на съѣздѣ Третьяго Интернаціонала. Заглавіе: «День великой лжи». Содержаніе:

— Вчера былъ день великой лжи. Послѣдній день ея власти.

— Издревле, точно пауки, люди заботливо плели крѣпкую паутину осторожной мѣщанской жизни, все болѣе пропитывая ее ложью и жадностью. Незыблемой истиной считалась циничная ложь: человекъ долженъ питаться плотью и кровью ближняго.

— И вотъ вчера дошли по этому пути до безумія общеевропейской войны, кошмарное зарево ея сразу освѣтило всю безобразную наготу древней лжи.

— Силою взрыва терпѣнія народовъ изгнившая

жизнь разрушена и ее уже нельзя возстановить въ старыхъ формахъ.

— Слишкомъ свѣтелъ день сегодня и оттого такъ густы тѣни!

— Сегодня началась великая работа освобожденія людей изъ крѣпкой, желѣзной паутины прошлаго, работа страшная и трудная, какъ родовыя муки. . .

— Случилось такъ, что впереди народовъ идутъ на рѣшительный бой русскіе люди. Еще вчера весь міръ считалъ ихъ полудикарями, а сегодня они идутъ къ побѣдѣ или на смерть пламенно и мужественно, какъ старые, привычные бойцы.

— То, что творится сейчасъ на Руси, должно быть понято, какъ гигантская попытка претворить въ жизнь, въ дѣло великія идеи и слова, сказанныя учителями челоѣчества, мудрецами Европы.

— И если честные русскіе революціонеры, окруженные врагами, измученные голодомъ, будутъ побѣждены, то послѣдствія этого страшнаго несчастія тяжко лягутъ на плечи всѣхъ революціонеровъ Европы, всего ея рабочаго класса.

— Но честное сердце не колеблется, честная мысль чужда соблазну уступокъ, честная рука не устанетъ работать — русскій рабочій вѣритъ, что его братья въ Европѣ не дадутъ задушить Россію, не позволятъ воскреснуть всему, что издыхаетъ, исчезаетъ — и исчезнетъ!

А вотъ вырѣзка изъ горьковской «Новой Жизни» отъ 6 февраля прошлаго года:

«Передъ нами компанія авантюристовъ, которые, ради собственныхъ интересовъ, ради промедленія еще нѣсколькихъ недѣль агоніи своего гибнущаго самодер-

жавія, готовы на самое постыдное предательство интересовъ социализма, интересовъ російскаго пролетаріата, именемъ котораго они безчинствуютъ на вакантномъ тронѣ Романовыхъ!»

Только тѣмъ и живемъ, что тайкомъ собираемъ и передаемъ другъ другу вѣсти. Для насъ главный притонъ этой контръ-развѣдки на Херсонской улицѣ, у Щ. Туда приносятъ сообщенія, получаемыя Бупомъ (бюро украинской печати). Вчера въ Бупѣ будто-бы была шифрованная телеграмма: Петербургъ взятъ англичанами. Григорьевъ окружаетъ Одессу, издалѣ Универсаль, которымъ признаетъ совѣты, но такіе, чтобы «тѣ, что распяли Христа, давали не болѣе четырехъ процентовъ». Сообщение съ Кіевомъ будто-бы совершенно прервано, такъ какъ мужики, тысячами идущіе за лозунгами Григорьева, на десятки верстъ разрушаютъ желѣзную дорогу.

Плохо вѣрю въ ихъ «идейность». Вѣроятно, впоследствии это будетъ разсматриваться какъ «борьба народа съ большевиками» и ставиться на одинъ уровень съ добровольчествомъ. Ужасно. Конечно, коммунизмъ, социализмъ для мужиковъ, какъ для коровы сѣдло, приводитъ ихъ въ бѣшенство. А все-таки дѣло заключается больше всего въ «воровскомъ шатаніи», столь излюбленномъ Русью съ незапамятныхъ временъ, въ охотѣ къ разбойничьей, вольной жизни, которой снова охвачены теперь сотни тысячъ отбившихся, отвыкшихъ отъ дому, отъ работы и всячески развращенныхъ лю-

дей. Чуть не десять лѣтъ тому назадъ поставилъ я эпиграфомъ къ своимъ рассказамъ о народѣ, о его душѣ слова Ив. Аксакова: «Не прошла еще древняя Русь!» Правильно поставилъ. Ключевскій отмѣчаетъ чрезвычайную «повторяемость» русской исторіи. Къ великому несчастію, на эту «повторяемость» никто и ухомъ не вель. «Освободительное движеніе» творилось съ легкомысліемъ изумительнымъ, съ непремѣннымъ, обязательнымъ оптимизмомъ, коему отѣнки полагались разные: для «борцовъ» и реалистической народнической литературы одинъ, для прочихъ — другой, съ нѣкоей мистикой. И всѣ «надѣвали лавровые вѣнки на вшивыя головы», по выраженію Достоевскаго. И тысячу разъ правъ былъ Герценъ:

— «Мы глубоко распались съ существующимъ. . . Мы блажимъ, не хотимъ знать дѣйствительности, мы постоянно раздражаемъ себя мечтами. . . Мы терпимъ наказаніе людей, выходящихъ изъ современности страны. . . Бѣда наша въ расторженіи жизни теоретической и практической. . .»

Впрочемъ, многимъ было (и есть) просто невыгодно не распадаться съ существующимъ. И «молодежь» и «вшивыя головы» нужны были, какъ пушечное мясо. Кадили молодежи, благо она горяча, кадили мужику, благо онъ темень и «шатокъ». Развѣ многіе не знали, что революція есть только кровавая игра въ перемѣну мѣстами, всегда кончающаяся только тѣмъ, что народъ, даже если ему и удалось нѣкоторое время посидѣть, попировать и побушевать на господскомъ мѣстѣ, всегда въ концѣ концовъ попадаетъ изъ огня да въ полымя? Главарями наиболѣе умными и хитрыми вполне сознательно приготовлена была издѣвательская

вывѣска: «Свобода, братство, равенство, социализмъ, коммунизмъ!» И вывѣска эта еще долго будетъ висѣть — пока совсѣмъ крѣпко не усядутся они на шею народа. Конечно, тысячи мальчиковъ и дѣвочекъ кричали довольно простодушно:

За народъ, народъ, народъ,
За святой девизъ впередъ!

Конечно, большинство выводило басами довольно бессмысленно:

И утесъ великанъ
Все, что думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ...

«Вѣдь что жъ было? — говоритъ Достоевскій. — Была самая невинная, милая либеральная болтовня... Насъ плѣнялъ не социализмъ, а чувствительная сторона социализма...» Но вѣдь было и подполье, а въ этомъ подпольи кое-кто отлично зналъ, къ чему именно онъ направляетъ свои стопы, и нѣкоторыя, весьма для него удобныя, свойства русскаго народа. И Степану цѣну зналъ.

— «Среди духовной тьмы молодого, неуравновѣшеннаго народа, какъ всюду не довольнаго, особенно легко возникали смуты, колебаніе, шаткость... И вотъ они опять возникли въ огромномъ размѣрѣ... Духъ матеріальности, неосмысленной воли, грубаго своекорыстія повѣялъ гибелью на Русь... У добрыхъ отнялись руки, у злыхъ развязались на всякое зло... Толпы отверженниковъ, подонковъ общества потянулись

на опустошеніе своего же дома подъ знаменами разноплеменныхъ вожаковъ, самозванцевъ, лжецарей, атамановъ изъ вырожденцевъ, преступниковъ, честолюбцевъ. . .»

Это — изъ Соловьева, о Смутномъ времени. А вотъ изъ Костомарова, о Стенькѣ Разинѣ:

— «Народъ пошелъ за Стенькой обманываемый, разжигаемый, многого не понимая толкомъ. . . Были посулы, привады, а ужъ возлѣ нихъ всегда капканъ. . . Поднялись всѣ азіатцы, все язычество, зыряне, мордва, чуваша, черемисы, башкиры, которые бунтовались и рѣзались, сами не зная за что. . . Шли «прелестныя письма» Стеньки — «иду на бояръ, приказныхъ и всякую власть, учиню равенство. . .» Дозволенъ былъ полный грабежъ. . . Стенька, его присные, его воинство были пьяны отъ вина и крови. . . возненавидѣли законы, общество, религію, все, что стѣсняло личныя побужденія. . . дышали местию и завистью. . . составились изъ бѣглыхъ воровъ, лѣнтяевъ. . . Всея этой сволочи и черни Стенька обѣщаль во всемъ полную волю, а на дѣлѣ забралъ въ кабалу, въ полное рабство, малѣйшее ослушаніе наказываль смертью истязательной, всѣхъ величалъ братьями, а всѣ падали ницъ передъ нимъ. . .»

Не вѣрится, чтобы Ленины не знали и не учитывали всего этого!

«Красноармейская звѣзда»: «Величайшій изъ мошенниковъ и блюдолизовъ буржуазіи, Вильсонъ требуетъ наступленія на сѣверъ Россіи. Нашъ отвѣтъ:

Лапы прочь! Какъ одинъ человекъ, всѣ мы пойдёмъ доказать изумленному міру. . . Только лакеи душой останутся за бортомъ нашего якоря спасенія. . .»

Радостные слухи — Николаевъ взятъ, Григорьевъ близко. . .

8 Мая.

Въ «Одесскомъ Коммунизмѣ» цѣлая поэма о Григорьевѣ:

Ночь. Уставъ, панъ Гетманъ спитъ,
Спитъ и — видитъ «скверный» сонъ:
Передъ нимъ съ ружьемъ стоитъ
Пролетарій. Грозенъ онъ!
Жутко. . . Взглядъ его горитъ,
И, немного погодя,
Пролетарій говоритъ,
Въ ужасъ «пана» приводя:
— Знай, измѣнникъ и подлець,
Руки вздумавшій нагрѣть,
Желтый гетманскій вѣнецъ
Я не дамъ тебѣ надѣть!

Ходилъ бриться, стоялъ отъ дождя подъ навѣсомъ на Екатерининской. Рядомъ со мной стоялъ и ѣлъ рѣдкю одинъ изъ тѣхъ, что «крѣпко держитъ въ мозолистыхъ рукахъ красное знамя всемірной коммунистической революціи», мужикъ изъ подь Одессы, и жаловался, что хлѣбъ хороши, да сѣяли мало, боялись большевиковъ: придутъ, сволочь, и заберутъ! Это «придутъ, сволочь, и заберутъ» онъ повторилъ разъ двадцать. Въ концѣ Елизаветинской — человекъ сто сол-

дать, выстроенныхъ на панели, съ ружьями, съ пулеметами. Повернулъ на Херсонскую — тамъ, на углу Преображенской, то же самое... Въ городѣ слухи: «Произошелъ переворотъ!» Просто тошнитъ отъ этой безконечной брехни.

Послѣ обѣда гуляли. Одесса надоѣла невыразимо, тоска просто пожираетъ меня. И никакими силами и никуда не выскочишь отсюда! По горизонтамъ стояли мрачныя синія тучи. Изъ оконъ прекраснаго дома возлѣ чрезвычайки, противъ Екатерины, неслась какая-то дикая музыка, пляска, раздавался отчаянный крикъ пляшущаго, котораго точно рѣзали: а-а! — крикъ пьянаго дикаря. И всѣ дома вокругъ горятъ электричествомъ, всѣ заняты.

Вечеръ. И свѣту не смѣй зажигать и выходить не смѣй! Ахъ, какъ ужасны эти вечера!

Изъ «Одесскаго Коммуниста»:

«Очаковскій гарнизонъ, принявъ во вниманіе, что контръ-революція не спитъ, въ связи съ выступленіемъ зазнавшагося пьяницы Григорьева, подняла свою голову до полнаго обнаглѣнія, пускаетъ ядъ въ сердце крестьянина и рабочаго, натравливаетъ націю на націю, а именно: пьяница Григорьевъ провозгласилъ лозунгъ: «Бей жидовъ, спасай Украину», что несетъ страшный вредъ Красной Арміи и гибель соціальной Революціи! А посему мы постановили: послать проклятіе пьяницѣ Григорьеву и его друзьямъ націоналистамъ!»

И далѣе: «Обсудивъ вопросъ о заключенныхъ бѣлогвардейцахъ, требуемъ немедленнаго разстрѣла такихъ, ибо они продолжаютъ продѣлывать свои темныя дѣлишки, проливаютъ напрасно кровь, которой и такъ

много пролито, благодаря капиталистамъ и ихъ прихвостнямъ!»

Рядомъ съ этимъ стихи:

Коммунистъ рабочій
Знаеть сила въ чемъ:
Въ немъ любовь къ работѣ
Бьетъ живымъ ключемъ...
Онъ не знаетъ націй,
Хлещеть черныхъ сукъ.
Для организацій
Отдаетъ досугъ!

6 Мая.

Іоаннь, тамбовскій мужикъ Иванъ, затворникъ и святой, жившій такъ недавно, — въ прошломъ столѣтїи, — молясь на икону Святителя Дмитрія Ростовскаго, славнаго и великаго епископа, говорилъ ему:

— Митюшка, милый!

Быль же Іоаннь ростомъ высокъ и сутуловатъ, лицомъ смугль, со сквозной бородой, съ длинными и рѣдкими черными волосами. Сочинялъ простодушно-нѣжные стихи:

Гдѣ пришелъ еси, молитву сотвори,
Безъ нея дверей не отвори,
Аще не видишь въ дверяхъ ключа,
Воротись, другъ мой, скорѣй, не стуча...

Куда дѣвалось все это, что со всѣмъ этимъ случилось? «Святѣйшее изъ званій», званіе «человѣкъ», опозорено какъ никогда. Опозоренъ и русскій человѣкъ, — и

что бы это было бы, куда бы мы глаза дѣвали, если бы не оказалось «ледяныхъ походовъ»! Ужъ на что страшна старая русская лѣтопись: непрерывная крамола, ненасытное честолюбіе, люта «хотя» власти, обманныя цѣлованія креста, бѣгство въ Литву, въ Крымъ «для подъема поганыхъ на свой же собственный отчій домъ», рабскія посланія другъ къ другу («бью тебѣ челомъ до земли, вѣрный холопъ твой») съ единственной цѣлью одурачить, провести, злые и безстыдные укоры отъ брата къ брату. . . и все таки иныя, совсѣмъ не нынѣшнія слова:

— «Срамъ и позоръ тебѣ: хочешь оставить благословеніе отца своего, гробы родительскіе, святое отечество, правую вѣру въ Господа нашего Иисуса Христа!»

9 Мая.

Ночью тревожные сны съ какими-то поѣздами и морями и очень красивыми пейзажами, оставляющими, однако, впечатлѣніе болѣзненное и печальное, — и напряженное ожиданіе чего-то. Потомъ огромная говорящая лошадь. Она говорила что-то похожее на мои стихи о Святогорѣ и Ильѣ на какомъ-то древнемъ языкѣ, и все это стало такъ страшно, что я проснулся и долго мысленно твердилъ эти стихи:

На гривастыхъ коняхъ на косматыхъ,
На золотыхъ стременахъ, на разлатыхъ,
Бдутъ братья, меньшей и старшой,
Бдутъ сутки, и двое и трое,
Видятъ въ полѣ корыто простое,
Наѣзжаютъ — анъ гробъ да большой:

Гробъ глубокій, изъ дуба долбленный,
Съ черной крышей, тяжелой, томленной,
Вотъ и сдвинулъ ее Святогоръ,
Легъ, накрылся и шутить: «А впору!
Помоги-ка, Илья, Святогору
Снова выйти на Божій просторъ!»
Обнялъ крышу Илья, усмѣхнулся,
Во всю грузную печень надулся,
Двинулъ срыву... Да нѣтъ, погоди!
«Ты мечомъ!» — слышенъ голосъ изъ гроба, —
Онъ за мечъ, — загорается злоба,
Занимается сердце въ груди, —
Нѣтъ, и мечъ не беретъ! Съ виду рубить,
Да не дѣлаеть дѣла, а губить:
Гдѣ ударить — тамъ обручъ готовъ,
Нарастаетъ желѣзная скрѣпа:
Не подняться изъ гробнаго склепа
Святогору во вѣки вѣковъ!

Это писано мной въ 16 году.

Лѣзли мы въ наше гробное корыто весело, пошучи-
вая...

Въ газетахъ опять: «Смерть пьяницѣ Григорьеву!»
— и дальше гораздо серьезнѣе: «*Не время словамъ!*
Рѣчь теперь идетъ уже не о диктатурѣ пролетаріата,
не о строительствѣ социализма, но ужъ о самыхъ эле-
ментарныхъ завоеваніяхъ Октября... Крестьяне заяв-
ляютъ, что до послѣдней капли будутъ биться за мі-
ровую революцію, но съ другой стороны стало извѣст-

но объ ихъ нападеніяхъ на совѣтскіе поѣзда и объ убійствахъ топорами и вилами лучшихъ нашихъ товарищей. . .»

Напечатанъ новый списокъ разстрѣлянныхъ — «въ порядкѣ проведенія въ жизнь краснаго террора» — и затѣмъ статейка:

«Весело и радостно въ клубѣ имени товарища Троцкаго. Большой залъ бывшаго Гарнизоннаго Собранія, гдѣ раньше ютилась свора генераловъ, сейчасъ переполненъ красноармейцами. Особенно удаченъ былъ послѣдній концертъ. Сначала исполненъ былъ «Интернаціональ», затѣмъ товарищъ Кронкарди, вызывая интересъ и удовольствіе слушателей, подражалъ лаю собаки, визгу цыпленка, пѣнію соловья и другихъ животныхъ, вплоть до пресловутой свиньи. . .»

«Визгъ» цыпленка и «пѣніе соловья и прочихъ животныхъ» — которыя, оказывается, тоже всѣ «вплоть» до свиньи поютъ, — этого, думаю, самъ дьяволъ не сочинилъ бы. Почему только свинья «пресловутая и передъ подражаніемъ ей исполняютъ «Интернаціональ»?

Конечно, вполне «заборная литература». Но вѣдь этимъ «заборомъ», такимъ свинскимъ и интернациональнымъ, дѣлается чуть не вся Россія, чуть не вся русская жизнь, чуть не все русское слово, и возможно ли будетъ когда-нибудь изъ подъ этого забора обратиться? А потомъ — вѣдь эта заборная литература есть кровная родня чуть не всей «новой» русской литературѣ. Вѣдь уже давно стали печататься — и не гдѣ-нибудь, а въ «толстыхъ» журналахъ — такія, напри- мѣръ, вещи:

Ужъ всѣ цвѣты въ саду поспѣли. . .
Тотъ лень, изъ какого веревку сплели. . .
Иду и колосья пшена разбираю. . .
Вы объ этой женщинѣ не тужьте. . .
А въ этотъ часъ не хорошо вездѣ-ль?
Царевну не надо въ покои пустить. . .
Я бѣ описалъ, но хватитъ словъ ли?

Распадъ, разрушеніе слова, его сокровеннаго смысла, звука и вѣса идетъ въ литературѣ уже давно.

— Вы домой? — говорю какъ-то писателю Осиповичу прощаясь съ нимъ на улицѣ.

Онъ отвѣчаетъ:

— Отнюдь!

Какъ я ему растолкую, что такъ по русски не говорятъ? Не понимаетъ, не чуетъ:

— А какъ-же надо сказать? По вашему, отнюдь нѣтъ? Но какая разница?

Разницы онъ не понимаетъ. Ему, конечно, простиительно, онъ одесситъ. Простительно еще и потому, что въ концѣ концовъ онъ скромно сознается въ этомъ и общаетъ запомнить, что надо говорить «отнюдь нѣтъ». А какое невѣроятное количество теперь въ литературѣ самоувѣренныхъ наглецовъ, мнящихъ себя страшными знатоками слова! Сколько поклонниковъ стариннаго («ядренаго и сочнаго») народнаго языка, словечка въ простотѣ не говорящихъ, изнуряющихъ своей архирусскостью!

Послѣднее (послѣ всѣхъ интернаціональныхъ «исканій», то есть какихъ-то младо-турецкихъ подражаній всѣмъ западнымъ образцамъ) начинаетъ входить въ большую моду. Сколько стихотворцевъ и прозаиковъ

дѣлають тошнотворнымъ русскій языкъ, беря драгоценныя народныя сказанія, сказки, «слова золотыя» и безстыдно выдавая ихъ за свои, оскверняя ихъ пересказомъ на свой ладъ и своими прибавками, роясь въ областныхъ словаряхъ и составляя по нимъ какую-то похабнѣйшую въ своемъ архируссизмѣ смѣсь, на которой никто и никогда на Руси не говорилъ и которую даже читать невозможно! Какъ носились въ московскихъ и петербургскихъ салонахъ съ разными Ключевыми и Есениными, даже и одѣвавшимися подъ странниковъ и добрыхъ молодцевъ, распѣвавшихъ въ носъ о «свѣчечкахъ» и «рѣчечкахъ» или прикидывавшихся «разудалыми головушками»!

Языкъ ломается, болѣетъ и въ народѣ. Спрашиваю однажды мужика, чѣмъ онъ кормитъ свою собаку. Отвѣчаетъ:

— Какъ чѣмъ? Да ничѣмъ, ѣсть, что попало: она у меня собака съѣдобная.

Все это всегда бывало и народный организмъ все это преодолевалъ бы въ другое время. А вотъ преодолеть-ли теперь?

10 Мая.

«Колчакъ потерялъ Белебей и засѣкаетъ крестьянъ на смерть... Съ Колчакомъ ѣдетъ Михайль Романовъ... ѣдетъ на старой тройкѣ: самодержавіе, православіе, народность... несетъ еврейскіе погромы, водку... Колчакъ поступилъ на службу къ международнымъ хищникамъ... чтобы подъ хладнокровной, раскормленной рукой Ллойдъ-Джоржа билась въ судорогахъ истощенная страна... Колчакъ ждетъ, когда сумѣетъ пить кровь рабочихъ...»

Рядомъ брань и угрозы по адресу лѣвыхъ эсеровъ: «Эти писаки зарываются и порой пускаются въ пляску. . . мажутъ свою фізіономію, но на фізіономіи, какъ они не чистятся, все-же есть кулацкія веснушки. . .»

Помимо крестьянъ, «засѣкаемыхъ» Колчакомъ, страшно беспокоятся и о нѣмцахъ: «Гнусная комедія въ Версалѣ закончена, но даже шейдемановцы заявляютъ, что условія союзныхъ живодеровъ, буржуазныхъ акулъ, совершенно неприемлемы. . .»

Ходили на Гимназическую. Почти всю дорогу дождь, весенній, прелестный, съ чудеснымъ весеннимъ небомъ среди тучекъ. А я два раза былъ близокъ къ обмороку. Надо бросить эти записи. Записывая, еще больше растравляю себѣ сердце.

И опять слухи — теперь уже о десяти транспортахъ съ «цвѣточными» (то есть, говоря по русски, цвѣтными) войсками, будто-бы идущими выручать насъ.

О Подвойскомъ, отъ человѣка, близко знающаго его: «Тупой бурсакъ, свинные глазки, длинный носъ, маньякъ дисциплины. . .»

11 Мая.

Призывы въ чисто русскомъ духѣ:

— Впередъ, родные, не считайте *трупы!*

Изъ вѣстей о «разгромѣ» Григорьева можно убѣдиться только въ одномъ — что григорьевщиной охвачена почти вся Малороссія.

Вчера говорили, что въ Одессу пріѣхалъ «самъ» Троцкій. Но, оказывается, онъ въ Кіевѣ. «Прибытіе вождя окрылило всѣхъ рабочихъ и крестьянъ Украины. . . Вождь произнесъ длинную рѣчь отъ имени народныхъ милліоновъ въ дни, когда разбитъ позвоноч-

никъ буржуазной увѣренности, когда мы слышимъ въ ея голосъ трещину... Говорилъ къ народу съ балкона...»

Какъ разъ читаю Ленотра. Сень-Жюсть, Робеспьеръ, Кутонъ... Ленинъ, Троцкій, Дзержинскій... Кто подлѣе, кровожаднѣе, гаже? Конечно, все таки московскіе. Но и парижскіе были не плохи.

Кутонъ, говоритъ Ленотръ, Кутонъ диктаторъ, ближайшій сподвижникъ Робеспьера, ліонскій Атилла, законодатель и садистъ, палачъ, отправлявшій на эшафотъ тысячи ни въ чемъ неповинныхъ душъ, «страстный другъ Народа и Добродѣтели», былъ какъ извѣстно калѣка, колченогій. Но какъ, при какихъ обстоятельствахъ потерялъ онъ ноги? Оказывается, довольно постыдно. Онъ проводилъ ночь у своей любовницы, мужъ которой отсутствовалъ. Все шло прекрасно, какъ вдругъ стукъ, шаги возвращающагося мужа. Кутонъ вскочилъ съ постели, прыгнулъ въ окно во дворъ — и угодилъ въ выгребную яму. Просидѣвъ тамъ до разсвѣта, онъ навсегда лишился ногъ, — отнялись на всю жизнь.

Говорятъ, въ Николаевѣ идетъ еврейскій погромъ. Очевидно, далеко не всѣхъ крестьянъ Украины «окрылило прибытіе вождя».

Однако, тонъ газетъ сталъ крѣпче, наглѣе. Давно ли писали, что «не дѣло большевиковъ распинать Христа, который, будучи Спаситель, возсталъ на богачей»? Теперь уже инья пѣсни. Вотъ нѣсколько строкъ изъ «Одесскаго Коммуниста»:

«Слюни такого знаменитаго волшебника, какъ Исусъ Христосъ, должны имѣть и соотвѣтственную волшебную силу. Многіе, однако, не признавая чудесъ Христа, тѣмъ не менѣе продолжаютъ миндальничать по поводу нравственнаго смысла его ученія, доказывая, что «истины» Христа ни съ чѣмъ не сравнимы по ихъ нравственной цѣнности. Но, въ сущности говоря, и это совершенно невѣрно и объясняется только незнаніемъ исторіи и недостаточной глубиной развитія.»

12 Мая.

Опять флаги, шествія, опять праздникъ, — «день солидарности пролетаріата съ красной арміей». Много пьяныхъ солдатъ. матросовъ, босяковъ...

Мимо насъ несутъ покойника (не большевика). «Блаженни, иже избралъ и пріялъ еси, Господи...» Истинно такъ. Блаженны мертвые.

Говорятъ, Троцкій таки пріѣхалъ. «Встрѣчали, какъ царя».

14 Мая.

«Колчакъ съ Михаиломъ Романовымъ несетъ водку и погромы...» А вотъ въ Николаевѣ Колчака нѣтъ, въ Елизаветградѣ тоже, а межъ тѣмъ:

«Въ Николаевѣ звѣрскій еврейскій погромъ. . . Елизаветградъ отъ темныхъ массъ пострадалъ страшно. Убытки исчисляются милліонами. Магазины, частныя квартиры, лавченки и даже буфетки снесены до основанія. Разгромлены совѣтскіе склады. Много долгихъ лѣтъ понадобится Елизаветграду, чтобы оправиться!»

И дальше:

«Предводитель солдатъ, возставшихъ въ Одессѣ и ушедшихъ изъ нея, громитъ Ананьевъ, — убитыхъ свыше ста, магазины разграблены. . .»

«Въ Жмеринкѣ идетъ еврейскій погромъ, какъ и былъ погромъ въ Знаменкѣ. . .»

Это называется, по Блокамъ, «народъ объять музыкой революціи — слушайте, слушайте музыку революціи!»

Ночь на 15 мая.

Пересматривалъ свой «портфель», изорвалъ порядочно стиховъ, нѣсколько начатыхъ рассказовъ и теперь жалѣю. Все отъ горя, безнадежности (хотя и раньше случалось со мной это не разъ). Пряталъ разныя замѣтки о 17 и 18 годахъ.

Ахъ, эти ночныя воровскія прятанія и перепрятыванія бумагъ, денегъ! Милліоны русскихъ людей прошли черезъ это разстлѣніе, униженіе за эти годы. И сколько потомъ будутъ находить кладовъ! И все наше время станетъ сказкою, легендой. . .

Лѣто 17 года. Сумерки, на улицѣ возлѣ избы кучка мужиковъ. Рѣчь идетъ о «бабушкѣ русской революціи» Хозяинъ избы размѣренно рассказываетъ: «Я про эту бабку давно слышу. Прозорливица, это правильно. За пятьдесятъ лѣтъ, говорятъ, всѣ эти дѣла предсказала. Ну, только избавь Богъ, до чего страшна: толстая, сердитая, глазки маленькіе, пронзительныя, — я ея портретъ въ фельетонѣ видѣлъ. Сорокъ два года въ острогѣ на чѣпи держали, а уморить не могли, ни днемъ ни ночью не отходили, а не устерегли: въ острогѣ, и то ухитрилась миллионъ нажить! Теперь народъ подъ свою власть скупаешь, землю сулитъ, на войну обѣщаетъ не брать. А мнѣ какая корысть подъ нее идти? Земля эта мнѣ безъ надобности, я ее лучше въ аренду сниму, потому что навозить мнѣ ее все равно нечѣмъ, а въ солдаты меня и такъ не возьмутъ, года вышли. . .»

Кто-то, бѣлѣющій въ сумракѣ рубашкой, «краса и гордость русской революціи», какъ оказывается потомъ, дерзко вмѣшивается:

— У насъ такого провокатора въ пять минутъ арестовали бы и разстрѣляли!

Мужикъ возражаетъ спокойно и твердо:

— А ты, хоть и матросъ, а дуракъ. Я тебѣ въ отцы пожусь, ты возлѣ моей избы безъ портокъ бѣгалъ. Какой же ты комиссаръ, когда отъ тебя дѣвкамъ проходу нѣту, среди бѣлаго дня подъ подоль лѣзешь? Погоди, погоди, братъ, — вотъ протрешь казенныя портки, пропьешь наворованныя деньжонки, опять въ пастухи согласишься! Опять братъ, будешь мою свинью арестовывать. Это тебѣ не надъ господами измываться. Я-то тебя съ твоимъ Жучковымъ не боюсь!

(Жучковъ — это Гучковъ).

Сергѣй Климовъ ни къ селу, ни къ городу, прибавляетъ:

— Да его, Петроградъ-то, и такъ давно надо отдать. Тамъ только одно разнообразіе. . .

Дѣвки визжатъ на выгонѣ:

Люби бѣлыхъ, кудреватыхъ,
При серебряныхъ часахъ. . .

Изъ подъ горы идетъ толпа ребятъ съ гармоніями и балалайкой:

Мы ребята, ежики,
Въ голенищахъ ножики,
Любимъ выпить, закусить,
Въ пьяномъ видѣ пофорсить. . .

Думаю: «Нѣтъ, большевики-то поумнѣе будутъ господь Временнаго Правительства! Они не даромъ все наглѣютъ и наглѣютъ. Они знаютъ свою публику.»

На деревнѣ возлѣ избы сидитъ солдатъ дезертиръ, куритъ и напѣваетъ:

— Ночь темна, какъ двѣ минуты. . .

Что за чушь? Что это значитъ — какъ двѣ минуты?

— А какъ же? Я вѣрно пою: какъ двѣ минуты. Здѣсь дѣлается удареніе.

Сосѣдъ говоритъ:

— Охъ, братъ, вотъ придетъ нѣмецъ, сдѣлаетъ онъ намъ удареніе!

— А мнѣ одинъ чортъ — подъ нѣмца, такъ подъ нѣмца!

Въ саду возлѣ шалаша цѣлое собраніе. Караульщикъ, мужикъ бывалый и изысканно краснорѣчивый, передаетъ слухъ, будто гдѣ-то возлѣ Волги упала изъ облаковъ кобыла въ двадцать верстъ длиною. Обращаясь ко мнѣ:

— Виріятно, эрунда, баринъ?

Его пріятель съ упоеніемъ рассказываетъ свое «революціонное» прошлое. Онъ въ 1906 году сидѣлъ въ острогѣ за кражу со взломомъ — и это его лучшее воспоминаніе, онъ объ этомъ рассказываетъ постоянно, потому что въ острогѣ было:

— Веселѣй всякой свадьбы и харчи отличные!

Онъ рассказываетъ:

— Въ тюръмѣ обнаковенно на верхнемъ этажу сидятъ политики, а во второмъ — помощники этимъ политикамъ. Они никого не боятся, эти политики, обкладываютъ матюкомъ самого губернатора, а вечеромъ пѣсни поютъ, мы жертвою пали. . .

— Одного изъ политиковъ царь приказалъ повѣсить и выписалъ изъ Синода самого грознаго палача, но потомъ ему пришло помилованіе и къ политикамъ пріѣхалъ главный губернаторъ, третья лицо при царскомъ дворцѣ, только что сдавшій экзамень на губернато-

ра. Приѣхалъ — и давай гулять съ политиками: налопался, послалъ урядника за граммофономъ — и пошелъ у нихъ ходъ: губернаторъ такъ напился, нажрался — нога за ногу не вяжетъ, такъ и снесли стражники въ возокъ. . . Обѣщалъ прислать всѣмъ по 20 коп. денегъ, по полфунта табаку турецкаго, по два фунта ситнаго хлѣба, да, конечно, сбрежалъ. . .

15 Мая.

Хожу, прислушиваюсь на улицахъ, въ подворотняхъ, на базарѣ. Всѣ дышутъ тяжелой злобой къ «коммуни» и къ евреямъ. А самые злые юдофобы среди рабочихъ въ Ропитѣ. Но какіе подлецы! Имъ поминутно затыкаютъ глотку какойнибудь подачкой, поблажкой. И три четверти народа такъ: за подачки, за разрѣшеніе на разбой, грабежъ отдаетъ совѣсть, душу, Бога. . .

Шель черезъ базаръ — вонь, грязь, нищета, хохлы и хохлушки чуть не десятаго столѣтія, худые волы, допотопныя телѣги — и среди всего этого афиши, призывы на бой за третій интернаціональ. Конечно, чепухи всего этого не можетъ не понимать самый паршивый, самый тупой изъ большевиковъ. Сами порой, небось, покатываются отъ хохота.

Изъ «Одесскаго Коммуниста»:

Зарѣжемъ штыками мы алчную гидру,
Тогда заживемъ веселѣй!
Если не такъ, то всплывутъ они скоро,
Оживутъ во мгновеніе ока,
Какъ паразитъ, начнетъ эта свора
Жить на счетъ нашего сока. . .

Грабятъ аптеки: всѣ закрыты, «націонализованы и учитываются». Не дай Богъ захворать!

И среди всего этого, какъ въ сумасшедшемъ домѣ, лежу и перечитываю «Пиръ Платона», поглядывая иногда вокругъ себя недоумѣвающими и, конечно, тоже сумасшедшими глазами. . .

Вспомнилъ почему-то князя Крапоткина (знаменитаго анархиста). Былъ у него въ Москвѣ. Совершенно очаровательный старичекъ высшаго свѣта — и вполнѣ младенецъ, даже жутко.

Костюшко называли «защитникомъ всѣхъ свободъ». Это замѣчательно. Специалистъ, профессиональ. Страшный типъ.

16 Мая.

Большевистскія дѣла на Дону и за Волгой, сколько можно понять, плохи. Помогите намъ, Господи!

Прочиталъ біографію поэта Полежаева и очень взволновался — и больно, и грустно, и сладко (не по поводу Полежаева, конечно). Да, я послѣдній, чувствующій это прошлое, время нашихъ отцовъ и дѣдовъ. . .

Прошелъ дождикъ. Высоко въ небѣ облако, проглядываетъ солнце, птицы сладко щебечутъ во дворѣ на яркихъ желто-зеленыхъ акаціяхъ. Обрывки мыслей, воспоминаній о томъ, что, вѣрно, уже во вѣки не вернется. . . Вспомнилъ лѣсокъ Поганое, — глушь, березнякъ, трава и цвѣты по поясъ, — и какъ бѣжалъ однажды надъ нимъ вотъ такой-же дождикъ, и я дышалъ этой березовой и полевой, хлѣбной сладостью и всей, всей прелестью Россіи. . .

Николая Филипповича выгнали изъ его имѣнія (подъ Одессой). Недавно стали его гнать и съ его одесской квартиры. Пошелъ въ церковь, горячо молился, — былъ день его Ангела, — потомъ къ большевикамъ, на счетъ квартиры — и тамъ внезапно умеръ. Разрѣшили похоронить въ имѣніи. Все таки легъ на вѣчный покой въ своемъ родномъ саду, среди всѣхъ своихъ близкихъ. Пройдетъ сто лѣтъ — и почувствуетъ ли хоть кто-нибудь тогда возлѣ этой могилы его время? Нѣтъ, никто и никогда. И мое тоже. Да мнѣ-то и не лежать со своими. . .

«Поповъ искалъ въ университетскомъ архивѣ дѣло о Полежаевѣ. . .» Какое было дѣло какому-то Попову до Полежаева? Все изъ жажды очернить Николая I.

Усмиреніе мюридовъ, Кази-Муллы. Дѣдъ Кази былъ бѣглый русскій солдатъ. Самъ Кази былъ средняго роста, по лицу рябинки, бородка рѣдкая, глаза свѣтлые, пронзительные. Умертвилъ своего отца, вливъ ему въ горло кипящаго масла. Торговалъ водкой, потомъ объявилъ себя пророкомъ, поднялъ священную войну. . . Сколько бунтарей, вождей вотъ именно изъ такихъ!

17 Мая.

Бѣлыми, будто бы, взяли Псковъ, Полоцкъ, Двинскъ, Витебскъ. . . Деникинъ будто бы взялъ Изюмъ, гонитъ большевиковъ нещадно. . . Что если правда?

Дезертирство у большевиковъ ужасное. Въ Москвѣ пришлось даже завести «центрокомдезертиръ».

21 Мая.

Въ Одессу прибылъ Іоффе, — «чтобы заявить Антантѣ, что мы будемъ апеллировать къ пролетариату всѣхъ странъ... чтобы пригвоздить Антанту къ позорному столбу...»

Насчетъ чего апеллировать?

Слышалъ объ Іоффе:

— Это большой баринъ, большой любитель комфорта, винъ, сигаръ, женщинъ. Богатый человекъ, — паровая мельница въ Симферополѣ и автомобили Іоффе-Рабиновичъ. Очень честолюбивый, — черезъ каждые пять минутъ: «когда я былъ посломъ въ Берлинъ...» Красавецъ, типичный знаменитый женскій врачъ...

Разсказчикъ втайнѣ восхищался.

23 Мая.

Въ «Одесскомъ Набатѣ» просьба къ знающимъ — сообщить объ участи пропавшихъ товарищей: Вали Злого, Миши Мрачнаго, Фурманчика и Муравчика... Потомъ некрологъ какого-то Яшеньки:

— «И ты погибъ, умеръ, прекрасный Яшенька... какъ пышный цвѣтокъ, только что пустившій свои лепестки... какъ зимній лучъ солнца... возмущавшійся малѣйшей несправедливостью, возставшій противъ угнетенія, насилія, сталъ жертвой дикой орды, разрушающей все, что есть цѣннаго въ человѣчествѣ... Спи спокойно, Яшенька, мы отомстимъ за тебя!».

Какой орды? За что и кому мстить? Тамъ же сказано, что Яшенька — жертва «всемірнаго бича, венеризма».

На Дерибасовской новыя картинки на стѣнахъ: матросъ и красноармеецъ, казакъ и мужикъ крутятъ веревками отвратительную зеленую жабу съ выпученными буркалами — буржуя; подпись: «ты давилъ насъ толстой пузой»; огромный мужикъ взмахнулъ дубиной, а надъ нимъ взвила окровавленная, зубастая голова гидра; головы всѣ въ коронахъ; больше всѣхъ страшная, мертвая, скорбная, покорная, съ синеватымъ лицомъ, въ сбитой на бокъ коронѣ голова Николая II; изъ подъ короны течетъ полосами по щекамъ кровь. . . А коллегія при «Агитпросвѣтъ», — тамъ служить уже много знакомыхъ, говорящихъ, что она призвана облагородить искусства, — засѣдаетъ, конструируется, кооптируетъ новыхъ членовъ, — Осиповича, профессора Варнеке, — беретъ пайки хлѣбомъ съ плѣсенью, тухлыми селедками, гнилыми картошками...

24 Мая.

Выходилъ, дождя нѣтъ, тепло, но безъ солнца, мягкая и пышная зелень деревьевъ, радостная, праздничная. На столбахъ огромныя афиши:

«Въ залѣ Пролеткульта грандіозный абитуръ-балъ. Послѣ спектакля призы: за маленькую ножку, за самые красивые глаза. Кіоски въ стилѣ модернъ въ пользу безработныхъ спекулянтовъ, губки и ножки цѣловать въ закрытомъ кіоскѣ, красный кабачекъ, шалости электричества, котильонъ, серпантинъ, два оркестра военной музыки, усиленная охрана, свѣтъ обезпеченъ, разъѣздъ въ шесть часовъ утра по старому времени. Хозяйка вечера — супруга командующаго третьей совѣтской арміей, Клавдія Яковлевна Худякова».

Списалъ слово въ слово. Воображаю эти «маленькія ножки» и что будутъ продѣлывать «товарищи», когда будетъ «шалить», то есть гаснуть электричество.

Разбираю и частью рву бумаги, вырѣзки изъ старыхъ газетъ. Очень милые стишки по моему адресу въ «Южномъ Рабочемъ» (меньшевистская газета, издававшаяся до прихода большевиковъ):

Испуганъ ты и съ похвалой сумбурной
Согнулся вдругъ холопски предъ варягомъ...

Это по поводу моихъ стиховъ, напечатанныхъ въ «Одесскомъ Листкѣ» въ декабрѣ прошлаго года, въ день высадки въ Одессѣ французовъ.

Какими націоналистами, патриотами становятся эти интернационалисты, когда это имъ надобно! И съ какимъ высокомеріемъ глумятся они надъ «испуганными интеллигентами», — точно рѣшительно нѣтъ никакихъ причинъ пугаться, — или надъ «испуганными обывателями», точно у нихъ есть какія-то великія преимущества передъ «обывателями». Да и кто собственно эти обыватели, «благополучные мѣщане»? И о комъ и о чемъ заботятся, вообще революціонеры, если они такъ презираютъ средняго человѣка и его благополучіе?

Нападите врасплохъ на любой старый домъ, гдѣ десятки лѣтъ жила многочисленная семья, перебейте или возьмите въ полонъ хозяевъ, домоправителей, слугъ, захватите семейные архивы, начните ихъ разборъ и вообще розыски о жизни этой семьи, этого дома, — сколько откроется темнаго, грѣховнаго, неправеднаго, какую ужасную картину можно нарисовать и особенно при извѣстномъ пристрастїи, при желанїи опозорить во что бы то ни стало, всякое лыко поставить въ строку!

Такъ врасплохъ, совершенно врасплохъ былъ захваченъ и россійскій старый домъ. И что же открылось? Истинно диву надо даваться, какіе пустяки открылись! А вѣдь захватили этотъ домъ какъ разъ при томъ стрѣ, изъ котораго сдѣлали истинно міровой жупель. Что открыли? Изумительно: ровно ничего!

25 Мая.

«Прибытіе въ Одессу товарища Балабановой, секретаря III интернаціонала».

Чьи-то похороны съ музыкой и со знаменами: «За смерть одного революціонера тысяча смертей буржуевъ!»

26 Мая.

«Союзъ пекарей извѣщаетъ о трагической смерти стойкаго борца за царство социализма пекаря Матьяша. . .»

Некрологи, статьи:

«Ушелъ еще одинъ. . . Не стало Матьяша. . . Стойкій, сильный, свѣтлый. . . У гроба — знамена всѣхъ

секцій пекарей. . . Гробъ утопаетъ въ цвѣтахъ. . . День и ночь у гроба почетный карауль. . .»

Достоевскій говоритъ:

«Дай всѣмъ этимъ учителямъ полную возможность разрушить старое общество и построить заново, то выйдетъ такой мракъ, такой хаосъ, нѣчто до того грубое, слѣпое, безчеловѣчное, что все зданіе рухнетъ подъ проклятіями всего челоуѣчества прежде чѣмъ будетъ завершено. . .»

Теперь эти строки кажутся уже слабыми.

27 Мая.

Духовъ день. Тяжелое путешествіе въ Сергіевское училище, почти всю дорогу подъ дождевой мглой, въ разбитыхъ промокающихъ ботинкахъ. Слабы и отъ недоѣданія, — шли медленно, почти два часа. И, конечно, какъ я и ожидалъ, того, кого намъ было надо видѣть, — пріѣхавшаго изъ Москвы, — не застали дома. И такой же тяжкій путь и назадъ. Мертвый вокзалъ съ перебитыми стеклами, рельсы уже рыжія отъ ржавчины, огромный грязный пустырь возлѣ вокзала, гдѣ народъ, визгъ, гоготъ, качели и карусели. . . И все время страхъ, что кто-нибудь остановитъ, дастъ по физиономіи или облапигъ В. Шель, стиснувъ зубы, съ твердымъ намѣреніемъ, если это случится, схватить камень поувѣсистѣй и ахнуть по товарищескому черепу. Тащи потомъ куда хочешь!

Вернулись домой въ три. Новости: «Уходятъ! Англійскій ультиматумъ — очистить городъ!»

Былъ Н. П. Кондаковъ. Говорилъ о той злобѣ, которой полонъ къ намъ народъ и которую «сами-же мы внѣдряли въ него сто лѣтъ». Потомъ Овсяннико-Кули-

жовскій. Потомъ А. Б. Азартъ слуховъ: «Реквизируютъ сундуки, чемоданы и корзины, — бѣгутъ... Сообщение съ Кіевомъ совсѣмъ прервано... Взять Проскуровъ, Жмеринка, Славянскъ...» Но къмъ взять? Этого никто не знаетъ.

Выкурилъ чуть не сто папиросъ, голова горитъ, руки ледяныя.

Ночью.

Да, образовано уже давнымъ давно нѣкое всемірное бюро по устройенію человѣческаго счастья, «новой, прекрасной жизни». Оно работаетъ во всю, принимаетъ заказы на всѣ, буквально на всѣ самыя подлыя и самыя безчеловѣчныя низости. Вамъ нужны шпіоны, предатели, растлители враждебной вамъ арміи? Пожалуйте, — мы уже недурно доказали наши способности въ этомъ дѣлѣ. Вамъ угодно «провоцировать» что-нибудь? Сдѣлайте милость, — болѣе опытныхъ мерзавцевъ по провокаціи вы нигдѣ не найдете... И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Какая чепуха! Былъ народъ въ 160 милліоновъ численностью, владѣвшій шестой частью земного шара, и какой частью? — поистинѣ сказочно-богатой и со сказочной быстротой процвѣтавшей! — и вотъ этому народу сто лѣтъ долбили, что единственное его спасеніе — это отнять у тысячи помѣщиковъ тѣ десятины, которыя и такъ не по днямъ, а по часамъ таяли въ ихъ рукахъ!

28 Мая.

Часто не досыпаю, рано проснулся и нынче. Съ самаго утра стали мучить слухи. Ихъ было столько, что

все въ головѣ спуталось. У многихъ создалось такое впечатлѣніе, что вотъ-вотъ освобожденіе. Передъ вечеромъ выпускъ «Извѣстій»: «Мы отдали Проскуровъ, Каменецъ, Славянскъ. Финны перешли границу, стрѣляютъ безъ причины по Кронштадту. . . Чичеринъ протестуетъ. . .» Домбровскій арестованъ, ночью разоружали его части, и была стрѣльба.

Домбровскій — комендантъ Одессы. Бывшій актеръ, содержалъ въ Москвѣ «Театръ Миниатюръ». У него были именины, пиръ шелъ горой. Было много гостей изъ чрезвычайки. Спьяну затѣяли скандалъ, шла стрѣльба, драка.

29 Мая.

Комендантомъ Одессы, вмѣсто арестованнаго Домбровскаго, назначенъ студентъ Мизикевичъ. Затѣмъ: «Въ Румыніи возстаніе. . . вся Турція охвачена революціей. . . Революція въ Индіи ширится. . .»

Въ полдень ходилъ стричься. Два мрачныхъ товарища «приглашали» хозяйку взять билеты (по 75 р. за билетъ) на какой-то концертъ съ такой скотской грубостью, такъ зычно и повелительно, что даже я, ужъ, кажется, ко всему привыкшій, былъ пораженъ. Встрѣтилъ Луи Ивановича (знакомаго моряка): «Завтра въ 12 истекаетъ срокъ ультиматума. Одесса будетъ взята французами.» Глупо, но шелъ домой какъ пьяный.

31 Мая.

«Доблестными совѣтскими войсками взята Уфа, нѣсколько тысячъ плѣнныхъ и двѣнадцать пулеметовъ. . . Энергично преслѣдуется панически бѣгущій непріа-

тель... Мы оставили Бердянскъ, Чертково, бьемся южнѣе Царицына.» Въ Берлинѣ нынче хоронятъ Розу. Поэтому въ Одессѣ — день траура, запрещены всѣ зрѣлища, рабочіе работаютъ только утромъ, въ «Одес. Ком.» статья: «Шапки долой!»

Десятокъ яицъ стоитъ уже 35 р., масло 40, ибо мужиковъ, везущихъ продукты въ городъ, грабятъ «бандиты». Взяты на учетъ кладбища. «Хорониться граждане отнынѣ могутъ бесплатно.» Часы переведены еще на часъ впередъ — сейчасъ по моимъ десять утра, а «по совѣтски» половина второго дня.

Юффе живетъ въ вагонѣ на вокзалѣ. Онъ здѣсь въ качествѣ государственнаго ревизора. Многимъ одесскимъ удивленъ, возмущенъ, — «Одесса переусердствовала», — пожимаетъ плечами, разводитъ руками, кое-что «смягчаетъ»...

Статейка «Терновый вѣнецъ»: «Поплылъ по рабочимъ липкій и жестокий слухъ: «Матьяша убили!» Гнѣвно сжимались мозолистые руки и уже хрипло доносились крики: Око за око! Мститъ!»

Оказалось, однако, что Матьяшъ застрѣлился: «Не вынесъ кошмара обступившей его дѣйствительности... со всѣхъ сторонъ обступили его бандиты, воры, грабители, грязь, насиліе... Слѣдственная комиссія установила, что онъ созналъ трудность работы среди бандитовъ, воровъ и мошенниковъ...» Оказалось кромѣ того — «легкое опьянѣніе».

2 Іюня.

Сводка — заячьи слѣды. Одно проступаетъ — успѣхи Деникина продолжаютъ.

Послѣ завтрака вышли. Дождь. Зашли подѣ ворота дома, сошлись со Шмидтомъ, Полевицкой, Варшавскимъ. Полевицкая опять о томъ, чтобы я написалъ мистерію гдѣ бы ей была «роль» Богоматери, «или вообще святой, что-нибудь вообще зовущее къ христіанству.» Спрашиваю: «Зовущее кого? Этихъ звѣрей?» — «Да, а что-же? Вотъ недавно сидитъ матросъ въ первомъ ряду, пудовъ двѣнадцать — и плачетъ. . .» И крокодилы, говорю, плачутъ. . .

Послѣ обѣда опять выходили. Какъ всегда, камень на душѣ страшный. Опять эти стекловидно-розовыя, точно со дна морского, звѣзды въ вечернемъ воздухѣ — въ Красномъ переулкѣ, противъ театра «имени Свердлова» и надъ входомъ въ театръ. И опять этотъ страшный плакатъ — голова Государя, мертвая, синяя, скорбная, въ коронѣ, сбитой на бокъ мужицкой дубиной.

3 Іюня.

Годъ тому назадъ пріѣхали въ Одессу. Странно подумать — годъ! И сколько переменъ и все къ худшему. Вспоминаю теперь даже переѣздъ изъ Москвы сюда какъ прекрасное время.

4 Іюня.

Колчакъ признанъ Антантой Верховнымъ Правителемъ Россіи. Въ «Извѣстіяхъ» похабная статья: «Ты скажи намъ, гадина, сколько тебѣ дадено?»

Чортъ съ ними. Перекрестился съ радостными слезами.

7 Іюня.

Быль въ книжномъ магазинѣ Ивасенки. Библіотека его «націоналізована», книги продаются только тѣмъ, у кого есть «мандаты». И вотъ являются биндюжники, красноармейцы и забираютъ, что попало: Шекспира, книгу о бетонныхъ трубахъ, русское государственное право... Берутъ по установленной дешевой цѣнѣ и надѣются сбывать по дорогой.

На фронтъ никто не желаетъ идти. Происходятъ облавы «уклоняющихся».

Цѣлые дни подводы, нагруженные награбленнымъ въ магазинахъ и буржуазныхъ домахъ, идутъ куда-то по улицамъ.

Говорятъ, что въ Одессу присланы петербургскіе матросы, беспощаднѣйшіе звѣри. И правда, матросовъ стало въ городѣ больше и вида они новаго, раструбы ихъ штановъ чудовищные. Вообще очень страшно по улицамъ ходить. Часовые все играютъ винтовками. — того гляди застрѣлить. Поминутно видишь — два хулигана стоятъ на панели и разбираютъ браунингъ.

Послѣ обѣда были у пушки на бульварѣ. Кучки, бесѣды, агитація — все на тему о звѣрствахъ бѣлогвардейцевъ, а какой-нибудь солдатъ повѣствуетъ о своей прежней службѣ; все одно: какъ начальники «все себѣ въ карманъ клали» — дальше кармана у этихъ скотовъ фантазія не идетъ.

— А Перемышль генералы за десять тысячъ продали, — говоритъ одинъ: — я это дѣло хорошо знаю, самъ тамъ былъ.

Сумасшедшіе слухи о Деникинѣ, объ его успѣхахъ. Рѣшается судьба Россіи.

9 Іюня.

Въ газетахъ все то-же — «Деникинъ хочетъ взять въ свои лапы очагъ» — и все та же страшная тревога за нѣмцевъ, за то, что имъ придется подписать «позорный» миръ. Естественно было бы крикнуть: «Негодяи, а какъ-же похабный миръ въ Брестѣ, подписанный за Россію Караханомъ?» Но въ томъ-то и сатанинская сила ихъ, что они сумѣли перешагнуть всѣ предѣлы, всѣ границы дозволеннаго, сдѣлать всякое изумленіе, всякій возмущенный крикъ наивнымъ, дурацкимъ.

И все то же бѣшенство дѣятельности, все та же неугасимая энергія, ни на минуту не ослабѣвающая вотъ уже скоро два года. Да, конечно, это что-то нечеловѣческое. Люди совсѣмъ недаромъ тысячи лѣтъ вѣрятъ въ дьявола. Дьяволъ, нѣчто дьявольское несомнѣнно есть.

Въ Харьковѣ «приняты чрезвычайныя мѣры» — противъ чего? — и всѣ эти мѣры сводятся къ одному — къ разстрѣлу «на месте». Въ Одессѣ разстрѣляно еще 15 человѣкъ (опубликованъ списокъ). Изъ Одессы отправлено «два поѣзда съ подарками защитникамъ Петербурга», то есть съ продовольствіемъ (а Одесса самадохнетъ съ голоду). Нынче ночью арестовано много поляковъ, — какъ заложниковъ, изъ боязни, что «послѣ заключенія мира въ Версалѣ на Одессу двинутся поляки и нѣмцы.»

Газеты дѣлаютъ выдержки изъ деклараціи Деникина (обѣщанія прощенія красноармейцамъ) и глумят-

ся надъ ней: «Въ этомъ документѣ сочеталось все: наглость царскаго выскочки, юморъ висѣльника и садизмъ палача.»

Въ первый разъ въ жизни увидѣлъ не на сценѣ, а на улицѣ, среди бѣла дня, человека съ наклеенными усами и бородой.

Такъ ударило по глазамъ, что остановился какъ пораженный молніей.

Одно изъ древнѣйшихъ дикарскихъ вѣрованій:

— Блескъ звѣзды, въ которую переходитъ наша душа послѣ смерти, состоитъ изъ блеска глазъ съѣденныхъ нами людей. . .

Теперь это звучитъ не такъ ужъ архаично.

«Мечомъ своимъ будешь жить ты, Исавъ!»

Такъ живемъ и до сихъ поръ. Разница только въ томъ, что современный Исавъ совершенный подлець передъ прежнимъ.

И еще одна библейская строка:

— Честь унижится, а низость возрастетъ. . . Въ домъ разврата превратятся общественныя сбиряща. . . И лицо поколѣнія будетъ собачье. . .

И еще одна, всѣмъ извѣстная:

— Вкусите — и станете какъ боги. . .

Не разъ вкушали — и все напрасно.

«Попытка французовъ возстановить священныя права людей и завоевать свободу обнаружила полное человѣческое безсиліе. . . Что мы увидѣли? Грубые анархическіе инстинкты, которые, освобождаясь, ломаютъ всѣ соціальныя связи къ животному самоудовлетворе-

нію. . . Но явится какой-нибудь могучій человекъ, который укротитъ анархію и твердо зажметъ въ своемъ кулакѣ бразды правленія!»

Удивительнѣй всего то, что эти слова, — столь оправдавшіяся на Наполеонѣ, — принадлежатъ пѣвцу «Колокола».

А самъ Наполеонъ сказалъ:

— Что сдѣлало революцію? Честолюбіе. Что положило ей конецъ? Тоже честолюбіе. И какимъ прекраснымъ предлогомъ дурачить толпу была для насъ всѣхъ свобода!

Ленотръ о Кутонѣ:

— Какимъ способомъ попадалъ Кутонъ въ Конвентъ? Кутонъ, какъ извѣстно, былъ калѣка, а между тѣмъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и неутомимыхъ членовъ Конвента и, если не лѣчился на водахъ, не пропускалъ ни одного засѣданія. Какъ-же, на чемъ являлся онъ въ Конвентъ?

Сперва онъ жилъ на улицѣ Сентъ-Онорэ. «Эта квартира, писалъ онъ въ октябрѣ 1791 года, мнѣ очень удобна, такъ какъ она находится въ двухъ шагахъ отъ Святилища (то есть Конвента), и я могу ходить туда на своихъ костыляхъ пѣшкомъ.» Но вскорѣ ноги совсемъ отказались служить ему, да перемѣнилось, кромѣ того, и его мѣстожителство: онъ жилъ то въ Пасси, то возлѣ Понъ-Нефъ. Въ 1794 году онъ наконецъ основался опять на улицѣ Сентъ-Онорэ, въ домѣ 336 (нынѣ 398), въ которомъ жилъ и Робеспьеръ. И дол-

го предполагали, что изъ всѣхъ этихъ мѣстъ Кутонъ заставлялъ себя *носить* въ Конвентъ. Но какъ, на чемъ? Въ плетушкѣ? На спинѣ солдата? Вопросы эти оставались безъ отвѣта цѣлыхъ сто лѣтъ, говоритъ Ленотръ — и дѣлаетъ отступленіе, чтобы нарисовать эту свирѣпую гадину въ домашнемъ быту, пользуясь однимъ письменнымъ рассказомъ, найденнымъ среди революціонныхъ документовъ спустя двадцать лѣтъ послѣ смерти Кутона. Это рассказъ одного провинціала, пріѣхавшаго въ Парижъ съ цѣлью оправдать передъ Конвентомъ своихъ земляковъ, революціонныхъ судей, заподозрѣнныхъ, по доносу, «въ снисходительности». Провинціалу посоветовали обратиться къ самому Кутону, и одна дама, знакомая г-жи Кутонъ, устроила ему это свиданіе, «при одномъ воспоминаніи о которомъ онъ вздрагивалъ потомъ всю жизнь».

— Когда мы явились къ Кутону, рассказываетъ провинціаль, я, къ своему удивленію, увидалъ господина съ добрымъ лицомъ и довольно вѣжливаго въ обращеніи. Онъ занималъ прекрасную квартиру, обстановка которой отличалась большой изысканностью. Онъ, въ бѣломъ халатѣ, сидѣлъ въ креслѣ и кормилъ люцерномъ кролика, примостившагося на его рукѣ а его трехлѣтній мальчикъ, хорошенькій, какъ амуръ, нѣжно гладилъ этого кролика. — «Чѣмъ могу быть полезенъ? — спросилъ меня Кутонъ. — Человѣкъ, котораго рекомендуетъ моя супруга, имѣетъ право на мое вниманіе». И вотъ я, подкупленный этой идилліей, пустился описывать тяжкое положеніе моихъ земляковъ, а затѣмъ, все болѣе ободряемый его ласковымъ вниманіемъ, сказалъ уже съ полнымъ простодушіемъ: «Господинъ Кутонъ, вы, человѣкъ всемогущій въ Комите-

тъ Общественнаго Спасенія, ужели вы не знаете, что революціонный трибуналъ ежедневно выноситъ смертныя приговоры людямъ, совершенно ни въ чемъ неповиннымъ? Вотъ, напримѣръ, нынче будутъ казнены шестьдесятъ три человѣка: за что?» И, Боже мой, что произошло тотчасъ-же послѣ моихъ словъ! Лицо Кутона звѣрски исказилось, кроликъ полетѣлъ съ его руки кувыркомъ, ребенокъ съ ревомъ кинулся къ матери, а самъ Кутонъ — къ шнурку звонка, висѣвшаго надъ его кресломъ. Еще минута — и я былъ бы схваченъ тѣми шестью «агентами охраны», которые постоянно находились при квартирѣ Кутона, но, по счастью, особа, приведшая меня, успѣла удержать руку Кутона, а меня вытолкать за дверь, и я въ тотъ же день бѣжалъ изъ Парижа. . .

Вотъ каковъ, говоритъ Ленторъ, былъ Кутонъ въ свои добрыя минуты. А въ Конвентъ онъ ѣздилъ, какъ открылось это только недавно, на самокатѣ. Въ іюль 1889 года въ Карнавалѣ явилась молодая женщина. Она заявила хранителю музея, что она правнучка Кутона и жертвуетъ музею то самое кресло, на которомъ Кутонъ собственноручно каталъ себя въ Конвентъ. И черезъ недѣлю послѣ этого кресло было доставлено въ Карнавалѣ, было распаковано — «и снова увидало парижское солнце, то же самое термидорское солнце, которое не грѣло его стараго дерева сто пять лѣтъ». Оно обито бархатомъ лимоннаго цвѣта и движется при посредствѣ рукоятокъ и цѣпи, соединенной съ колесами.

Кутонъ былъ полутрупъ. «Онъ былъ ослабленъ ваннами, питался однимъ телячьимъ бульономъ, истощенъ былъ костоѣдомъ, изнуренъ постоянной тошнотой и

икотой». Но его упорство, его энергія были неистощимы. Революціонная драма шла въ бѣшенномъ темпѣ. «Всѣ ея актеры были столь непосѣдливы, что всегда представляешь ихъ себѣ только въ движеніи, вскакивающими на трибуны, мечущими молніи гнѣва, носящимися изъ конца въ конецъ Франціи — все въ жаждѣ раздуть бурю, долженствующую истребить старый міръ.» И Кутонъ не отставалъ отъ нихъ. Каждый день приказывалъ онъ поднимать себя, сажать въ кресло, «чудовищной силой воли заставлялъ свои скрюченныя руки ложиться на двигатель, напоминающій ручку кофейной мельницы, и летѣлъ, среди тѣсноты и многолюдства Сентъ-Онорэ, въ Конвентъ, чтобы отправлять людей на эшафотъ. Должно быть, жуткое это было зрѣлище, видъ этого человѣческаго обломка, который неся среди толпы на своей машинѣ-трещоткѣ, наклонивъ впередъ туловище съ завернутыми въ одѣяло мертвыми ногами, обливаясь потомъ и все время крича: «сторонись!» — а толпа шарахалась въ разныя стороны въ страхъ и изумленіи отъ противоположности между жалкимъ видомъ этого калѣки и тѣмъ ужасомъ, которое вызывало одно его имя!»

«Стихійность» революціи:

Въ меньшевистской газетѣ «Южный Рабочій», издававшейся въ Одессѣ прошлой зимой, извѣстный меньшевикъ Богдановъ рассказывалъ о томъ, какъ образовался знаменитый совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ:

— Пришли Сухановъ-Гиммеръ и Стекловъ, никѣмъ не выбранные, никѣмъ не уполномоченные, и объявили себя во главѣ этого еще несуществующаго совѣта!

Гржебинъ во время войны затѣялъ патріотическій журналчикъ «Отечество». Призвалъ насъ на собесѣдованіе. Былъ между прочимъ Ѡ. Ѡ. Кокошкинъ. Послѣ собесѣдованія мы ѣхали съ нимъ на одномъ извозчикѣ. Заговорили о народѣ. Я не сказалъ ничего ужаснаго, сказалъ только, что народу уже надоѣла война, и что всѣ газетные крики о томъ, что онъ рвется въ бой, преступныя враки. И вдругъ онъ оборвалъ меня со своей обычной коректностью, но на этотъ разъ съ необычайной для него рѣзкостью:

— Оставимъ этотъ разговоръ. Мнѣ ваши взгляды на народъ всегда казались — ну, извините, слишкомъ исключительными что-ли. . .

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и почти ужасомъ. Нѣтъ, подумалъ я, даромъ наше благородство намъ не пройдетъ!

Благородство это полагалось по штату, и его наигрывали себѣ, за него срывали рукоплесканія, имъ торговали. И вотъ рота мальчишекъ изъ всякой науськанной и не желавшей итти на фронтъ сволочи явилась къ Думѣ — и мы, «довѣріемъ и державной волей народа облеченные», закричали на весь міръ, что совершилась великая россійская революція, что народъ теперь голову сложить за насъ и за всяческія свободы, а главное ужъ теперь-то пойдетъ какъ слѣдуетъ сокрушать нѣм-

цевъ до побѣднаго конца. И вдобавокъ ко всему къ этому въ нѣсколько дней разогнали по всей Россіи всю и всяческую власть. . .

Весна семнадцатаго года. Ресторанъ «Прага», музыка, людно, носятся половые. Вино запрещено, но почти всѣ пьяны. Музыка сладко рѣжетъ внутри. Знаменитый либеральный адвокатъ въ военной формѣ. Огромный, толстый въ груди и въ плечахъ, стриженъ ежикомъ. Такъ пьянъ, что кричитъ на весь ресторанъ, требуетъ чтобы играли «Ойру».

Его собутыльникъ, земгусаръ, еще пьянѣе, обнимаетъ и жадно цѣлуетъ его, бѣшено впивается ему въ губы. -

Музыка играетъ заунывно, развратно-томно, потомъ лихо:

— Эхъ, распошелъ,
Ты, мой сѣрый конь, пошелъ!

И адвокатъ, поднявъ толстыя плечи и локти, прыгаетъ, подскакиваетъ въ тактъ на диванѣ.

10 Іюня.

Журналисты изъ «Русс. Слова» бѣгутъ на парусникѣ въ Крымъ. Тамъ будто бы хлѣбъ восемь гривенъ фунтъ, власть меньшевиковъ и прочія блага.

Встрѣтилъ на улицѣ С. И. Варшавскаго. Говоритъ,

что въ «Бупѣ» вывѣшена ликующая телеграмма: «Нѣмцы позорнаго мира не подпишутъ!»

Поляковъ въ Одессѣ арестовано больше тысячи. При арестахъ ихъ, говорятъ, нещадно били. Ничего, теперь все сойдеть.

Въ Кіевѣ «проведеніе въ жизнь краснаго террора» продолжается; убито между прочимъ еще нѣсколько профессоровъ, среди нихъ знаменитый діагностъ Яновскій.

Вчера было «экстренное» — всегда «экстренное!» — засѣданіе Исполкома. Фельдманъ понесъ обычное: «Міровая революція грядеть, товарищи!» Кто-то въ отвѣтъ ему крикнулъ: «Довольно, надоѣло! Хлѣба!» — «Ахъ, вотъ какъ! — завопилъ Фельдманъ. — Кто это крикнулъ?» Крикнувшій смѣло вскочилъ: — «Я крикнулъ!» — и былъ тотчасъ же арестованъ. Затѣмъ Фельдманъ предложилъ «употреблять буржуевъ вмѣсто лошадей, для перевозки тяжестей». Это встрѣтили бурными аплодисментами.

Говорятъ, что нами взятъ Бѣлгородъ.

Какая гнусность! Весь городъ хлопаеть деревянными сандалями, всѣ улицы залиты водой, — «граждане» съ утра до вечера таскаютъ воду изъ порта, потому что уже давно бездѣйствуетъ водопроводъ. И у всѣхъ съ утра до вечера только и разговору, какъ бы промыслить на счетъ ѣды. Наука, искусство, техника, всякая мало-мальски человѣческая трудовая, что-либо творящая жизнь — все погибло. Сожрали тощія ко-

ровы фараоновыхъ тучныхъ и не только не потучнѣли, а сами околѣваютъ!

Теперь въ деревнѣ матери такъ пугаютъ дѣтей:
— Цыцъ! А то виддамъ въ Одессу въ коммунию!

Передаютъ нагло-скромныя слова, гдѣ-то на дняхъ сказанныя Троцкимъ:

— Я былъ бы опечаленъ, если бы мнѣ сказали, что я плохой журналистъ. Но когда мнѣ говорятъ, что я плохой полководецъ, я отвѣчаю: я учусь и буду хорошимъ.

Журналистъ онъ былъ ловкій: А. А. Яблоновскій рассказывалъ, что однажды онъ унесъ, укралъ изъ редакціи «Кіевской Мысли» чью-то шубу. А воевать и побѣждать онъ «учится» боками тѣхъ царскихъ генераловъ, которые попались ему въ плѣнъ. И что-жъ, прослыветъ полководцемъ.

Красное офицерство: мальчишка лѣтъ двадцати, лицо все голое, бритое, щеки впалыя, зрачки темныя и расширенныя; не губы, а какой-то мерзкій сфинкторъ; почти сплошь золотые зубы; на цыплячьемъ тѣлѣ — гимнастерка съ офицерскими походными ремнями черезъ плечи, на тонкихъ, какъ у скелета, ногахъ — развратнѣйшіе пузыри-галифе и щегольскіе, тысячные сапоги, на кострець — смѣхотворно-громадный браунингъ.

Въ университетѣ все въ рукахъ семи мальчишекъ перваго и второго курсовъ. Главный комиссаръ — студентъ кіевскаго ветеринарнаго института Маличъ. Разговаривая съ профессорами, стучитъ на нихъ кулакомъ по столу, кладетъ ноги на столъ. Комиссаръ высшихъ женскихъ курсовъ — первокурсникъ Кинъ, который не переноситъ возраженій, тотчасъ оретъ: «Не каркайте!» Комиссаръ политехническаго института постоянно съ заряженнымъ револьверомъ въ рукѣ.

Передъ вечеромъ встрѣтилъ на улицѣ знакомаго еврея (Зелера, петербургскаго адвоката). Быстро:

— Здравствуйте. Дайте сюда ваше ухо.

Я даль.

— Двадцатаго! Я вамъ раньше предупреждаю!

Пожаль руку и быстро ушелъ.

Сказалъ такъ твердо, что на минуту сбиль меня съ толку.

Да и какъ не сбиться? Въ одинъ голосъ говорятъ, что вчера состоялось тайное засѣданіе, на которомъ было рѣшено, что положеніе отчаянное, что надо уходить въ подполье и оттуда всячески губить деникинцевъ, когда они придутъ — втираюсь въ ихъ среду, разлагая ихъ, подкупая, спаивая, натравливая на всяческое безобразіе, надѣвая на себя добровольческую форму и крича то «Боже царя храни», то «бей жидовъ».

Впрочемъ, весьма возможно, что опять, опять всѣ эти слухи объ отчаянномъ положеніи пускаютъ сами-

же они. Они отлично знают, сколь привержены мы оптимизму.

Да, да, оптимизмъ-то и погубилъ насъ. Это надо твердо помнить.

Впрочемъ, можетъ быть, и правда готовятся бѣжать... Грабежъ идетъ страшный. Наиболее вѣрнымъ «коммунистамъ» раздаютъ безъ счета что попало: чай, кофе, табакъ, вино. Винъ однако осталось, по слухамъ, мало, почти все выпили матросы (которымъ особенно нравится, какъ говорятъ, коньякъ Мартель). А вѣдь и до сихъ поръ приходится доказывать, что эти каторжные гориллы умираютъ вовсе не за революцію, а за Мартель.

Сентябрь семнадцатаго года, мрачный вечеръ, темная съ желтоватыми щелями тучи на западѣ. Остатки листьевъ на деревьяхъ у церковной ограды какъ-то странно рдѣютъ, хотя подъ ногами уже сумракъ. Вхожу въ церковную караулку. Въ ней совсѣмъ почти темно. Караульщикъ, онъ-же и сапожникъ, небольшой, курносый, съ окладистой рыжей бородой, человекъ медоточивый, сидитъ на лавкѣ, въ рубахѣ на выпускъ и въ жилеткѣ, изъ карманчика которой торчитъ пузырекъ съ нюхательнымъ табакомъ. Увидавъ меня, встаетъ и низко кланяется, встряхиваетъ волосами, которые упали на лобъ, потомъ протягиваетъ мнѣ руку.

— Какъ поживаешь, Алексѣй?

Вздыхаетъ:

— Скушно.

— Что такое?

— Да такъ. Нехорошо. Ахъ, милый баринъ, нехорошо! Скушно!

— Да почему-же?

— Да такъ. Былъ вчера я въ городъ. Прежде, бывало, ѣдешь, на свободъ, а теперь хлѣбъ съ собой берешь, въ городъ голодъ пошелъ. Голодъ, голодъ! Товару не дали. Товару нѣту. Ни почему нѣту. Приказчикъ говоритъ, — «хлѣба дадите, тогда и товару дадимъ». А я ему такъ: «нѣтъ, ужъ вы ѣшьте кожу, а мы свой хлѣбъ будемъ ѣсть.» Только сказать — до чего дошло! Подметки 14 рублей! Нѣтъ, покуда буржуазію не перерѣжутъ, будетъ весь людъ голодный, холодный. Ахъ, милый баринъ, по истинной совѣсти вамъ скажу, будутъ буржуазію рѣзать, ахъ, будутъ!

Когда я выхожу изъ караулки, караульщикъ тоже выходитъ и зажигаетъ фонарь возлѣ церковныхъ воротъ. Изъ подъ горы идетъ мужикъ, порывисто падая впередъ, — очень пьяный, — и на всю деревню кричитъ, ругаетъ самыми отборными ругательствами діакона. Увидавъ меня, съ размаху откидывается назадъ и останавливается:

— А вы его не можете ругать! Вамъ за это, за духовное лицо, языкъ на пяло надо вытянуть!

— Но позволь: я, во первыхъ, молчу, а во вторыхъ, почему тебѣ можно, а мнѣ нельзя?

— А кто-жъ васъ хоронить будетъ, когда вы помрете? Не діаконъ развѣ?

— А тебя?

Уронивъ голову и подумавъ, мрачно:

— Онъ мнѣ, собака, керосину въ лавкѣ коперативной не даль. Ты, говоритъ, свою долю ужъ взялъ. А если я еще хочу? «Нѣтъ, говоритъ, такого закону.» Хорошъ ай нѣтъ? Его за это арестовать, собаку, надо! Теперь никакого закону нѣту. — Погоди, погоди, — обращается онъ къ караульщику, — и тебѣ попадетъ! Я тебѣ припомню эти подметки. Какъ пѣтуха зарѣжу — дай срокъ!

Октябрь того же года. Пошли плакаты, митинги, призывы:

— Граждане! Товарищи! Осуществляйте свой великій долгъ передъ Учредительнымъ Собраніемъ, за вѣтной мечтой вашей, державнымъ хозяиномъ земли русской! Всѣ голосуйте за списокъ номеръ третій!

Мужики слушавшіе эти призывы въ городѣ, говорятъ дома:

— Ну, и песь! Долги, кричить, за вами есть великіе! Голосить, говоритъ, всѣ будете, все, значитъ, ваше имущество опишу передъ Учредительнымъ Собраніемъ. А кому мы должны? Ему, что-ли, глаза его накройся? Нѣтъ, это новое начальство совсѣмъ никуда. Въ товарищи заманиваетъ, горы золотыя обѣщаетъ, а самъ оретъ, грозить, крестъ норовить съ шеи сорвать. Ну, да постой: кабы не пришлось голосить-то тебѣ самому въ три голоса!

Сидимъ, толкуемъ по этому поводу съ бывшимъ старостой, не богатымъ, середнякомъ, но справнымъ хозяиномъ. Онъ говоритъ:

— Да, извѣстно орутъ, долгами, недоимками пугаютъ. Теперь вотъ будемъ учредительную думу собирать, будемъ, говорятъ, кандидата выбирать. Мы, есть слухъ, будемъ кандракъ составлять, будемъ осуж-

дать, а онъ будетъ подписываться. Когда гдѣ дорогу провестъ, когда войну открыть, онъ будто у насъ должбнъ теперь спроситься. А развѣ мы знаемъ, гдѣ какая дорога нужна? Я вотъ богатый человекъ, а я отъ роду за Ельцомъ никогда не былъ. Мы вотъ свою дорогу подъ горой двадцать лѣтъ дерьмомъ завалить не можемъ: какъ сойдемся — драка на три дня, потомъ три ведра водки слопаемъ и разойдемся, а бугракъ такъ и останется. Опять же и войну открыть противъ какого другого царя я не могу, я не знаю: а можетъ онъ хорошій человекъ? А безъ насъ, говорятъ, нельзя. Только за что жъ за это кинжалъ въ бокъ вставлятъ? Это Богъ съ нимъ и съ жалованьемъ въ этой думѣ!

— Да то то и дѣло, говорю я, что жалованье-то хорошее.

— Ну? Хорошее?

— Конечно, хорошее. Самый разъ тебѣ туда.

Думаетъ. Потомъ, вздохнувъ:

— Меня туда не допустятъ, я большевикъ: у меня три десятины земли купленные, двѣ лошади хорошихъ.

— Ну вотъ, кому-же, какъ не тебѣ и быть тамъ? Ты хозяинъ.

Подумавъ и оживляясь все болѣе:

— Да! Это было бы дѣло! Я бы тамъ свой голосъ за людей хорошаго званія подавалъ. Я бы тамъ поддержалъ благородныхъ лицъ. Я бы тамъ и ваше потомство вспомнилъ. Я бы не далъ у своихъ господъ землю отбирать. А то онъ, депутатъ-то этотъ, себѣ нажить ничего не могъ, а у людей чортъ его несетъ отымать самохвatomъ. Вонъ у насъ выбрали въ во-

лость, а какой онъ депутатъ? Ругается матеркомъ, ничего у него нѣту, глаза пьяные, такъ и дышитъ огнемъ вонючимъ. Оретъ, а у самого и имѣнья-то одна курица. Ему дай хоть сто десятинь, опять черезъ два дня «морякъ» будетъ. Развѣ его можно со мной смѣнить? Копаль, копаль въ бумагахъ, а ничего не нашель, стерва поганая, и читать ничего не можетъ, не умѣеть, — какіе такіе мы читатели? Всякая овца лучше накричитъ, чѣмъ я прочитаю!

Бесѣдуетъ со мной объ Учредительномъ Собраніи и самый страстный на всей нашей деревнѣ революціонеръ Пантюшка. Но и онъ говоритъ очень странныя вещи:

— Я, товарищъ, самъ соціаль-демократъ, три года въ Ростовѣ-на-Дону всѣми газетами и журналами торговалъ, одного «Сатирикону» небось, тысяча номеровъ черезъ мои руки прошло, а все таки прямо скажу: какой онъ чортъ министръ хоть Гвоздевъ этотъ-то самый? Я сѣрь, а онъ-то много бѣлѣе меня? Воротится, не хуже меня, въ деревню, и опять мы съ нимъ одного сукна съ онучей. Я вотъ лѣзу къ вамъ нахрапомъ: «товарищъ, товарищъ», а, по совѣсти сказать, меня за это по шеѣ надо. Вы вонъ въ календарь зачислены, писатель знаменитый, съ вами самый первый князь за столъ можетъ сѣсть по вашему дворянству, а я что? Я и то мужикамъ говорю: эй, ребята, не промахнитесь! Ужъ кого, говорю, выбирать въ это Учредительное Собраніе, такъ ужъ понятно, товарища Бунина. У него тамъ и знакомые хорошіе найдутся и пролѣзть онъ тамъ можетъ куда угодно...

Вечеромъ у В. А. Розенберга. И опять: я ему объ успѣхахъ добровольцевъ, а онъ о томъ, что они въ занятыхъ ими городахъ «насилуютъ свободу слова». Кусаться можно кинуться.

Ночью.

Вспомнилось: пришла вѣсть съ австрійскаго фронта, что убили Володьку. Старуха въ полушубкѣ (мать) второй день лежитъ ничкомъ на нарахъ, даже не плачетъ. Отецъ притворяется веселымъ, все ходитъ возлѣ нея, безъ умолку и застѣнчиво говоритъ:

— Ну, и чудна ты, старуха! Ну, и чудна! А ты что-жъ думала, они смотрѣть будутъ на нашихъ? Вѣдь онъ, непріятель-то, тоже обороняется! Безъ этого нельзя! Ты бы сообразила своей глупой головой: развѣ можно безъ этого?

Жена Володьки, молодая бабенка, все выскакиваетъ въ сѣнцы, падаетъ тамъ головой на что попало и кричитъ на разные лады, по собачьи воеетъ. Онъ и къ ней:

— Ну вотъ, ну вотъ! И эта тоже! Значитъ, ему не надо было обороняться? Значитъ, надо было Володькѣ въ ножки кланяться?

И Яковъ: когда получилъ письмо, что его сына убили, сказалъ, засмѣявшись и какъ-то странно жмурясь:

— Ничего, ничего, Царство Небесная! Не тужу, не жалѣю! Это Богу свѣча, Алексѣичъ! Богу свѣча, Богу ладанъ!

Но истинно Богъ и дьяволъ поминутно смѣняются на Руси. Когда мы сидѣли въ саду у шалаша, освѣщеннаго черезъ садъ теплымъ низкимъ мѣсяцемъ, и слушали, какъ изъ деревни доносится крикъ, вой жены Володьки, мѣщанинъ сказалъ:

— Ишь, стерва, раздолбается! Она не мужа жалѣетъ, она его штуки жалѣетъ...

Я едва удержался, чтобы не дать ему со всего размаху палкой по башкѣ. Но въ шалашѣ, радуясь мѣсяцу, нѣжно и звонко закричалъ пѣтухъ, и мѣщанинъ сказалъ:

— Ахъ, Господи, до чего хорошо, сладко! За то и держу, ста цѣлковыхъ за него не возьму! Онъ меня всю ночь веселить, умиляетъ...

Дочь Пальчикова (спокойная, миловидная) спрашивала меня:

— Правда, говорятъ, баринъ, къ намъ сорокъ тысячъ плѣнныхъ австрійцевъ везутъ?

— Сорокъ не сорокъ, а правда, везутъ.

— И кормить ихъ будемъ?

— А какъ же не кормить? Что жъ съ ними дѣлать?

Подумала.

— Что? Да порѣзать да покласть...

Мужики, разгромившіе осенью семнадцатаго года одну помѣщичью усадьбу подъ Ельцомъ, ощипали, оборвали для потѣхи перья съ живыхъ павлиновъ и пустили ихъ, окровавленныхъ, летать, метаться, тыкаться съ пронзительными криками куда попало.

Но что за бѣда! Вотъ Павелъ Юшкевичъ увѣряетъ, что «къ революціи нельзя подходить съ уголовной мѣркой», что содрогаться отъ этихъ павлиновъ — «обывательщина». Даже Гегеля вспомнилъ: «Недаромъ говорилъ Гегель о разумности всего дѣйствительнаго: есть разумъ, есть смыслъ и въ русской революціи».

Да, да, «бьютъ и плакать не велятъ». Каково павлину, и не подозрѣвавшему о существованіи Гегеля? Съ какой мѣркой, кромѣ уголовной, могутъ «подходить къ революціи» тѣ священники, помѣщики, офицеры, дѣти, старики, черепа которыхъ дробить побѣдоносный демось? Но какое-же дѣло Павлу Юшкевичу до подобныхъ «обывательскихъ» вопросовъ!

Говорятъ, матросы, присланные къ намъ изъ Петербурга, совсѣмъ осатанѣли отъ пьянства, отъ кокаина, отъ своеволія. Пьяные, врываются къ заключеннымъ въ чрезвычайкѣ безъ приказовъ начальства и убиваютъ кого попало. Недавно кинулись убивать какую-то женщину съ ребенкомъ. Она молила, чтобы ее пощадили ради ребенка, но матросы крикнули: «Не безпокойся, дадимъ и ему маслинку!» — и застрѣлили и его. Для потѣхи выгоняютъ заключенныхъ во дворъ и заставляютъ бѣгать, а сами стрѣляютъ, нарочно дѣлая промахи.

11 Іюня.

Проснувшись, какъ-то особенно ясно, трезво и съ ужасомъ понялъ, что я просто погибаю отъ этой жизни и физически и душевно. И записываю я, въ сущности, чортъ знаетъ что, что попало, какъ сумасшедшій. . . Да впрочемъ не все ли равно!

Едва дождался газетъ. Все очень хорошо:

— Мы оставили Богучаръ. . . Мы въ 120 верстахъ западнѣе Царицына. . . Палачъ Колчакъ идетъ на соединеніе съ Деникинымъ. . .

И вдругъ:

— Угнетатель рабочихъ Гришинъ-Алмазовъ застрѣлился. . . Троцкій въ поѣздной газетѣ сообщаетъ, что

нашъ миноносецъ захватилъ въ Азовскомъ морѣ пароходъ, на которомъ извѣстный черносотенецъ и душегубъ Гришинъ-Алмазовъ везъ Колчаку письмо Деникина. Гришинъ-Алмазовъ застрѣлился.

Ужасная вѣсть. И вообще день большого волненія. Говорятъ, будто Деникинъ взялъ Феодосію, Алушту, Симферополь, Александровскъ. . .

Четыре часа.

Миръ съ нѣмцами подписанъ, Деникинъ взялъ Харьковъ!

Подѣлился радостью съ дворникомъ Оомой. Но онъ пессимистъ:

— Нѣтъ, баринъ, наврядъ дѣло этимъ кончится. Теперь ему трудно кончиться.

— А какъ же и когда оно по твоему кончится?

— Когда! Когда побѣлѣетъ воронье крыло. Теперь злодѣй укрѣпился. Вонъ красноармейцы говорятъ: «Вся бѣда отъ жидовъ, они всѣ коммунисты, а большевики всѣ русскіе.» А я думаю, что они-то, красноармейцы-то эти, и есть злу корень. Всѣ ярыги, всѣ разбойники. Вы посчитайте-ка, сколько ихъ теперь изъ всѣхъ норъ вылѣзло. А какъ измываются надъ мирнымъ жителемъ! Идетъ по улицѣ и вдругъ: «Товарищъ гражданинъ, который часъ?» А тотъ сдуру вынетъ часы и брякнетъ: «Два часа съ половиной.»

— «Какъ, мать твою душу, какъ два съ половиной, когда теперь по нашему, по совѣтски, пять? Значитъ, ты стараго режиму?» — Вырветъ часы и объ мостовую трахъ! Нѣтъ, онъ очень укрѣпился. А всѣ прочіе ослабѣли. Вы взгляните, какъ прежній господинъ или дама теперь по улицѣ идетъ: одѣтъ въ чемъ попало,

воротничекъ смялся, щеки не бритыя, а дама безъ чулокъ, на босу ногу, ведро съ водой черезъ весь городъ тащить, — все, моль, наплевать. Да я и про себя скажу: все чего-то ждешь, никакого дѣла дѣлать не хочется. Даже и лѣто какъ будто еще не наступало.

Богъ шельму мѣтитъ. Еще въ древности была всеобщая ненависть къ рыжимъ, скуластымъ. Сократъ видѣть не могъ блѣдныхъ. А современная уголовная антропологія установила: у огромнаго количества такъ называемыхъ «прирожденныхъ преступниковъ» — блѣдныя лица, большія скулы, грубая нижняя челюсть, глубоко сидящіе глаза.

Какъ не вспомнить послѣ этого Ленина и тысячи прочихъ? (Впрочемъ, уголовная антропологія отмѣчаетъ среди природенныхъ преступниковъ и особенно преступницъ и рѣзко противоположный типъ: кукольное, «ангельское» лицо, вродѣ того, что было, напри- мѣръ, когда-то у Колонтай).

А сколько лицъ блѣдныхъ, скуластыхъ, съ разитель- ной ассиметрическими чертами среди этихъ красно-армейцевъ и вообще среди русскаго простонародья, — сколько ихъ, этихъ атавистическихъ особей, круто замѣшанныхъ на монгольскомъ атавизмѣ! Весь, Му- рома, Чудь бѣлоглазая... И какъ разъ именно изъ нихъ, изъ этихъ самыхъ русичей, издревле славныхъ своей *антисоціальною*, давшихъ столько «удалыхъ разбойничковъ», столько бродягъ, бѣгуновъ, а потомъ хитровцевъ, босяковъ, какъ разъ изъ нихъ и вербо-

вали мы красу, гордость и надежду русской *соціальной* революціи. Что жъ дивиться результатамъ?

Тургеневъ упрекалъ Герцена: «Вы преклоняетесь передъ тулупомъ, видите въ немъ великую благодать, новизну и оригинальность будущихъ формъ.» Новизна формъ! Въ томъ-то и дѣло, что всякій русскій бунтъ (и особенно теперешній) прежде всего доказываетъ, до чего все *старо* на Руси и сколь она жаждетъ прежде всего *безформенности*. Споконъ вѣку были «разбойнички» муромскіе, брынскіе, саратовскіе, бѣгуны, шатуны, бунтари противъ всѣхъ и вся, ярыги, голь кабацкая, пустосвяты, сѣятели всяческихъ лжей, несбыточныхъ надеждъ и сваръ. Русь классическая страна буяна. Былъ и святой человекъ, былъ и строитель, высокой, хотя и жестокой крѣпости. Но въ какой долгой и непрестанной борьбѣ были они съ буяномъ, разрушителемъ, со всякой крамолой, сварой, кровавой «неурядицей и нелѣпицей»!

Уголовная антропология выдѣляетъ преступниковъ случайныхъ: это случайно совершившіе преступленіе, «люди, чуждые *антисоціальныхъ инстинктовъ*». Но совершенно другое, говоритъ она, преступники «инстинктивные». Эти всегда какъ дѣти, какъ животныя, и главнѣйшій ихъ признакъ, коренная черта — жажда разрушенія, *антисоціальность*.

Вотъ преступница, дѣвушка. Въ дѣтствѣ упорна, капризна. Съ отрочества у нея рѣзко начинается проявляться воля къ разрушенію: рветъ книги, бьетъ посуду, жжетъ свои платья. Она много и жадно читаетъ и любимое ея чтеніе — страстные, запутанные романы, опасныя приключенія, безсердечные и дерзкіе подвиги. Влюбляется въ перваго попавшагося, привер-

жена дурнымъ половымъ наклонностямъ. И всегда чрезвычайно логична въ рѣчахъ, ловко сваливаетъ свои поступки на другихъ, лжива такъ нагло, увѣренно и чрезмѣрно, что парализуетъ сомнѣніе тѣхъ, кому лжетъ. Вотъ преступникъ, юноша. Гостиль на дачѣ у родныхъ. Ломалъ деревья, рвалъ обои, билъ стекла, осквернялъ эмблемы религіи, всюду рисовалъ гадости. «Типично антисоціаленъ. . .» И такихъ примѣровъ тысячи.

Въ мирное время мы забываемъ, что міръ кишитъ этими выродками, въ мирное время они сидятъ по тюрьмамъ, по желтымъ домамъ. Но вотъ наступаетъ время, когда «державный народъ» восторжествовалъ. Двери тюремъ и желтыхъ домовъ раскрываются, архивы сыскныхъ отдѣленій жгутся — начинается вакханалія. Русская вакханалія превзошла всѣ до нея бывшія — и весьма изумила и огорчила даже тѣхъ, кто много лѣтъ звалъ на Стенькинъ Утесъ, — послушать «то, что думалъ Степанъ.» Странное изумленіе! Степанъ не могъ думать о соціальномъ, Степанъ былъ «прирожденный» — какъ разъ изъ той злодѣйской породы, съ которой, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ предстоитъ новая долголѣтняя борьба.

Лѣто семнадцатаго года помню какъ начало какой-то тяжелой болѣзни, когда уже чувствуешь, что боленъ, что голова горитъ, мысли путаются, окружающее пріобрѣтаетъ какую-то жуткую сущность, но когда еще держишься на ногахъ и чего-то еще ждешь

въ горячечномъ напряженіи всѣхъ послѣднихъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ.

А въ концѣ этого лѣта, развертывая однажды утромъ газету какъ всегда прыгающими руками, я вдругъ ощутилъ, что блѣднѣю, что у меня пустѣетъ темя, какъ передъ обморокомъ: огромными буквами ударилъ въ глаза истерическій крикъ: «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ!» — крикъ о томъ, что Корниловъ — «мятежникъ, предатель революціи и родины. . .»

А потомъ было третье ноября.

Кайнъ Россіи, съ радостно-безумнымъ остервененіемъ бросившій за тридцать серебряниковъ всю свою душу подъ ноги дьявола, восторжествовалъ полностью.

Москва, цѣлую недѣлю защищаемая горстью юнкеровъ, цѣлую недѣлю горѣвшая и сотрясавшаяся отъ канонады, сдалась, смирилась.

Все стихло, всѣ преграды, всѣ заставы божескія и человѣческія пали — побѣдители свободно овладѣли ею, каждой ея улицей, каждымъ ея жилищемъ, и уже водружали свой стягъ надъ ея оплотомъ и святыней, надъ Кремлемъ. И не было дня во всей моей жизни страшнѣе этого дня, — видитъ Богъ, воистину такъ!

Послѣ недѣльнаго плѣна въ четырехъ стѣнахъ, безъ воздуха, почти безъ сна и пищи, съ забаррикадированными стѣнами и окнами, я, шатаюсь, вышелъ изъ дому, куда, наотмашь швыряя двери, уже три раза врывались, въ поискахъ враговъ и оружія, ватаги «борцовъ за свѣтлое будущее», совершенно шальныхъ отъ побѣды, самогонки и архискотской ненависти, съ пересохшими губами и дикими взглядами, съ тѣмъ балаганнымъ излишествомъ всяческаго оружія на се-

бѣ, каковое освящено традиціями всѣхъ «великихъ революцій».

Вечерѣль темный, короткій, ледяной и мокрый день поздней осени, хрипло кричали вороны. Москва, жалкая, грязная, обезчещенная, разстрѣлянная и уже покорная, принимала будничныи видѣ.

Поѣхали извозчики, потекла по улицамъ торжествующая московская чернь. Какая-то паскудная старушонка съ яростно-зелеными глазами и надутыми на шеѣ жилами стояла и кричала на всю улицу:

— Товарищи, любезные! Бейте ихъ, казните ихъ, топите ихъ!

Я постоялъ, поглядѣлъ — и побрелъ домой. А ночью, оставшись одинъ, будучи отъ природы весьма несклоненъ къ слезамъ, наконецъ заплакалъ и плакалъ такими страшными и обильными слезами, которыхъ я даже и представить себѣ не могъ.

А потомъ я плакалъ на Страстной недѣлѣ, уже не одинъ, а вмѣстѣ со многими и многими, собиравшимися въ темные вечера, среди темной Москвы, съ ея наглухо запертымъ Кремлемъ, по темнымъ старымъ церквамъ, скудно озареннымъ красными огоньками свѣчей, и плакавшими подъ горькое страстное пѣніе:

— Волною морскою... гонителя, мучителя подъ водою скрыша...

Сколько стояло тогда въ этихъ церквахъ людей прежде никогда не бывавшихъ въ нихъ, сколько плакало никогда не плакавшихъ!

А потомъ я плакалъ слезами и лютаго горя и какого-то болѣзненнаго восторга, оставивъ за собой и Россію и всю свою прежнюю жизнь, перешагнувъ новую русскую границу, границу въ Оршѣ, вырвавшись изъ

этого разливаннаго моря страшныхъ, несчастныхъ, потерявшихъ всякій образъ человѣческой, буйно и съ какой-то надрывной страстью орущихъ дикарей, которыми были затоплены буквально всѣ станціи, начиная отъ самой Москвы и до самой Орши, гдѣ всѣ платформы и пути были буквально залиты рвотой и испражненіями. . .

13 Іюня.

Да, миръ подписанъ. Ужели и теперь не подумаютъ о Россіи? Вотъ уже истинно: «Ратуйте, кто въ Бога віруе!» Неистовымъ крикомъ о помощи полны десятки милліоновъ русскихъ душъ. Ужели не вмѣшаются въ эти наши «внутреннія дѣла», не ворвутся наконецъ въ нашъ несчастный домъ, гдѣ бѣшенная горилла уже буквально захлебывается кровью?

15 Іюня.

Газеты особенно неистовы: «Германія захвачена за горло разбойничьей шайкой! Къ оружію! Еще минута — и вулканъ вспыхнетъ, пурпурное знамя коммунизма зацвѣтетъ, зарѣветъ надъ всѣмъ міромъ! Но моментъ серьезень. . . Пусть же гудитъ набать! Не время калякать!»

Въ кіевскомъ «Коммунистѣ» замѣчательная рѣчь Бубнова «о неслыханномъ, паническомъ, постыднѣйшемъ бѣгствѣ красной арміи отъ Деникина.»

16 Іюля.

«Харьковъ палъ подъ лавиной царскаго палача Деникина. . . Онъ двинулъ на Харьковъ орду золотопогонныхъ и озвѣрѣлыхъ отъ пьянства гунновъ. Дикая

орда эта, подобно саранчѣ, двигается по измученной странѣ, уничтожая все, что завоевано кровью лучшихъ борцовъ за свѣтлое будущее. Прислужники и холопы міровой своры имперіалистовъ несутъ трудовому народу висѣлицы, палачей, жандармовъ, каторжный трудъ, безпросвѣтное рабство. . .»

Собственно, чѣмъ это отличается отъ *всей* нашей революціонной «литературы?» Но чортъ съ ними. Радъ такъ, что морозъ по головѣ. . .

А «ликвидация григорьевскихъ бандъ» все еще «продолжается.»

17 Іюня.

На Дерибасовской улицѣ новый плакатъ: лубочный мужикъ съ топоромъ и рабочій съ киркой яростно гвоздятъ по лысой головѣ отчаянно раскорячившагося карапуза-генерала, насквозь проткнутого штыкомъ бѣгущаго красноармейца; подпись: «Бей, ребята, да позазвонистѣй!» Это опять работа «Политуправленія.» И у дверей этого самого заведенія встрѣтилъ выходящаго изъ него С. Юшкевича, который *равнодушно* сказалъ мнѣ, что Харьковъ взятъ большевиками обратно.

Шель домой, какъ пьяный.

Ночью.

Нѣсколько успокоился. Всѣ увѣряютъ, что это вздоръ, будто Харьковъ взятъ обратно. Мало того: говорятъ, что Деникинъ взялъ Екатеринославъ и Полтаву, что большевики эвакуируютъ Курскъ, Воронежъ, что Колчакъ прорвалъ ихъ фронтъ на Царицынскомъ

направленіи, что Севастополь въ рукахъ англичанъ (дессантъ въ 40.000 человекъ).

Вечеромъ на бульварѣ. Сперва сидѣлъ съ женой и дочерью С. И. Варшавскаго. Дочь читала. Она скаутъ. На вопросы отвѣчаетъ поспѣшно, коротко и рѣзко, какъ часто барышни ея лѣтъ. Розовый серпъ молодого мѣсяца въ тонкомъ закатномъ небѣ за Воронцовскимъ дворцомъ, блѣдное, нѣжное, чуть зеленоватое небо, видъ этой милой, жадно читающей дѣвочки и опроверженіе большевицкихъ слуховъ о Харьковѣ — все болѣзненно умиляло.

Разсказывали: когда въ прошломъ году пришли въ Одессу нѣмцы, «товарищи» вскорѣ стали просить у нихъ разрѣшенія устроить балъ до утра. Нѣмецъ комендантъ съ презрѣніемъ пожалъ плечами: «Удивительная страна Россія! Чего ей такъ весело?»

18 Іюня.

«Послѣдняя отчаянная схватка! Всѣ въ ряды! Черныя тучи все гуще, карканье черного воронья все громче!» — и такъ далѣе.

Въ Кіевѣ докладъ Раковскаго о международномъ положеніи: «Революція охватила весь міръ... Хищники дерутся изъ-за добычи. . Контрреволюцію въ Венгріи мы потопимъ въ крови!» И дальше: «Позоръ! Въ Харьковѣ четыре деникинца произвели неописуемую панику среди нашихъ многочисленныхъ эшелонивъ!» И какъ вѣнецъ всего: «Паденіе Курска будетъ гибелью міровой революціи!»

Только что былъ на базарѣ. Бѣжитъ какой-то босякъ, въ рукахъ экстренный выпускъ газеты: «Мы взяли назадъ Бѣлгородъ, Харьковъ и Лозовую!» — Буквально потемнѣло въ глазахъ, едва не упалъ.

19 Іюня.

Вчера на базарѣ нѣсколько минутъ чувствовалъ, что могу упасть. Такого со мной никогда не бывало. Потомъ тупость, ко всему отвращеніе, полная потеря вкуса къ жизни. Послѣ обѣда у Ц. Тамъ Лурье, Кауфманъ. Телеграммѣ никто не вѣритъ, ее напечатали по приказу Исполкома, по настоянію Фельдмана. Я купилъ эту телеграмму, чтобы взвѣсить каждое слово. Каждое слово рѣжетъ, какъ ножомъ, переворачиваетъ душу: «Бюллетень Извѣстій Од. Сов. раб., кр. и красноарм. депутатовъ. Красныя войска отобрали обратно Харьковъ, Лозовую, Бѣлгородъ. По прямому проводу 1 іюля, въ 1 ч. 35 м. изъ Кіева радостная вѣсть: Харьковъ, Лозовая, Бѣлгородъ очищены отъ бѣлогвардейскихъ бандъ, которыя въ паникѣ бѣгутъ. Судьба Деникина рѣшена! Въ Курскѣ ликование пролетаріата. Мобилизація проходитъ съ небывалымъ подъемомъ. Въ Полтавѣ энтузіазмъ. . .» И такъ, побѣда сразу на пространствѣ 500 вер. «Энтузіазмъ въ Полтавѣ» долженъ показать, что она цѣла и сохранна. А слухи совсѣмъ другіе: нашими взяты Камышинъ, Ромоданъ, Никополь.

Нынче вскочилъ все таки въ семь и купилъ газеты всѣ до одной: «Циркулировавшіе вчера слухи о взятіи нами обратно Харькова, Лозовой и Бѣлгорода пока не подтверждаются. . .» Отъ радости глазамъ не повѣрилъ.

Передъ обѣдомъ были Розенберги. Дико! Они всѣмъ спокойны, — ну что-жъ, «слухи пока не подтверждаются», и прекрасно...

20 Іюня.

«На западѣ бушуютъ волны революціи... Деникинъ несетъ цѣпи голоднаго рабства... Съ бѣшенымъ натискомъ бѣлогвардейскихъ бандъ злобствуетъ безумный, безчеловѣчный терроръ... Беззащитный пролетаріатъ отданъ озвѣрѣлымъ бандамъ на разграбленіе... Надо безпощадно раздавить мозолистой рукой контръ-революціонные гады на фронтѣ и въ тылу... Нуженъ безпощадный терроръ противъ буржуазіи и бѣлогвардейской сволочи, измѣнниковъ, заговорщиковъ, шніоновъ, трусовъ, шкурниковъ... Надо отобрать у буржуевъ излишекъ денегъ, одежды, взять заложниковъ!»

Все это, вмѣстѣ съ «мозолистой рукой», долженствующей «раздавить гады», уже не изъ газетъ, а изъ воззванія «Наркомвнудѣла Украинск. Соціалист. Сов. Республики».

Въ городѣ стѣны домовъ сплошь въ воззваніяхъ. И въ нихъ, и въ газетахъ остервенѣлая чепуха, свидѣтельствующая о настоящемъ ужасѣ этихъ тварей.

«Мы оставили Константиноградъ... Харьковъ занятъ бродячей бандой... Занятіе Харькова не дало Деникину ожидаемыхъ результатовъ... Мы оставили Корочу... Мы оставили Лиски... Противникъ отгѣснилъ насъ западнѣе Царицына... Мы гонимъ Колчака, который въ паникѣ... Румынск. правительство мечется въ предсмертной агоніи... Въ Германіи разгаръ революціи... Въ Даніи революція принимаетъ

угрожающіе размѣры. . . Сѣверная Россія питается овсомъ, мхомъ. . . У падающихъ и умирающихъ на улицахъ рабочихъ въ желудкахъ находятъ куски одѣяль, обрывки тряпья. . . На помощь! Бьетъ послѣдній часъ! Мы не хищники, не имперіалисты, мы не придаемъ значенія тому, что уступаемъ врагу территории. . .»

Въ «Извѣстіяхъ» стихи:

Товарищи, кольцо сомкнулось уже!
Кто вѣренъ намъ, беритесь за оружье!
Домъ горитъ, домъ горитъ!
Братецъ, весь въ огнѣ домъ,
Брось горшокъ съ обѣдомъ!
До жранья-ль, товарищъ?
Гибнетъ кровь родимый!
Эй, набать, гуди, мой!

А на счетъ «горшка съ обѣдомъ» дѣло плохо. У насъ по крайней мѣрѣ отъ недоѣданія все время голова кружится. На базарѣ цѣлыя толпы торгующихъ старыми вещами, сидящихъ прямо на камняхъ, на навозѣ, и только кое-гдѣ кучки гнилыхъ овощей и картошекъ. Урожай въ нынѣшнемъ году вокругъ Одессы прямо библейскій. Но мужики ничего не хотятъ везти, свиньямъ въ корыто льютъ молоко, валятъ кабачки, а везти не хотятъ. . .

Сейчасъ опять идемъ въ архіерейскій садъ, часто теперь туда ходимъ, единственное чистое, тихое мѣсто во всемъ городѣ. Видъ оттуда необыкновенно печальный, — вполне мертвая страна. Давно-ли портъ ломился отъ богатства и многолюдности? Теперь онъ

пустъ, хотъ шаромъ покати, все то жалкое, что есть еще кое-гдѣ у пристаней, все ржавое, облупленное, ободранное, а на Пересыпи торчатъ давно потухшія трубы заводовъ. И все таки въ саду чудесно, безлюдіе, тишина. Часто заходимъ и въ церковь, и всякій разъ восторгомъ до слезъ охватываетъ пѣніе, поклоны священнослужителей, кажденіе, все это благолѣпіе, пристойность, міръ всего того благого и милосерднаго, гдѣ съ такой нѣжностью утѣшается, облегчается всякое земное страданіе. И подумать только, что прежде люди той среды, къ которой и я отчасти принадлежалъ, бывали въ церкви только на похоронахъ! Умеръ членъ редакціи, завѣдующій статистикой, товарищъ по университету или по ссылкѣ... И въ церкви была все время одна мысль, одна мечта: выйти на паперть покурить. А покойникъ? Боже, до чего не было никакой связи между всей его прошлой жизнью и этими погребальными молитвами, этимъ вѣнчикомъ на костяномъ лимонномъ лбу!

Р. S. Тутъ обрываются мои одесскіе замѣтки. Листки, слѣдующіе за этими, я такъ хорошо закопалъ въ одномъ мѣстѣ въ землю, что передъ бѣгствомъ изъ Одессы, въ концѣ января 1920 года, никакъ не могъ найти ихъ.

ЧЕХОВЪ

ТОЛСТОЙ

ЧЕХОВЪ

I

Я познакомился съ нимъ въ Москвѣ, въ концѣ девяносто пятаго года. Мнѣ запомнилось нѣсколько характерныхъ фразъ его.

— Вы много пишете? — спросилъ онъ меня какъ-то. Я отвѣтилъ, что мало.

— Напрасно, — почти угрюмо сказалъ онъ своимъ низкимъ груднымъ голосомъ. — Нужно, знаете, работать... Не покладая рукъ... всю жизнь.

И, помолчавъ, безъ видимой связи прибавилъ:

— По-моему, написавъ рассказъ, слѣдуетъ вычеркивать его начало и конецъ. Тутъ мы, беллетристы, больше всего время... И короче, какъ можно короче надо писать.

Потомъ разговоръ зашелъ о стихахъ, и онъ вдругъ оживился:

— Послушайте, а стихи Алексѣя Толстого вы любите? Вотъ, по-моему, актеръ! Какъ надѣлъ въ молодости оперный костюмъ, такъ на всю жизнь и остался.

Послѣ Москвы мы не видѣлись до весны девяносто девятого года. Пріѣхавъ этой весной на нѣсколько дней въ Ялту, я однажды вечеромъ встрѣтилъ его на набережной.

— Почему вы не заходите ко мнѣ? — сказалъ онъ.
— Непремѣнно приходите завтра.

— Когда? — спросилъ я.

— Утромъ, часу въ восьмомъ.

И, вѣроятно, замѣтивъ на моемъ лицѣ удивленіе, онъ пояснилъ:

— Мы встаемъ рано. А вы?

— Я тоже, — сказалъ я.

— Ну, такъ вотъ и приходите, какъ встанете. Будемъ пить кофе. Вы пьете кофе? Утромъ надо пить не чай, а кофе. Чудесная вещь. Я, когда работаю, ограничиваюсь до вечера только кофе и бульономъ. Утромъ — кофе, въ полдень — бульонъ.

Потомъ мы молча прошли набережную и сѣли въ скверѣ на скамью.

— Любите вы море? — сказалъ я.

— Да, — отвѣтилъ онъ. — Только ужъ очень оно пустынно.

— Это-то и хорошо, — сказалъ я.

— Не знаю, — отвѣтилъ онъ, глядя куда-то вдаль и, очевидно, думая о чемъ-то своемъ. — По-моему, хорошо быть офицеромъ, молодымъ студентомъ... Сидѣть гдѣ-нибудь въ людномъ мѣстѣ, слушать веселую музыку...

И, по своей манерѣ, помолчалъ и безъ видимой связи прибавилъ:

— Очень трудно описывать море. Знаете, какое описаніе моря читалъ я недавно въ одной ученической тетрадкѣ? «Море было большое.» И только. По-моему, чудесно.

Въ Москвѣ я видѣлъ человѣка среднихъ лѣтъ, высокаго, стройнаго, легкаго въ движеніяхъ; встрѣтилъ онъ меня привѣтливо, но такъ просто, что я принялъ эту простоту за холодность. Въ Ялтѣ я нашелъ его сильно измѣнившимся: онъ похудѣлъ, потемнѣлъ въ лицѣ, двигался медленнѣе, голосъ его звучалъ глуше. Но, въ общемъ, онъ былъ почти тотъ же, что въ Москвѣ: привѣтливъ, но сдержанъ, говорилъ довольно оживленно, но еще болѣе просто и кратко, и во время разговора все думалъ о чемъ-то своемъ, предоставляя собесѣднику самому улавливать переходы въ скрытомъ теченіи своихъ мыслей, и все глядѣлъ на море сквозь стекла пенснэ, слегка приподнявъ лицо. На другое утро послѣ встрѣчи на набережной я поѣхалъ къ нему на дачу. Хорошо помню это солнечное утро, которое мы провели въ его садикѣ. Съ тѣхъ поръ я началъ бывать у него все чаще и чаще, а потомъ сталъ и совсѣмъ своимъ человѣкомъ въ его домѣ. Сообразно съ этимъ, конечно, измѣнилось и отношеніе его ко мнѣ, стало сердечнѣе. Но сдержанность осталась; и проявлялась она не только въ обращеніи со мной, но и съ людьми самыми близкими ему, хотя означала она, какъ я убѣдился потомъ, вовсе не холодность: только неизмѣнную сдержанность.

Бѣлая каменная дача въ Ауткѣ, ея маленькій садикъ, который съ такой заботливостью разводилъ онъ, всегда любившій цвѣты, деревья, его кабинетъ, украшеніемъ котораго служили только двѣ-три картины Левитана да большое полукруглое окно, открывавшее видъ на утонувшую въ садахъ долину Учанъ-Су и синій треугольникъ моря, тѣ часы, дни, иногда даже мѣсяцы, которые я проводилъ на этой дачѣ, на-

всегда останутся однимъ изъ лучшихъ моихъ воспоминаній.

Онъ смѣялся своимъ заразительнымъ смѣхомъ чаще всего только тогда, когда кто-нибудь другой рассказывалъ чтонибудь смѣшное; самъ говорилъ самыя смѣшныя вещи безъ малѣйшей улыбки. Онъ очень любилъ шутки, нелѣпыя прозвища, мистификаціи; даже въ послѣдніе годы, какъ только ему хоть немного становилось лучше, онъ былъ неистощимъ на нихъ, никогда однако ничего не подчеркивая: только бросить два-три слова, лукаво блеснетъ глазомъ поверхъ пенснэ...

Сдержанность его сказывалась во всемъ. Кто, напримѣръ, слышалъ отъ него жалобы? А причинъ для жалобъ было много. Онъ началъ работать въ большой семьѣ, терпѣвшей въ пору его молодости нужду, работалъ за гроши; долго нуждался и потомъ. Но никто и никогда не слышалъ отъ него сѣтованій на судьбу, и это вытекало вовсе не изъ ограниченности его потребностей: онъ ненавидѣлъ сѣрую, скудную жизнь. Онъ пятнадцать лѣтъ былъ боленъ изнурительной болѣзью; но зналъ ли это читатель, — русскій читатель, который слышалъ столько писательскихъ жалобъ? Даже дома, въ дни его самыхъ тяжелыхъ страданій часто никто не подозрѣвалъ о нихъ.

— Тебѣ нездоровится, Антоша? — спросить его мать или сестра, видя, что онъ весь день сидитъ въ креслѣ съ закрытыми глазами.

— Мнѣ? — спокойно отвѣтитъ онъ, открывая глаза, такіе кроткіе безъ пенснэ. — Нѣтъ, ничего. Голова болитъ немного.

Говоря о литературѣ, онъ восхищался Мопассаномъ, Толстымъ. Особенно часто онъ говорилъ именно о нихъ да еще о «Тамани» Лермонтова.

— Не могу понять, — говорилъ онъ, — какъ могъ онъ, будучи мальчикомъ, сдѣлать это! Вотъ бы написать такую вещь да еще водевиль хорошій, тогда бы и умереть можно!

Часто говорилъ:

— Никому не слѣдуетъ читать своихъ вещей до напечатанія. Никогда не слѣдуетъ слушать ничьихъ совѣтовъ. Ошибся, совралъ — пусть и ошибка будетъ принадлежать только тебѣ. Въ работѣ надо быть смѣлымъ. Есть большія собаки и есть маленькія собаки, но маленькія не должны смущаться существованіемъ большихъ: всѣ обязаны лаять — и лаять тѣмъ голосомъ, какой Господь Богъ далъ.

Почти про всѣхъ умершихъ писателей говорятъ, что они радовались чужому успѣху, что они были чужды самолюбія. Но онъ дѣйствительно радовался всякому таланту, и не могъ не радоваться: слово «бездарность» было, кажется, высшей бранью въ его устахъ. Къ своимъ собственнымъ литературнымъ успѣхамъ онъ относился съ затаенной горечью.

— Да, Антонъ Павловичъ, вотъ скоро и юбилей вашъ будемъ праздновать!

— Знаю-съ я эти юбилеи! Бранятъ человѣка двадцать пять лѣтъ на всѣ корки, а потомъ дарятъ ему гусиное перо изъ алюминія и цѣлый день несутъ надъ нимъ, со слезами и поцѣлуями, восторженную ахинею!

— Читали, Антонъ Павловичъ? — скажешь ему, увидавъ гдѣ-нибудь статью о немъ.

Онъ только покосится поверхъ пенснэ:

— Покорно васъ благодарю! Напишутъ о комъ-нибудь тысячу строкъ, а внизу прибавятъ: «а вотъ еще есть писатель Чеховъ: нытикъ...» А какой я нытикъ? Какой я «хмурый человѣкъ», какая я «холодная кровь», какъ называютъ меня критики? Какой я «пессимистъ?» Вѣдь изъ моихъ вещей самый любимый мой рассказъ — «Студентъ». И слово-то противное: «пессимистъ...»

И порою прибавитъ:

— Когда васъ, милостивый государь, гдѣ-нибудь бранятъ, вы почаще вспоминайте насъ, грѣшныхъ: насъ, какъ въ бурсѣ, критики драли за малѣйшую провинность. Мнѣ одинъ критикъ пророчилъ, что я умру подъ заборомъ: я представлялся ему молодымъ человѣкомъ, выгнаннымъ изъ гимназіи за пьянство.

— Садитесь писать нужно только тогда, когда чувствуешь себя холоднымъ, какъ ледъ, — сказалъ онъ однажды.

«Публикуетъ «Скорпіонъ» о своей книгѣ неряшливо, — писалъ онъ мнѣ послѣ выхода первой книги «Сѣверныхъ Цвѣтовъ». — Выставляетъ меня первымъ, и я, прочитавъ это объявленіе въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», поклялся больше уже никогда не водиться ни со скорпіонами, ни съ крокодилами, ни съ ужами.»

Онъ далъ тогда, по моему настоянію, въ альманахъ «Скорпіона» одинъ изъ своихъ юношескихъ разсказовъ («Въ морѣ»). Впослѣдствіи въ этомъ раскаивался:

— Нѣтъ, все это новое московское искусство — вздоръ, — говорилъ онъ. — Помню, въ Таганрогѣ я видѣлъ вывѣску: «Заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ.» Вотъ и это то же самое. Ново только то, что талантливо. Что талантливо, то ново.

Одно изъ моихъ послѣднихъ воспоминаній о немъ относится къ ранней веснѣ 1903 года. Ялта, гостиница «Россія». Уже поздній вечеръ. Вдругъ зовутъ къ телефону. Подхожу и слышу:

— Милсдарь, возьмите хорошаго извозчика и заѣзжайте за мной. Поѣдемте кататься.

— Кататься? Ночью? Что съ вами, Антонъ Павловичъ?

— Влюбленъ.

— Это хорошо, но уже десятый часъ. И потомъ — вы можете простудиться. . .

— Молодой человѣкъ, не разсуждайте-съ!

Черезъ десять минутъ я былъ въ Ауткѣ. Въ домѣ, гдѣ онъ зимою жилъ только съ матерью, была, какъ всегда, тишина, темнота, тускло горѣли двѣ свѣчки въ кабинетѣ. И, какъ всегда, у меня сжалось сердце при видѣ этого кабинета, гдѣ для него протекло столько одинокихъ зимнихъ вечеровъ.

— Чудесная ночь! — сказалъ онъ съ необычной для него мягкостью и какой-то грустной радостью, встрѣчая меня. — А дома — такая скука! Только и радости, что затрещитъ телефонъ, да кто-нибудь спросить, что я дѣлаю, а я отвѣчу: мышей ловлю. Поѣдемте въ Оріанду.

Ночь была теплая, тихая, съ яснымъ мѣсяцемъ, съ легкими бѣлыми облаками. Экипажъ катился по бѣлому шоссе, мы молчали, глядя на блестящую равнину моря. Потомъ пошелъ лѣсъ съ легкими узорами тѣней, за нимъ зачернѣли толпы кипарисовъ, возносившихся къ звѣздамъ. Когда мы оставили экипажъ и тихо пошли подъ ними, мимо голубовато-блѣдныхъ въ лунномъ свѣтѣ развалинъ дворца, онъ внезапно сказалъ, пріостанавливаясь:

— Знаете, сколько лѣтъ еще будутъ читать меня? Семь.

— Почему семь? — спросилъ я.

— Ну, семь съ половиной.

— Вы грустны сегодня, Антонъ Павловичъ, — сказалъ я, глядя на его лицо, блѣдное отъ луннаго свѣта.

Опустивъ глаза, онъ задумчиво копалъ концомъ палки мелкіе камешки, но, когда я сказалъ, что онъ грустенъ, онъ шутливо покосился на меня.

— Это вы грустны, — отвѣтилъ онъ. — И грустны оттого, что потратились на извозчика.

А потомъ серьезно прибавилъ:

— Читать же меня будутъ все-таки только семь-лѣтъ, а жить мнѣ осталось и того меньше: шесть. Не говорите только объ этомъ одесскимъ репортерамъ...

Тутъ онъ особенно ошибся: прожилъ не шесть лѣтъ, а всего годъ съ небольшимъ.

Одно изъ его послѣднихъ писемъ я получилъ въ январѣ въ Ниццѣ:

«Здравствуйте, милый И. А.! Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Письмо Ваше получилъ, спасибо. У насъ въ Москвѣ все благополучно, новаго (кромя Новаго года) ничего нѣтъ и не предвидится, пьеса моя еще не шла, и когда пойдетъ — неизвѣстно.
Очень возможно, что въ февралѣ я приѣду въ Ниццу. . . Поклонитесь отъ меня милому теплому солнцу, тихому морю. Живите въ свое полное удовольствіе, утѣшайтесь, пишите почаще Вашимъ друзьямъ. . . .
Будьте здоровы, веселы, счастливы и не забывайте бурныхъ сѣверныхъ компатріотовъ, страдающихъ несвареніемъ и дурнымъ расположеніемъ духа. Цѣлую Васъ и обнимаю.»

1904.

II

Однажды онъ сказалъ (по своему обыкновенію, внезапно):

— Знаете, какая разъ была исторія со мной?

И, посмотрѣвъ нѣкоторое время въ лицо мнѣ черезъ пенснэ, принялся хохотать:

— Понимаете, поднимаюсь я какъ-то по главной лѣстницѣ московскаго Благороднаго Собранія, а у зеркала, спиной ко мнѣ, стоитъ Южинъ-Сумбатовъ, держитъ за пуговицу Потапенко и настойчиво, даже сквозь зубы, говоритъ ему: «Да пойми-же ты, что ты теперь первый, первый писатель въ Россіи!» — И вдругъ видитъ въ зеркалѣ меня, краснѣетъ и скороговоркой прибавляетъ, указывая на меня черезъ плечо: «И онъ. . .»

Многимъ это покажется очень страннымъ, но это такъ: онъ не любилъ актрисъ и актеровъ, говорилъ о нихъ:

— На семьдесятъ пять лѣтъ отстали въ развитіи отъ русскаго общества. Пошлые, насквозь прожженные самолюбіемъ люди. Вотъ, на примѣръ, вспоминаю Соловцова. . .

— Позвольте, — говорилъ я, — а помните телеграмму, которую вы отправили Соловцовскому театру послѣ его смерти?

— Мало-ли что приходится писать въ письмахъ, телеграммахъ. Мало-ли что говоришь иногда, чтобы не обижать. . .

И, помолчавъ, съ новымъ смѣхомъ:

— И про Художественный театр. . .

Въ его записной книжкѣ есть кое-что, что я слышалъ отъ него самого. Онъ, на примѣръ, не разъ спрашивалъ меня (каждый разъ забывая, что уже говорилъ это, и каждый разъ смѣясь отъ всей души):

— Послушайте, а вы знаете типъ такой дамы. глядя на которую, всегда думаешь, что у нея подъ корсажемъ жабры?

Не разъ говорилъ:

— Въ природѣ изъ мерзкой гусеницы выходитъ прелестная бабочка, а вотъ у людей наоборотъ: изъ прелестной бабочки выходитъ мерзкая гусеница. . .

— Ужасно обѣдать каждый день съ человѣкомъ, который заикается и говоритъ глупости. . .

— Когда бездарная актриса ѣстъ куропатку, мнѣ жаль куропатку, которая была во сто разъ умнѣй и талантливѣй этой актрисы. . .

— Савина, какъ бы тамъ ни восхищались ею, была на сценѣ то же, что Викторъ Крыловъ среди драматурговъ. . .

Иногда говорилъ:

— Писатель долженъ быть нищимъ, долженъ быть въ такомъ положеніи, чтобы онъ зналъ, что помретъ съ голоду, если не будетъ писать, будетъ потакать своей лѣни. Писателей надо отдавать въ арестантскія ро-

ты и тамъ принуждать ихъ писать карцерами, поркой, побоями. . . Ахъ, какъ я благодаренъ судьбѣ, что былъ въ молодости такъ бѣденъ! Какъ восхищался на Давыдову! Придетъ, бывало, къ ней Маминъ-Сибирякъ: «Александра Аркадьевна, у меня ни копейки, дайте хоть пятьдесятъ рублей авансу». — «Хоть умрите, милый, не дамъ. Дамъ только въ томъ случаѣ, если согласитесь, что я запроу васъ сейчасъ у себя въ кабинетѣ на замокъ, пришлю вамъ черниль, перо, бумаги и три бутылки пива и выпущу только тогда, когда вы постучите и скажете мнѣ, что у васъ готовъ рассказъ.»

А иногда говорилъ совсѣмъ другое:

— Писатель долженъ быть баснословно богатъ, такъ богатъ, чтобы онъ могъ въ любую минуту отправиться въ путешествіе вокругъ свѣта на собственной яхтѣ, снарядить экспедицію къ истокамъ Нила, къ южному полюсу, въ Тибетъ и Аравію, купить себѣ весь Кавказъ или Гималаи. . . Толстой говоритъ, что человѣку нужно всего три аршина земли. Вздоръ — три аршина земли нужно мертвому, а живому нуженъ весь земной шаръ. И особенно — писателю. . .

Говоря о Толстомъ, онъ какъ-то сказалъ:

— Чѣмъ я особенно въ немъ восхищаюсь, такъ это его презрѣніемъ ко всѣмъ намъ, прочимъ писателямъ, или лучше сказать, не презрѣніемъ, а тѣмъ, что онъ всѣхъ насъ, прочихъ писателей, считаетъ совершенно за ничто. Вотъ онъ иногда хвалитъ Мопассана, Куприна, Семенова, меня. . . Отчего хвалитъ? Оттого, что онъ смотритъ на насъ, какъ на дѣтей. Наши повѣсти, рассказы, романы для него дѣтскія игры, и поэтому онъ въ сущности, одними глазами глядитъ и на Мо-

пассана и на Семенова. Вотъ Шекспиръ — другое дѣло. Это уже взрослый, и онъ уже раздражаетъ его, что пишетъ не по-толстовски. . .

Однажды, читая газеты, онъ поднялъ лицо и, не спѣша, безъ интонацій, сказалъ:

— Все время такъ: Короленко и Чеховъ, Потапенко и Чеховъ, Горькій и Чеховъ. . .

Теперь онъ выдѣленъ. Но, думается, и до сихъ поръ не понять какъ слѣдуетъ: слишкомъ своеобразный, сложный былъ онъ человекъ, душа скрытная, застѣнчивая.

Замѣчательная есть строка въ его записной книжкѣ:

— Какъ я буду лежать въ могилѣ одинъ, такъ въ сущности я и живу одинъ.

Въ ту же записную книжку онъ занесъ такія мысли:

— Какъ люди охотно обманываются, какъ любятъ они пророковъ, вѣщателей, какое это стадо!

— На одного умнаго полагается 1000 глупыхъ, на одно умное слово приходится 1000 глупыхъ, и эта тысяча заглушаетъ.

Его заглушали долго. До «Мужиковъ», далеко не лучшей его вещи, большая публика охотно читала его; но для нея онъ былъ только занятный рассказчикъ, авторъ «Винта», «Жалобной книги». Люди «идейные»

интересовались имъ, въ общемъ, мало: признавали его талантливость, но серьезно на него не смотрѣли, — помню, какъ нѣкоторые изъ нихъ искренно хохотали надо мной, юнцомъ, когда я осмѣлился сравнить его съ Гаршиномъ, Короленко, а были и такіе, которые говорили, что и читать-то никогда не стануть челоѡвка, начавшаго писать подъ именемъ Чехонте: «Нельзя представить себѣ, говорили они, чтобы Толстой или Тургеневъ рѣшились замѣнить свое имя такой пошлой кличкой». Въ средѣ литературной отношеніе къ нему было иное, тамъ его нѣкоторые высоко ставили, но тоже съ оговорками.

Настоящая слава пришла къ нему только съ постановкой его пьесъ въ Художественномъ театрѣ. И, должно-быть, это было для него не менѣе обидно, чѣмъ то, что только послѣ «Мужиковъ» заговорили о немъ: вѣдь и пьесы его далеко не лучшее изъ написаннаго имъ, а кромѣ того, это вѣдь значило, что вниманіе къ нему привлекъ театръ, то, что тысячу разъ повторилось его имя на афишахъ, что запомнились: «22 несчастья», «глубокоуважаемый шкапъ», «челоѡвка забыли»... Онъ часто самъ говорилъ:

— Какіе мы драматурги! Единственный, настоящій драматургъ — Найденовъ: прирожденный драматургъ, съ самой что ни на есть драматической пружиной внутри. Онъ долженъ теперь еще десять пьесъ написать и девять разъ провалиться, а на десятый опять такой успѣхъ имѣть, что только ахнешь!

И, помолчавъ, вдругъ заливался радостнымъ смѣхомъ:

— Знаете, я недавно у Толстого въ Гаспрѣ былъ. Онъ еще въ постели лежалъ, но много говорилъ обо

всемъ, и обо мнѣ, между прочимъ. Наконецъ я встаю, прощаюсь. Онъ задерживаетъ мою руку, говоритъ: «Поцѣлуйте меня», и, поцѣловавъ, вдругъ быстро суется къ моему уху и этакой энергичной старческой скороговоркой: «А всетаки пьесьъ вашихъ я терпѣть не могу. Шекспиръ скверно писалъ, а вы еще хуже!»

Я думалъ и думаю, что ему не слѣдовало писать про дворянъ, про помѣщичьи усадьбы, — онъ ихъ не зналъ. Это сказывалось особенно въ его пьесахъ — въ «Дядѣ Ванѣ», въ «Вишневомъ саду». Помѣщики тамъ очень плохи. Героиня «Вишневаго сада», будто бы рожденная въ помѣщичьей средѣ, ни единой чертой не связана съ этой средой, она актриса, написана только для того, чтобы была роль для Книпперъ. Фирсъ — верхъ банальности, а его слова: «человѣка забыли» — подъ занавѣсъ. Да и гдѣ это были помѣщичьи сады, сплошь состоявшіе изъ вишенъ? «Вишневый садокъ» былъ только при хохлацкихъ хатахъ. И зачѣмъ понадобилось Лопахину рубить этотъ «вишневый садъ?» Чтобы фабрику, что-ли, на мѣстѣ вишневаго сада строить?

Долго иначе не называли его, какъ «хмурымъ» писателемъ, «пѣвцомъ сумеречныхъ настроеній», «больнымъ талантомъ», человѣкомъ, смотрящимъ на все безнадежно и равнодушно.

Теперь гнуть палку въ другую сторону. «Чеховская нѣжность, грусть, теплота», «чеховская любовь къ человѣку. . .» Воображаю, что чувствовалъ бы онъ самъ,

читая про свою «нѣжность»! Еще болѣе были бы противны ему «теплота», «грусть».

Говоря о немъ, даже талантливые люди порой берутъ невѣрный тонъ. Напримѣръ, Елпатъевскій: «Я встрѣчалъ у Чехова людей добрыхъ и мягкихъ, нетребовательныхъ и неповелительныхъ, и его влекло къ такимъ людямъ. . . Его всегда влекли къ себѣ тихія долины съ ихъ мглой, туманными мечтами и тихими слезами. . .» Короленко характеризуетъ его талантъ такими жалкими словами, какъ «простота и задушевность», приписываетъ ему «печаль о призракахъ». Одна изъ самыхъ лучшихъ статей о немъ принадлежитъ Шестову, который называетъ его безпощаднѣйшимъ талантомъ.

Точень и скупъ на слова былъ онъ даже въ обыденной жизни. Словомъ онъ чрезвычайно дорожилъ, слово высокопарное, фальшивое, книжное дѣйствовало на него рѣзко; самъ онъ говорилъ прекрасно — всегда по своему, ясно, правильно. Писателя въ его рѣчи не чувствовалось, сравненія, эпитеты онъ употреблялъ рѣдко, а если и употреблялъ, то чаще всего обыденные и никогда не щеголялъ ими, никогда не наслаждался своимъ удачно сказаннымъ словомъ.

Къ «высокимъ» словамъ чувствовалъ ненависть. Замѣчательное мѣсто есть въ однихъ воспоминаніяхъ о немъ: «Однажды я пожаловался Антону Павловичу: «Антонъ Павловичъ, что мнѣ дѣлать? Меня рефлексія заѣла!» И Антонъ Павловичъ отвѣтилъ мнѣ: «А вы поменьше водки пейте.»

Вѣрно, въ силу этой ненависти къ «высокимъ» словамъ, къ неосторожному обращенію со словомъ, свойственному многимъ стихотворцамъ, а теперешнимъ въ особенности, такъ рѣдко удовлетворялся онъ стихами:

— Это стоитъ всего Уреніуса, — сказалъ онъ однажды, вспомнивъ «Парусъ» Лермонтова.

— Какого Уреніуса? — спросилъ я.

— А развѣ нѣтъ такого поэта?

— Нѣтъ.

— Ну, Упрудіуса, — сказалъ онъ серьезно.

— Вотъ умретъ Толстой, все къ чорту пойдетъ! — говорилъ онъ не разъ.

— Литература?

— И литература.

Про московскихъ «декадентовъ», какъ называли ихъ, онъ однажды сказалъ:

— Какіе они декаденты, они здоровеннѣйшіе мужики! Ихъ бы въ арестантскія роты отдать...

Случалось, что собирались у него люди самыхъ различныхъ ранговъ: со всѣми онъ былъ одинаковъ, никому не оказывалъ предпочтенія, никого не заста-

влялъ страдать отъ самолюбія, чувствовать себя забытымъ, лишнимъ. И всѣхъ неизмѣнно держалъ на известномъ разстояніи отъ себя.

Чувство собственнаго достоинства, независимости было у него очень велико.

— Боюсь только Толстого. Вѣдь подумайте, вѣдь это онъ написалъ, что Анна сама чувствовала, видѣла, какъ у нея блестятъ глаза въ темнотѣ!

— Серьезно, я его боюсь, — говоритъ онъ, смѣясь и какъ бы радуясь этой боязни.

И однажды чуть не часъ рѣшалъ, въ какихъ штанахъ поѣхать къ Толстому. Сбросилъ пенснэ, помолодѣлъ и, мѣшая, по своему обыкновенію, шутку съ серьезнымъ, все выходилъ изъ спальни то въ однихъ, то въ другихъ штанахъ:

— Нѣтъ, эти неприлично узки! Подумаетъ: щелкоперъ!

И шель надѣвать другіе, и опять выходилъ, смѣясь:

— А эти шириной съ Черное море! Подумаетъ: нахаль...

Однажды онъ, въ небольшой компаніи близкихъ людей, поѣхалъ въ Алупку и завтракалъ тамъ въ ресторанѣ, былъ веселъ, много шутилъ. Вдругъ изъ сидѣвшихъ за сосѣднимъ столомъ поднялся какой-то господинъ съ бокаломъ въ рукѣ:

— Господа! Я предлагаю тостъ за присутствующаго среди насъ Антона Павловича, гордость нашей литературы, пѣвца сумеречныхъ настроеній...

Поблѣднѣвъ, онѣ всталѣ и вышелѣ. И много разѣ съ негодованіемѣ разсказывалѣ объ этой исторіи.

Я подолгу живалѣ въ Ялтѣ и почти всѣ дни проводилѣ у него. Часто я уѣзжалѣ поздно вечеромѣ, и онѣ говорилѣ:

— Пріѣзжайте завтра пораньше.

Онѣ на нѣкоторыхѣ буквахѣ шепелявилѣ, голосѣ у него былѣ глуховатый, и часто говорилѣ онѣ безѣ отѣнковѣ, какѣ бы бормоча: трудно было иногда понять, серьезно-ли говоритѣ онѣ. И я порой отказывался. Онѣ сбрасывалѣ пенснѣ, прикладывалѣ руки къ сердцу съ едва уловимой улыбкой на блѣдныхѣ губахѣ, раздѣльно повторялѣ:

— Ну, убѣдительноѣше васѣ прошу, господинѣ маркизѣ Букишонѣ! Если вамѣ будетѣ скучно со старымѣ забытымѣ писателемѣ, посидите съ Машей, съ мамашей, которая влюблена въ васѣ, съ моей женой, венгеркой Книпшицѣ. . . Будемѣ говорить о литературѣ. . .

Я пріѣзжалѣ, и случалось, что мы, сидя у него въ кабинетѣ, молчали все утро, просматривая газеты, которыхѣ онѣ получалѣ множество. Онѣ говорилѣ: «Давайте газеты читать и выуживать изѣ провинціальной хроники темы для драмѣ и водевилей.» Иногда попадалось кое-что обо мнѣ, чаще всего что-нибудь очень неумное, и онѣ спѣшилѣ смягчить это:

— Обо мнѣ же еще глупѣе писали, обо мнѣ говорили еще злѣе, а то и совсѣмѣ молчали. . .

Случалось, что во мнѣ находили «чеховское настро-
еніе». Оживляясь, даже волнуясь, онъ восклицалъ съ
мягкой горячностью:

— Ахъ, какъ это глупо! Ахъ, какъ глупо! И меня
допекали «тургеневскими нотами». Мы похожи съ ва-
ми, какъ борзая на гончую. Вы, напримѣръ, гораздо
рѣзче меня. Вы вонъ пишете: «море пахнетъ арбу-
зомъ»... Это чудесно, но я бы такъ не сказалъ. Вотъ
про курсистку — другое дѣло...

— Про какую курсистку?

— А помните, мы съ вами выдумывали рассказъ:
жара, степь за Харьковомъ, идетъ длиннѣйшій почто-
вый поѣздъ... А вы прибавили: курсистка въ кожа-
номъ поясѣ стоитъ у окна вагона третьяго класса и
вытряхиваетъ изъ чайника мокрый чай. Чай летитъ по
вѣтру въ лицо толстаго господина, высунувшагося изъ
другого окна...

Иногда онъ вдругъ опускалъ газету, сбрасывалъ
пенснэ и принимался тихо и сладко хохотать.

— Что такое вы прочли?

— Самарскій купецъ Бабкинъ, — хохоча, отвѣчалъ
онъ тонкимъ голосомъ, — завѣщалъ все свое состоя-
ніе на памятникъ Гегелю.

— Вы шутите?

— Ей Богу, нѣтъ. Гегелю.

А то, опуская газету, внезапно спрашивалъ:

— Что вы обо мнѣ будете писать въ своихъ воспо-
минаніяхъ?

— Это вы будете обо мнѣ писать. Вы переживете
меня.

— Да вы мнѣ въ дѣти ходите.

— Все равно. Въ васъ народная кровь.

— А въ васъ дворянская. Мужики и купцы страшно быстро вырождаются. Прочтите-ка мою повѣсть «Три года». А потомъ вы же здоровеннѣйшій мужчина, только худы очень, какъ хорошая борзая. Принимайте аппетитныя капли и будете жить сто лѣтъ. Я пропишу вамъ нынче же, я вѣдь докторъ. Ко мнѣ самъ Никодимъ Палычъ Кондаковъ обращался, и я его отъ геммороя вылечилъ. А въ воспоминаніяхъ обо мнѣ не пишите, что я былъ «симпатичный талантъ и кристальной чистоты человекъ.»

— Это про меня писали, — говорилъ я, — писали, будто я симпатичное дарованіе.

Онъ принимался хохотать съ тѣмъ мучительнымъ удовольствіемъ, съ которымъ онъ хохоталъ тогда, когда ему что-нибудь особенно нравилось.

— Пойдите, а какъ это про васъ Короленко написалъ?

— Это не Короленко, а Златовратскій. Про одинъ изъ моихъ первыхъ рассказовъ. Онъ написалъ, что этотъ рассказъ «сдѣлалъ бы честь и болѣе крупному таланту.»

Онъ со смѣхомъ падалъ головой на колѣни, потомъ надѣвалъ пенснэ и, глядя на меня зорко и весело, говорилъ:

— Все таки это лучше, чѣмъ про меня писали. Насъ, какъ въ бурсѣ, критики каждую субботу драли. И подѣломъ. Я началъ писать, какъ послѣдній сукинъ сынъ. Я вѣдь пролетарій. Въ дѣтствѣ, въ нашей таганрогской лавочкѣ, я сальными свѣчами торговалъ. Ахъ, какой тамъ проклятый холодъ былъ! А я все таки съ наслажденіемъ заворачивалъ эту ледяную свѣчку въ обрывокъ хлопчатой бумаги. А нужникъ у насъ былъ

на пустырь, за версту отъ дома. Бывало, прибѣжишь туда ночью, а тамъ жуликъ ночуетъ. Испугаемся другъ друга ужасно! — Только вотъ вамъ мой совѣтъ, — вдругъ прибавлялъ онъ: — перестаньте быть диллантами, сдѣлайтесь хоть немного мастеровымъ. Это очень скверно, какъ я долженъ былъ писать — изъ за куска хлѣба, но въ нѣкоторой мѣрѣ обязательно надо быть мастеровымъ, а не ждать все время вдохновенья.

Потомъ, помолчавъ:

— А Короленкѣ надо женѣ измѣнить, обязательно, — чтобы начать лучше писать. А то онъ черезчуръ благороденъ. Помните, какъ вы мнѣ рассказывали, какъ онъ до слезъ восхищался однажды стихами въ «Русскомъ Богатствѣ» какого-то Вербова или Вѣткова, гдѣ описывались «волки реакціи», обступившіе пѣвца, народнаго поэта, въ полѣ, въ страшную мятель, и то, какъ онъ такъ звучно ударилъ по струнамъ лиры, что волки въ страхѣ разбѣжались? Это вы правду рассказывали?

— Честное слово, правду.

— А кстати: вы знаете, что въ Перми всѣ извозчики похожи на Добролюбова?

— Вы не любите Добролюбова?

— Нѣтъ, люблю. Это же порядочные были люди. Не то, что Скабичевскій, который писалъ, что я умру подъ заборомъ отъ пьянства, такъ какъ у меня «искры Божьей нѣтъ.»

— Вы знаете, — говорилъ я, — мнѣ Скабичевскій сказалъ однажды, что онъ за всю свою жизнь не видалъ, какъ растетъ рожь, и ни съ однимъ мужикомъ не разговаривалъ.

— Ну, вотъ, вотъ, а всю жизнь про народъ и про рассказы изъ народнаго быта писалъ. . . Да, страшно вспомнить, что обо мнѣ писали! И кровь-то у меня холодная, — помните у меня рассказъ «Холодная кровь»? — и изображать-то мнѣ рѣшительно все равно что именно — собаку или утопленника, поѣздъ или первую любовь. . . Меня еще спасали «Хмурые люди», — находили, что это рассказы все таки стоящіе, потому что тамъ будто-бы изображена реакція восьмидесятыхъ годовъ. Да еще рассказъ «Припадокъ» — тамъ «честный» студентъ съ ума сходитъ при мысли о проституціи. А я русскихъ студентовъ терпѣть не могу — они же лодыри. . .

Разъ, когда онъ опять какъ то сталъ шутя приставать ко мнѣ, что именно напишу я о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ, я отвѣтилъ:

— Я напишу прежде всего, какъ и почему я познакомился съ вами въ Москвѣ. Это было въ девяносто пятомъ году, въ декабрѣ. Я не зналъ, что вы пріѣхали въ Москву. Но вотъ, сидимъ мы однажды съ однимъ поэтомъ въ Большомъ Московскомъ, пьемъ красное вино, слушаемъ машину, а поэтъ все читаетъ свои стихи, все больше и больше восторгаясь. Вышли мы очень поздно, и поэтъ былъ уже такъ возбужденъ, что и на лѣстницѣ продолжалъ читать. Такъ, читая, онъ сталъ и свое пальто на вѣшалкѣ искать. Швейцаръ ему нѣжно: «Позвольте, господинъ, я самъ найду. . .» Поэтъ на него звѣремъ: «Молчать, не мѣшай!» — «Но, позвольте, господинъ, это не ваше пальто. . .» «Какъ,

негодяй? Значить я чужое пальто беру?» — «Такъ точно, чужое-съ». — «Молчать, негодяй, это мое пальто!» — «Да нѣтъ же, господинъ, это не ваше пальто!» — «Тогда говори сію же минуту, чье?» — «Антон Павловича Чехова». — «Врешь, я убью тебя за эту ложь на мѣстѣ!» — «Есть на то воля ваша, только это пальто Антона Павловича Чехова». — «Такъ, значитъ, онъ здѣсь?» — «Всегда у насъ останавливаются. . .» И вотъ, мы чуть не кинулись къ вамъ знакомиться, въ три часа ночи. Но, къ счастью, удержались и пришли на другой день, и на первый разъ не застали — видѣли только вашъ номеръ, который убирала горничная, и вашу рукопись на столѣ. Это было начало «Бабьяго царства».

Онъ помиралъ со смѣху и спрашивалъ:

— Кто этотъ поэтъ, догадываюсь. Милѣйшій человекъ! А откуда вы узнали, какая именно рукопись лежала у меня на столѣ? Значить, подсмотрѣли?

— Простите, дорогой, не удержались.

— А жалко, что вы не зашли ночью. Это очень хорошо — закатиться куда-нибудь ночью, внезапно. Я люблю рестораны.

Необыкновенно хохоталъ онъ однажды, когда я рассказалъ ему, что нашъ сельскій дьяконъ до крупинки съѣлъ какъ-то, на именинахъ моего отца, фунта два икры. Этой исторіей онъ началъ рассказъ «Въ оврагѣ».

Онъ любилъ повторять, что если человекъ не работаетъ, не живетъ постоянно въ художественной атмосферѣ, то, будь онъ хоть Соломонъ премудрый, все будетъ чувствовать себя пустымъ, бездарнымъ.

Иногда вынималъ изъ стола свою записную книжку и, поднявъ лицо и блестя стеклами пенснэ, моталъ ею въ воздухъ:

— Ровно сто сюжетовъ! Да-съ, милсдарь! Не вамъ, молодымъ, чета! Работникъ! Хотите, парочку продамъ?

Иногда онъ разрѣшалъ себѣ вечернія прогулки. Разъ возвращаемся съ такой прогулки уже поздно. Онъ очень усталъ, идетъ черезъ силу, — за послѣдніе дни много смочилъ платковъ кровью, — молчитъ, прикрываетъ глаза. Проходимъ мимо балкона, за парусиной котораго свѣтъ и силуэты женщинъ. И вдругъ онъ открываетъ глаза и очень громко говоритъ:

— А слышали? Какой ужасъ! Бунина убили! Въ Ауткѣ, у одной татарки!

Я останавливаюсь отъ изумленія, а онъ съ радостными глазами быстро шепчетъ:

— Молчите! Завтра вся Ялта будетъ говорить объ убійствѣ Бунина!

Одинъ писатель жаловался: «До слезъ стыдно, какъ слабо, плохо началъ я писать!»

— Ахъ, что вы, что вы! — воскликнулъ онъ. — Это же чудесно — плохо начать! Поймите же, что, если у начинающаго писателя сразу выходитъ все честь честью, ему крышка, пиши пропало!

И горячо сталъ доказывать, что рано и быстро созрѣваютъ только люди *способные*, то-есть не оригинальные, таланта, въ сущности, лишенные, потому что способность равняется умѣнью приспособляться и «жить она легко», а талантъ мучится, ища проявленія себя.

По берегамъ Чернаго моря работало много турокъ, кавказцевъ. Зная то недоброжелательство, смѣшанное съ презрѣнiемъ, какое есть у насъ къ инородцамъ, онъ не упускалъ случая съ восхищенiемъ сказать, какой это трудолюбивый, честный народъ.

Онъ мало ѣлъ, мало спалъ, очень любилъ порядокъ. Въ комнатахъ его была удивительная чистота, спальня была похожа на дѣвичью. Какъ ни слабъ бывалъ онъ порой, ни малѣйшей поблажки не давалъ онъ себѣ въ одеждѣ.

Руки у него были большія, сухія, прiятныя.

Какъ почти всѣ, кто много думаетъ, онъ нерѣдко забывалъ то, что уже не разъ говорилъ.

Помню его молчаніе, покашливаніе, прикрываніе глазъ, думу на лицѣ, спокойную и печальную, почти важную. Только не «грусть», не «теплоту».

Крымскій зимній день, сѣрый, прохладный, сонныя густыя облака на Яйлѣ. Въ чеховскомъ домѣ тихо, мѣрный стукъ будильника изъ комнаты Евгеніи Яковлевны. Онъ, безъ пенснэ, сидитъ въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, не спѣша, аккуратно записываетъ что-то. Потомъ встаетъ, надѣваетъ пальто, шляпу, кожаныя мелкія калоши, уходитъ куда-то, гдѣ стоитъ мышеловка. Возвращается, держа за кончикъ хвоста живую мышъ, выходитъ на крыльцо, медленно проходитъ садъ вплоть до ограды, за которой татарское кладбище на каменистомъ бугрѣ. Осторожно бросаетъ туда мышъ и, внимательно оглядывая молодыя деревца, идетъ къ скамеечкѣ среди сада. За нимъ бѣжитъ журавль, двѣ собачонки. Сѣвъ, онъ осторожно играетъ тросточкой съ одной изъ нихъ, упавшей у его ногъ на спину, усмѣхается: блохи ползутъ по розовому брюшку. . . . Потомъ, прислонясь къ скамьѣ, смотритъ вдаль, на Яйлу, поднявъ лицо, что-то думая. Сидитъ такъ часъ, полтора. . .

Была ли въ его жизни хоть одна большая любовь? Думаю, что нѣтъ.

«Любовь, — писалъ онъ въ своей записной книжкѣ, — это или остатокъ чего-то вырождающагося, бывшаго когда-то громаднымъ, или же это часть того, что въ будущемъ разовьется въ нѣчто громадное, въ на-

стоящемъ же оно не удовлетворяетъ, даетъ гораздо меньше, чѣмъ ждешь.»

Что думалъ онъ о смерти?

Много разъ старательно-твердо говорилъ, что безсмертіе, жизнь послѣ смерти въ какой-бы то ни было формѣ — сущій вздоръ:

— Это суевѣріе. А всякое суевѣріе ужасно. Надо мыслить ясно и смѣло. Мы какъ-нибудь потолкуемъ съ вами объ этомъ основательно. Я, какъ дважды два четыре, докажу вамъ, что безсмертіе — вздоръ.

Но потомъ нѣсколько разъ еще тверже говорилъ противоположное:

— Ни въ коемъ случаѣ не можемъ мы исчезнуть безъ слѣда. Обязательно будемъ жить послѣ смерти. Безсмертіе — фактъ. Вотъ погодите, я докажу вамъ это...

Послѣднее время часто мечталъ вслухъ:

— Стать бы бродягой, странникомъ, ходить по святымъ мѣстамъ, поселиться въ монастырѣ среди лѣса, у озера, сидѣть лѣтнимъ вечеромъ на лавочкѣ возлѣ монастырскихъ воротъ...

Его «Архіерей» прошелъ незамѣченнымъ — не то что «Вишневый садъ» съ большими бумажными цвѣ-

тами, невѣроятно густо бѣлѣвшими за театральными окнами. И кто знаетъ, что было бы съ его славой, не будь «Винта», «Мужиковъ», Художественнаго театра!

«Черезъ мѣсяць былъ назначенъ новый викарный архіерей, а о преосвященномъ Петрѣ уже никто не вспоминалъ. А потомъ и совсѣмъ забыли. И только старуха, мать покойнаго, которая живетъ теперь въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ, когда выходила подъ вечеръ, чтобы встрѣтить свою корову; и сходилась на выгонѣ съ другими женщинами, то начинала рассказывать о дѣтяхъ, о внукахъ, о томъ, что у нея былъ сынъ архіерей, и при этомъ говорила робко, боясь, что ей не повѣрятъ. . . И ей въ самомъ дѣлѣ не всѣ вѣрили...»

Последнее письмо я получилъ отъ него въ срединѣ іюня 1904 года, живя въ деревнѣ. Онъ писалъ, что чувствуетъ онъ себя недурно, заказалъ себѣ бѣлый костюмъ, огорчается только за Японію, «чудесную страну», которую, конечно разобьетъ и раздавитъ Россія. Четвертаго іюля я поѣхалъ верхомъ въ село на почту, взялъ тамъ газеты, письма и завернулъ въ кузницу перековать лошади ногу. Былъ жаркій и сонный степной день, съ тусклымъ блескомъ неба, съ горячимъ южнымъ вѣтромъ. Я развернулъ газету, сидя на порогѣ кузнецовой избы, — и вдругъ точно ледяная бритва полоснула мнѣ по сердцу. . .

Смерть его ускорила простуда. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы за границу онъ пошелъ въ баню и, вымывшись, одѣлся и вышелъ слишкомъ рано: встрѣтился въ предбанникѣ съ Сергѣенко и бѣжалъ отъ него, отъ его навязчивости, болтливости. . .

Это тотъ самый Сергѣенко, который много лѣтъ надѣдалъ Толстому («Какъ живетъ и работаетъ Толстой») и котораго Чеховъ, за его удобу и длинный ростъ, называлъ такъ:

— Погребальныя дроги стоймя.

1914.

ТОЛСТОЙ

Я чуть не съ дѣтства жилъ въ восхищеніи имъ.

Мальчиномъ я уже имѣлъ нѣкоторое представленіе о немъ, но не изъ чтенія его книгъ, а по разговорамъ у насъ въ домъ. Между прочимъ, помню, что отецъ нерѣдко смѣялся, рассказывая, какъ читаютъ «Войну и Миръ» наши нѣкоторые сосѣди помѣщики: одинъ читаетъ только «Войну», а другой только «Миръ», то есть одинъ, читая, пропускаетъ все, что касается войны, а другой — наоборотъ. И чувства къ Толстому были у меня тогда уже не простыя. Отецъ говорилъ:

— Я его немного зналъ. Во время севастопольской кампаніи встрѣчалъ...

И, помню, я на него смотрѣлъ съ восторженнымъ удивленіемъ: живого Толстого видѣлъ!

Откуда были у меня такія чувства къ человеку, котораго я еще ни строчки не прочелъ? Но съ меня было довольно уже того, что онъ писатель. Съ самаго дѣтства писатели были для меня существами какого-то совершенно особаго рода, къ которымъ я испытывалъ какое-то непередаваемое чувство, котораго я и до сихъ поръ не умѣю опредѣлить, какъ не умѣю сказать, какъ, когда и почему я самъ сталъ писателемъ. Отвѣтитъ на

это для меня такъ же невозможно, какъ на то, съ какихъ поръ и какъ вообще я сталъ тѣмъ, что я есть. Когда-же (какъ-то само собою) рѣшилось, что мнѣ надлежитъ быть только писателемъ, моей второй жизнью стала жизнь въ томъ мѣрѣ, гдѣ поэты, писатели. Но опять не помню, когда именно началъ я читать Толстого и какъ случилось, что я выдѣлилъ его изъ прочихъ. Бываетъ, что человѣкъ открываетъ что-нибудь прекрасное и дорогое для него внезапно, съ изумленіемъ. Этого со мной по отношенію къ Толстому не было, такой минуты я не помню. Вообще то прекрасное, что я встрѣчалъ въ дѣтствѣ, отрочествѣ, молодости, кажется, никогда не удивляло меня, — напротивъ; у меня было такое чувство, точно я зналъ его уже давно, такъ что мнѣ оставалось только радоваться встрѣчѣ съ нимъ.

А затѣмъ долгіе годы я былъ по настоящему влюбленъ въ него, въ тотъ мной самимъ созданный образъ, который томилъ меня мечтой увидѣть его наяву. Мечта эта была неотступная, но какъ я могъ тогда осуществить ее? Поѣхать въ Ясную Поляну? Но съ какой стати, съ какими глазами? Разъ я не выдержалъ: въ одинъ прекрасный лѣтній день внезапно осѣдлалъ своего верхового киргиза и закатился на Ефремовъ, въ сторону Ясной Поляны, до которой отъ насъ было не больше ста верстъ. Но, доскакавъ до Ефремова, струсилъ, рѣшилъ обдумать дѣло серьезнѣе, переночевать въ Ефремовѣ — и все ночь не могъ заснуть отъ волненія, отъ поминутной смѣны рѣшеній, ѣхать или не ѣхать, скитался всю ночь по городу и такъ усталъ, что, зайдя на разсвѣтѣ въ городской садъ, мертвымъ сномъ заснулъ на первой попавшейся скамейкѣ, а проснув-

шись, и совсѣмъ протрезвился, подумалъ еще немного — и поскакалъ назадъ, домой, гдѣ работники сказали мнѣ:

— Эхъ, барчукъ, барчукъ, и какъ только ухитрились вы такъ обработать киргиза за однѣ сутки! За кѣмъ это вы гонялись?

Послѣ того я напрасно «гонялся» за Толстымъ еще нѣсколько лѣтъ.

Въ молодости, плѣненный мечтами о чистой, здоровой и доброй жизни среди природы, собственными трудами, въ простой одеждѣ, въ братской дружбѣ не только со всѣми бѣдными и угнетенными людьми, но и со всѣмъ растительнымъ и животнымъ міромъ, главное же опять таки отъ влюбленности въ Толстого, какъ художника, я сталъ толстовцемъ, — конечно, не безъ тайной надежды, что это дастъ мнѣ, наконецъ, уже какъ бы нѣсколько законное право увидѣть его и даже, можетъ быть, войти въ число людей, приближенныхъ къ нему. И вотъ, началось мое толстовское «послушаніе.»

Я жилъ тогда въ Полтавѣ, гдѣ почему-то оказалось не мало толстовцевъ, съ которыми я вскорѣ и сблизился. Въ общемъ это былъ совершенно несносный народъ; но я терпѣлъ. Первый кого я узналъ, былъ нѣкто Клопскій, человекъ довольно извѣстный въ то время въ нѣкоторыхъ кругахъ и даже попавшій въ герои нашумѣвшей тогда повѣсти Коронина «Учитель жизни». Это былъ высокій, худой человекъ въ длинныхъ сапогахъ и въ блузѣ, съ узкимъ сѣрымъ ликомъ и бирюзовыми глазами, хитрый нахаль и плутъ, неутомимый болтунъ, вѣчно всѣхъ поучавшій, наставлявшій, любившій ошеломлять неожиданными выходками, дер-

зостями и вообще всей той манерой вести себя, при помощи которой онъ довольно сытно и весело шатался изъ города въ городъ. Среди полтавскихъ толстовцевъ былъ докторъ Александръ Александровичъ Волкенштейнъ, по происхожденію и по натурѣ большой баринъ, кое въ чемъ походившій на Стиву Облонскаго. И вотъ, явившись въ Полтаву, Клопскій первымъ дѣломъ отправляется къ Волкенштейну и очень скоро попадаетъ черезъ него въ полтавскіе салоны, куда Волкенштейнъ проводитъ его и съ «идейной» цѣлью, какъ проповѣдника, и просто для забавы, какъ курьезную фигуру, и гдѣ Клопскій говоритъ, на примѣръ, такія вещи:

— Да, да, вижу, какъ вы тутъ живете: лжете да конфетами закусываете, да идоламъ своимъ по церквямъ, которыя уже давно пора на воздухъ взорвать, молебны служите! И когда только вообще кончатся всѣ тѣ нелѣпости и мерзости, въ которыхъ тонетъ міръ? Вотъ, скажемъ, ѣхалъ я сюда изъ Харькова: приходитъ человѣкъ, называемый почему-то кондукторомъ, и говоритъ: «вашъ билетъ.» Я его спрашиваю: а что это значитъ, какой, собственно, билетъ? Отвѣчаетъ: но билетъ, по которому вы ѣдете? А я ему опять свое: позвольте, я не по билету, а по рельсамъ ѣду. — Значитъ, говоритъ, у васъ билета нѣту? — Конечно, говорю, нѣту. — Въ такомъ случаѣ мы васъ на слѣдующей станціи высадимъ. — Прекрасно, говорю, это ваше дѣло, а мое дѣло ѣхать. На слѣдующей станціи дѣйствительно являются: пожалуйста выходить. Но зачѣмъ-же, говорю, выходить, мнѣ и тутъ хорошо. — Значитъ, вы выходить не желаете? — Разумѣется, нѣтъ. — Тогда мы васъ выведемъ. — Выведете? Но я

не пойду. — Тогда вытащимъ, вынесемъ. — Что же, выносите, это ваше дѣло. — И вотъ, меня, дѣйствительно, тащутъ: несутъ на рукахъ, на диво всей почтенной публикѣ, два рослыхъ бездѣльника, два мужика, которые съ гораздо большей пользой могли бы землю пахать.

Таковъ былъ этотъ въ нѣкоторомъ родѣ знаменитый Клопскій. Прочіе были не знамениты, но тоже хороши. Это были братья Д., сѣвшіе на землю подъ Полтавой, люди необыкновенно скучные, тупые и самомнительные, хотя съ виду весьма смиренные, затѣмъ нѣкто Леонтьевъ, щуплый и маленькій молодой человѣкъ болѣзненной, но рѣдкой красоты, бывшій пажъ, тоже мучившій себя мужицкимъ трудомъ и тоже лгавшій и себѣ, и другимъ, что онъ очень счастливъ этимъ, затѣмъ громадный еврей, похожій на матерого русскаго мужика, ставшій впоследствии извѣстнымъ подъ именемъ Теноромо, человѣкъ, державшійся всегда съ необыкновенной важностью и снисходительностью къ простымъ смертнымъ, нестерпимый риторъ, софистъ, занимавшійся бондарнымъ ремесломъ. Къ нему-то подъ начало и попалъ я. Онъ-то и былъ мой главный наставникъ, какъ въ «ученіи», такъ и въ жизни трудами рукъ своихъ: я былъ у него подмастерьемъ, учился набивать обручи. Для чего мнѣ нужны были эти обручи? Для того опять таки, что они какъ-то соединяли меня съ Толстымъ, давали мнѣ тайную надежду когда-нибудь увидеть его, войти въ близость съ нимъ. И, къ великому моему счастью, надежда эта вскорѣ совершенно неожиданно оправдалась. Вскорѣ вся братія смотрѣла на меня уже какъ на своего, и Волкенштейнъ — это было въ самомъ концѣ девяносто тре-

тѣяго года — вдругъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ сперва къ «братьямъ» въ Харьковскую губернію, къ мужикамъ села Хилково, — принадлежавшаго извѣстному толстовцу князю Хилкову, — а затѣмъ въ Москву, къ самому Толстому.

Трудное это было путешествіе. Ѣхали мы въ третьемъ классѣ, съ пересадками, все норовя попадать въ вагоны наиболѣе простонародные, ѣли «безубойное», то есть чортъ знаетъ что, хотя Волкенштейнъ иногда и не выдерживалъ, вдругъ бѣжалъ къ буфету и съ страшной жадностью глоталъ одну за другой двѣ-три рюмки водки, закусывая и обжигаясь пирожками съ мясомъ, а потомъ пресерьезно говорилъ мнѣ:

— Я опять далъ волю своей похоти и очень страдаю отъ этого, но все же борюсь съ собой и все же знаю, что не пирожки владѣютъ мной, а я ими: я не рабъ ихъ, хочу — ѣмъ, хочу — не ѣмъ. . .

Трудно было ѣхать потому больше всего, что я сгоралъ отъ нетерпѣнія поскорѣй попасть въ Москву, намъ-же, видите-ли, непременно надо было ѣхать съ плохими поѣздами, а кромѣ того пожить съ хилковскими «братьями», войти въ личное общеніе съ ними и «укрѣпить» и себя и ихъ этимъ общеніемъ на путяхъ «доброй» жизни. Мы такъ и сдѣлали — пожили у хилковскихъ мужиковъ, кажется, дня три или четыре, и я возненавидѣлъ за эти дни этихъ богатыхъ, благочестивыхъ, благихъ на видъ мужиковъ, ночевки въ ихъ избахъ, ихъ пироги съ начинкой изъ картофеля, ихъ псалмопѣнія, ихъ рассказы про ихъ непрестанную и лютую борьбу «съ попами и начальниками» и буквоѣдскіе споры о Писаніи истинно всѣми силами души. Наконецъ, перваго января, мы тронулись дальше. По-

мню, я проснулся въ тотъ день съ такой радостью, что совсѣмъ забылся и брякнулъ: «Съ новымъ годомъ, Александръ Александровичъ!» — за что и получилъ отъ Александра Александровича жесточайшій нагоняй: что это значитъ — новый годъ, понимаю-ли я, какую старую бессмыслицу повторяю я? Однако не до того мнѣ было тогда. Я слушалъ и думалъ: прекрасно, прекрасно, все это сущій вздоръ, — завтра вечеромъ мы будемъ въ Москвѣ, а послѣ завтра я увижу Толстого... И такъ оно и случилось.

Волкенштейнъ кровно обидѣлъ меня: поѣхалъ къ Толстому сію же минуту послѣ того, какъ мы добрались до московской гостиницы, а меня съ собой не взялъ: — «Нельзя, нельзя, надо предупредить Льва Николаевича, я предупрежу, предупрежу» — и убѣжалъ. А вернулся домой очень поздно и даже ничего не рассказаль о своемъ визитѣ, только поспѣшно кинулъ мнѣ: «Я точно живой воды напился!» — при чемъ я совершенно безошибочно опредѣлилъ по запаху отъ него, что онъ, послѣ живой воды, пилъ еще и шамбертенъ, затѣмъ, очевидно, чтобы доказать, что не онъ рабъ шамбертена, а шамбертенъ его рабъ. Хорошо было только то, что Толстого онъ все таки предупредилъ, хотя я даже и на это мало надѣялся: очень милый, но ужъ очень легкомысленный человекъ былъ этотъ слегка женоподобный, полнѣющій, красивый брюнетъ. На другой день вечеромъ я, внѣ себя, побѣжалъ, наконецъ, въ Хамовники.

Какъ рассказать все послѣдующее?

Лунный морозный вечеръ. Добѣжалъ, стою и едва перевожу дыханіе. Кругомъ глушь и тишина, пустой лунный переулокъ. Передо мной ворота, раскрытая ка-

литка, снѣжный дворъ. Въ глубинѣ, налѣво, деревян-
ный, домъ, нѣкоторыя окна котораго красновато освѣ-
щены. Еще лѣвѣе, за домомъ, садъ и надъ нимъ тихо
играющія разноцвѣтными лучами сказочно-прелест-
ныя зимнія звѣзды. Да и все вокругъ сказочное. Ка-
кой особый садъ, какой необыкновенный домъ, какъ та-
инственны и полны значенія эти освѣщенные окна:
вѣдь за ними — Онъ, Онъ! И такая тишина, что слыш-
но, какъ колотится сердце — и отъ радости, и отъ
страшной мысли: а не лучше ли поглядѣть на этотъ
домъ и убѣжать назадъ? Отчаянно кидаюсь, наконецъ,
во дворъ, на крыльцо дома и звоню. Тотчасъ же отво-
ряютъ — и я вижу лакея въ плохенькомъ фракѣ и
«свѣтлую прихожую, теплую, уютную, со множествомъ
шубъ на вѣшалкахъ, среди которыхъ рѣзко выдѣля-
ется старый полушубокъ. Прямо передо мной крутая
лѣстница, крытая краснымъ сукномъ. Правѣе, подъ
нею, запертая дверь, за которой слышны гитары и ве-
селье молодые голоса, удивительно беззаботные къ
тому, что они раздаются въ такомъ совершенно не-
обыкновенномъ домѣ.

— Какъ прикажете доложить?

— Бунинъ.

— Какъ-съ?

— Бунинъ.

— Слушаю-съ.

И лакей убѣгаетъ наверхъ и, къ моему удивленію,
тотчасъ-же, вприпрыжку, бочкомъ, перехватывая ру-
кой по периламъ, сбѣгаетъ назадъ:

— Пожалуйста обождать наверхъ, въ залу...

А въ залѣ я удивляюсь еще больше: едва вхожу,
какъ въ глубинѣ его налѣво тотчасъ-же, не заставляя

меня ждать, открывается маленькая дверка и изъ-за нея быстро, съ неуклюжей ловкостью выдергиваетъ ноги, выныриваетъ, — ибо за этой дверкой было двѣтри ступеньки въ коридоръ, — кто-то большой, сѣдобородый, слегка какъ будто кривоногий, въ широкой, мѣшковато сшитой блузѣ изъ сѣрой бумазеи, въ такихъ же штанахъ, больше похожихъ на шаровары, и въ тупоносыхъ башмакахъ. Быстрый, легкій, страшный, остроглазый, съ насупленными бровями. И быстро идетъ прямо на меня, — межъ тѣмъ, какъ я все-таки успѣваю замѣтить, что въ его походкѣ, вообще во всей посадкѣ есть какое-то сходство съ моимъ отцомъ, — быстро (и немного присѣдая) подходитъ ко мнѣ, протягиваетъ, вѣрнѣе, ладонью вверхъ бросаетъ большую руку, забираетъ въ нее всю мою, мягко жметъ и неожиданно улыбается очаровательной улыбкой, ласковой и какой-то вмѣстѣ съ тѣмъ горестной, даже какъ-бы слегка жалостной, и я вижу, что эти маленькіе глаза вовсе не страшные и не острые, а только по звѣриному зоркіе. Легкіе и жидкіе остатки сѣрыхъ (на концахъ слегка завивающихся) волосъ по крестьянски раздѣлены на прямой проборъ, очень большія уши сидятъ необычайно высоко, бугры бровныхъ дугъ надвинуты на глаза, борода, сухая, легкая, неровная, сквозная, позволяетъ видѣть слегка выступающую нижнюю челюсть. . .

— Бунинъ? Это съ вашимъ батюшкой я встрѣчался въ Крыму? Вы что-же, надолго въ Москву? За чѣмъ? Ко мнѣ? Молодой писатель? Пишите, пишите, если очень хочется, только помните, что это никакъ не можетъ быть цѣлью жизни. . . Садитесь пожалуйста и расскажите мнѣ о себѣ. . .

Онъ и заговорилъ такъ же поспѣшно, какъ вошелъ, мгновенно сдѣлавъ видъ, будто не замѣтилъ моей полной потерянности, и торопясь вывести меня изъ нея, отвлечь отъ нея меня. Что онъ еще говорилъ? Все разспрашивалъ:

— Холосты? Женаты? Съ женщиной можно жить только какъ съ женой и не оставлять ее никогда. . . Хотите жить простой, трудовой жизнью? Это хорошо, только не насилуйте себя, не дѣлайте себѣ мундира изъ нея, во всякой жизни можно быть хорошимъ человекомъ. . .

Мы сидѣли возлѣ маленькаго столика. Довольно высокая старинная фаянсовая лампа мягко горѣла подъ розовымъ абажуромъ. Лицо его было за лампой, въ легкой тѣни, я видѣлъ только очень мягкую сѣрую матерію его блузы, да его крупную руку, къ которой мнѣ хотѣлось припасть съ восторженной, истинно сыновней нѣжностью, да слышалъ его старческій слегка альтерный голосъ съ характернымъ звукомъ нѣсколько выдающейся челюсти. . . Вдругъ зашуршалъ шелкъ, я взглянулъ, вздрогнулъ, поднялся: — изъ гостиной плавно шла крупная и нарядная, сіяющая чернымъ шелковымъ платьемъ, чудесно убранными волосами и живыми, сплошь темными глазами дама:

— Léon, — сказала она, ты забылъ, что тебя ждутъ. . .

И онъ тоже поднялся и съ извиняющеюся, даже какъ бы чуть виноватой улыбкой, съ поднятыми бровями, глядя мнѣ прямо въ лицо своими маленькими глазами, въ которыхъ все была какая-то темная грусть, опять забралъ мою руку въ свою:

— Ну, до свиданія, до свиданія, дай вамъ Богъ, приходите ко мнѣ, когда опять будете въ Москвѣ. . . Не ждите многого отъ жизни, лучшаго времени, чѣмъ теперь, у васъ не будетъ. . . Счастья въ жизни нѣтъ, есть только зарницы его, — цѣните ихъ, живите ими. . .

И я ушелъ, убѣждалъ, совершенно внѣ себя, и провелъ вполне сумасшедшую ночь, непрерывно видѣлъ его во снѣ съ такой разительной яркостью и въ такой дикой путаницѣ, что и теперь вспомнить жутко, хватывалъ себя, просыпаясь, на томъ, что я что-то бормочу, брежу. . .

Возвратясь въ Полтаву, я писалъ ему и получилъ отъ него нѣсколько ласковыхъ отвѣтныхъ писемъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ опять далъ мнѣ понять, что не стоитъ мнѣ такъ ужъ стараться быть толстовцемъ, но я все не унимался: обручи набивать бросилъ, но сталъ торговать книжками «Посредника», незаконно, безъ должнаго разрѣшенія продавать ихъ на базархъ, на ярмаркахъ, за что и былъ судимъ и приговоренъ сидѣть въ тюрьмѣ, — отъ которой меня спасъ, къ моему тогдашнему большому горю, царскій манифестъ — затѣмъ завелъ книжную лавку, полтавское отдѣленіе «Посредника», и такъ запуталъ счеты, что порою примѣривался повѣситься. Въ концѣ концовъ я эту лавку просто бросилъ, уѣхалъ въ Москву, но и тамъ все еще пытался увѣрить себя, что я братъ и единомышленникъ руководителей этого «Посредника» и тѣхъ, что постоянно торчали въ его помѣщеніи, наставляя другъ друга на счетъ «доброй» жизни. Тамъ-то я и видѣлъ его еще нѣсколько разъ. Онъ туда иногда заходилъ, вѣрнѣе, забѣгалъ (ибо онъ ходилъ страшно легко и быстро) по вечерамъ и, не снимая полушубка,

сидѣлъ часъ или два, со всѣхъ сторонъ окруженный братіей, серьезно дѣлавшей ему порою такіе вопросы: «Левъ Николаевичъ, но что-же я долженъ былъ бы сдѣлать, если бы на меня напалъ, напримѣръ, тигръ?» Онъ въ такихъ случаяхъ только смущенно улыбался и говорилъ:

— Да какой же тигръ, откуда тигръ? Я вотъ за всю жизнь не встрѣтилъ ни одного тигра...

Вспоминаю еще, какъ однажды сказалъ ему, желая сказать пріятное и даже слегка подольститься:

— Вотъ всюду (возникаютъ теперь эти общества трезвости.

Онъ слегка нахмурился:

— Какія общества?

— Общества трезвости...

— То есть, это когда собираются, чтобы водки не пить? Вздоръ. Чтобы не пить, не зачѣмъ собираться. А ужъ если собираться, то надо пить. Все вздоръ, ложь, подмѣна дѣйствія видимостью его...

А на дому я былъ у него еще только одинъ разъ. Меня провели черезъ залу, гдѣ я когда-то впервые сидѣлъ съ нимъ возлѣ милой розовой лампы, потомъ въ эту маленькую дверку, по ступенькамъ за ней и по узкому коридору, и я робко стукнулъ въ дверь направо.

— Войдите, — отвѣтилъ старческой альтовый голосъ.

И я вошелъ и увидѣлъ низкую, небольшую комнату, тонувшую въ сумракъ отъ желѣзнаго щитка надъ стариннымъ подсвѣчникомъ въ двѣ свѣчи, кожаный диванъ возлѣ стола, на которомъ стоялъ этотъ подсвѣчникъ, а потомъ и его самого, съ книжкой въ рукахъ. При моемъ входѣ онъ быстро поднялся и неловко, да-

же, какъ показалось мнѣ, смущенно бросилъ ее въ уголь дивана. Но глаза у меня были мѣткіе, и я увидѣлъ, что читалъ онъ, то есть перечитывалъ (и, вѣрно, уже не въ первый разъ, какъ дѣлаемъ это и мы, грѣшныя) свое собственное произведеніе, только что напечатанное тогда, — «Хозяинъ и работникъ». Я, отъ восхищенія передъ этой вещью, имѣлъ безтактность издать восторженное восклицаніе. А онъ покраснѣлъ, замахалъ руками:

— Ахъ, не говорите! Это ужасъ, эта такъ ничтожно, что мнѣ по улицамъ ходить стыдно!

Лицо у него было въ этотъ вечеръ худое, темное, строгое, точно изъ бронзы литое. Онъ очень страдалъ въ тѣ дни — не задолго передъ тѣмъ умеръ его семилѣтній Ваня. И послѣ «Хозяина и работника» онъ тотчасъ же заговорилъ о немъ:

— Да, да, милый, прелестный мальчикъ былъ. Но что это значить — умеръ? Смерти нѣтъ, онъ не умеръ, разъ мы любимъ его, живемъ имъ!

Вскорѣ мы вышли и пошли въ «Посредникъ». Была черная мартовская ночь, дулъ весенній вѣтеръ, раздувая огни фонарей. Мы бѣжали наискось по снѣжному, бѣлому Дѣвичью Полю, онъ прыгалъ черезъ канавы, такъ что я едва успѣвалъ за нимъ, и опять говорилъ — отрывисто, строго, рѣзко:

— Смерти нѣту, смерти нѣту!

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его лѣтъ черезъ десять послѣ того. Въ страшно морозный вечеръ, среди огней за сверкающими, обледенѣлыми окнами магазиновъ, шелъ по Арбату — и неожиданно столкнулся съ нимъ, бѣгущимъ своей пружинной, подпрыгивающей походкой прямо навстрѣчу мнѣ. Я остановился и сдер-

нуль шапку. Онъ тоже пріостановился и сразу узналъ меня:

— Ахъ, это вы! Здравствуйте, надѣвайте, пожалуйста, надѣвайте шапку. . . Ну, какъ, что, гдѣ вы и что съ вами?

Старческое лицо его такъ застыло, посинѣло, что имѣло совсѣмъ несчастный видъ. Что-то вязаное изъ голубой песцовой шерсти, что было на его головѣ, было похоже на старушечій шлыкъ. Большая рука, которую онъ вынулъ изъ песцовой перчатки, была совершенно ледяная. Поговоривъ, онъ крѣпко и нѣжно нѣсколько разъ пожалъ ея мою, опять глядя мнѣ въ глаза горестно, съ поднятыми бровями.

— Ну, Христось съ вами, Христось съ вами, до свиданія. . .

Парижъ. 1927.

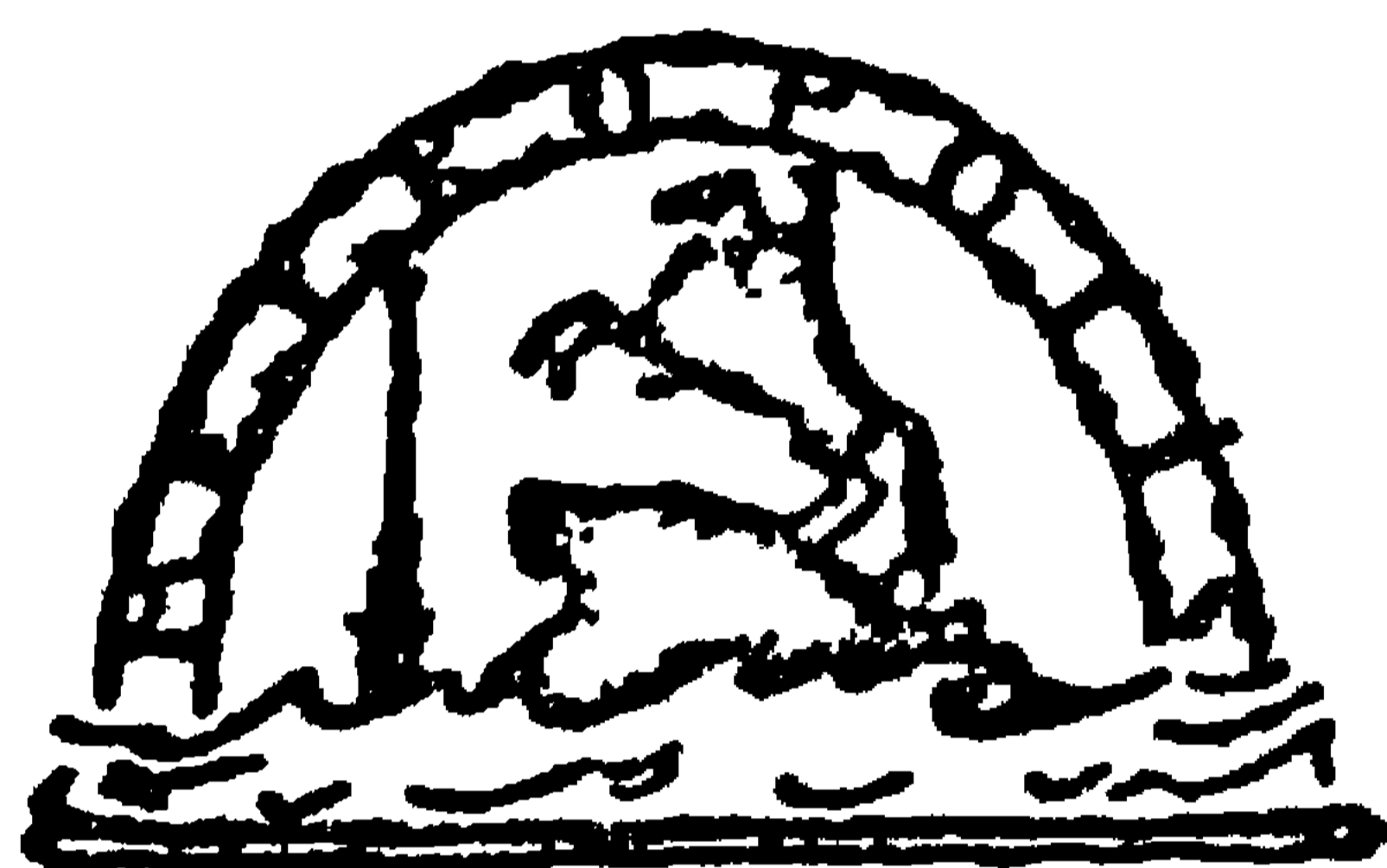
СОДЕРЖАНИЕ:

Послѣдняя весна	7
Послѣдняя осень	22
Брань	28
Окаянные дни	75
Чеховъ	211
Толстой	241

Монографія

Собрание сочинений
И. А. Бутына

~~М. М.~~ X

ОКОНЧА
НОВЕДЕН

Міжнародна та
національна наука
було яка нова
людина та

1953

Л. Б.

КОРРЕКТУРА ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ
«ОКАЯННЫХ ДНЕЙ»,
СДЕЛАННАЯ И. А. БУНИНЫМ.

— Въ Петербургъ будто бы вошелъ нѣмецкій корпусъ. Завтра декретъ о денационализаціи банковъ. Думаю, что опять таки это все сами большевики насъ дурачатъ.

А телефонъ и нынче звонитъ — трещитъ, звенитъ и сыплеть красныя огненные искры!

1 Марта.

Вечеръ у Ш.

Идя къ нему, видѣли адвоката Т. Подѣхаль къ своему дому на красной лошади. Приостановились, поздоровались. Бодръ, говоритъ, что большевики заняты сейчасъ однимъ: «награбить, какъ можно больше денегъ, такъ какъ сами отлично знаютъ, что царствію ихъ конецъ».

У Ш., кромѣ насъ, Д. и Грузинскій.

Грузинскому рассказывалъ въ трамваѣ солдатъ: «Хожу безъ работы, пошелъ въ совѣтъ депутатовъ просить мѣста — мѣсть, говорятъ, нѣту, а вотъ тебѣ два ордера на право обыска, можешь отлично пожить. Я ихъ послалъ куда подалъ, я честный человекъ...»

Д. получилъ свѣдѣнія изъ Ростова: корниловское движеніе слабо. Г. возражалъ: напротивъ, оно крѣпнетъ и растетъ. Д. прибавилъ: «Большевики творятъ въ Ростовѣ ужасающія звѣрства. Могила Каледина разрыли, разстрѣляли 600 сестеръ милосердія...» Ну, если не шестьсотъ, то все таки, вѣроятно, порядочно. Не первый разъ нашему христолюбивому мужичку, о которомъ сами же эти сестры распустили столько легендъ, избивать ихъ, насиловать.

Каледина

Церковный

Геленко

А.С.

ный, идешь — и вдруг видишь открытыя ворота, за ними, въ глубинѣ двора, прекрасный силуэтъ стариннаго дома, мягко темнѣющій на ночномъ небѣ, которое тутъ совсѣмъ другое, чѣмъ надъ улицей, а передъ домомъ столѣтнее дерево, черный узоръ его громаднаго раскидистаго шатра...

Читалъ новый рассказъ Тренева («Батраки»). Отвратительно. Что-то, какъ всегда теперь, насквозь лживое, претенциозное, рассказывающее о самыхъ страшныхъ вещахъ, но ничуть не страшное, ибо авторъ не серьезенъ, изнуряетъ «наблюдательностью» и такой чрезмѣрной «народностью» языка и всей вообще манеры рассказывать, что хочется плюнуть. И никто этого не видитъ, не чувствуетъ, не понимаетъ, — напротивъ, всѣ восхищаются. «Какъ сочно, красочно!»

«Съѣздъ Совѣтовъ». Рѣчь Ленина. О, какое это животное!

Читалъ о стоящихъ на днѣ моря трупахъ, — убитые, утопленные офицеры. А тутъ «Музыкальная табакерка».

3 Марта.

Нѣмцы взяли Николаевъ и Одессу. Москва, говорятъ, будетъ взята семнадцатаго, но не вѣрю и все собираюсь на югъ.

Маяковскаго звали въ гимназiи Идиотомъ Полифемовичемъ.

5 Марта.

Сѣро, рѣдкій снѣжокъ. На Ильинкѣ возлѣ банковъ туча народу — умные люди выбираютъ деньги. Вообще, многіе тайкомъ готовятся увѣзжать.

Волошинъ разсказывалъ, что предсѣдатель одесской
чрезвычайки Сѣверный (сынъ одесскаго доктора
Юзефовича) говорилъ ему:

— Простить себѣ не могу, что упустилъ Колчака,
который былъ у меня однажды въ рукахъ!

Болѣ оскорбительнаго я за всю мою жизнь не слы-
халъ.

Дыбенко... Чеховъ однажды сказалъ мнѣ:

— Вотъ чудесная фамилія для матроса: Кошкодав-
ленко.

Дыбенко стоитъ Кошкодавленки.

О Колонтай (разсказывалъ вчера ~~Н. Н.~~)

— Я ее знаю очень хорошо. Была когда-то похожа
на ангела. Съ утра надѣвала самое простейшее плать-
ице и скакала въ рабочія трущобы — «на работу». А
воротясь домой, брала ванну, надѣвала голубенькую
рубашечку — и шмыгъ съ коробкой конфетъ въ кро-
вать ~~къ подружкѣ~~ «Ну давай, дружокъ, поболтаемъ те-
перь всласть!»

Судебная и психіатрическая медицина давно знаетъ
и этотъ (ангелоподобный) типъ среди прирожденныхъ
преступницъ и проституттокъ.

Изъ «Извѣстій»:

— Крестьяне говорятъ: дайте намъ коммуну, лишь-
бы избавьте насъ отъ кадетовъ...

Кошк!